

Особенности конных формирований бургундской и французской армий 1470–1477 гг.

Карл Смелый
1460-е годы

Читайте
в номере

Воины
Бургундской
армии
1467–1477 гг.

Ордонансовые роты (от франц. *compagnie d'ordonnance*) — конные формирования французской армии — появились согласно указам (ордонансам) 1431, 1445 годов короля Карла VII и стали прообразом постоянных армий в Западной Европе XV—XVI вв.

Ордонансовые роты правителя Бургундии герцога Карла Смелого, хотя и были созданы по примеру французских, характеризовались более сложной организацией. Из опубликованной в номере статьи кандидата исторических наук М.К. Чинькова «Бургундские ордонансовые роты. 1470—1477 гг.», подготовленной на основе исследований отечественных и зарубежных историков, читатели узнают о принципах и особенностях формирования этих войск, их структуре, полномочиях начальников, командиров и их взаимоотношениях с конными и пешими войсками. Материал содержит подробности, касающиеся денежного содержания, экипировки, вооружения, наказаний, отпусков в ордонансовых ротах. Интересно, что по показателям дисциплины и порядка бургундцы были выше французских воинов. Карл Смелый организовывал частые смотры своих рот и даже впервые в Европе пытался проводить учения войск в мирное время.

Однако ордонансовые роты составляли меньшую часть бургундской армии, с которой Карл Смелый ходил в походы в Германию, Лотарингию и Швейцарскую конфедерацию. Возможно, поэтому, несмотря на все новое и положительное, присущее этим войскам, их преследовали неудачи в реальных военных действиях. В результате правитель Бургундии не получил необходимого ему первенства в деле централизации Франции и на карте Европы так и не появилось новое государство — Великая Лотарингия.

Публикацию подготовила
Е.В. ДОБЫЧИНА

Жандарм
(на первом плане)
и оруженосец
бургундского
герцога
Карла Смелого

Жандарм
дворянской гвардии
Карла Смелого

Бургундские лучник
и кулевриньер

Иллюстрации из кн.: Куркин А.В. Рыцари: последние битвы. М.: АСТ, СПб.: Полигон, 2005; Детская военная энциклопедия: Удар и защита. СПб.: Полигон; М.: ОЛМА-Пресс, 2001.

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы. Книги. Учебные пособия» агентства «Роспечать».

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков — 70137.

Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в киосках по каталогу «Газеты. Журналы. Книги» на всей территории России.

Стоимость одного экземпляра журнала по каталогу в первом полугодии 2008 года — 44 рубля.

В розницу цена свободная.

Адрес для переписки:
119160, Москва,
Хорошевское шоссе,
д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала».
Тел. редакции для справок:
(495) 693-54-10;
8-906-751-06-97
E-mail: Mil_Hist_magazin@mail.ru

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и «Военно-исторический журнал. Интернет - приложение» — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут приобретать отдельные номера журнала в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ, тел.: 8 (499) 157-80-47.

Ежемесячное издание
Министерства
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОКТАБРЬ
№ 10
2007 год

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

Псевдонаучное исследование военных действий в Северном Причерноморье

Особенности межнациональных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны

Польская разведка против Красной армии. 1920—1930-е годы

Флот Балтийского моря в кампании 1915 года

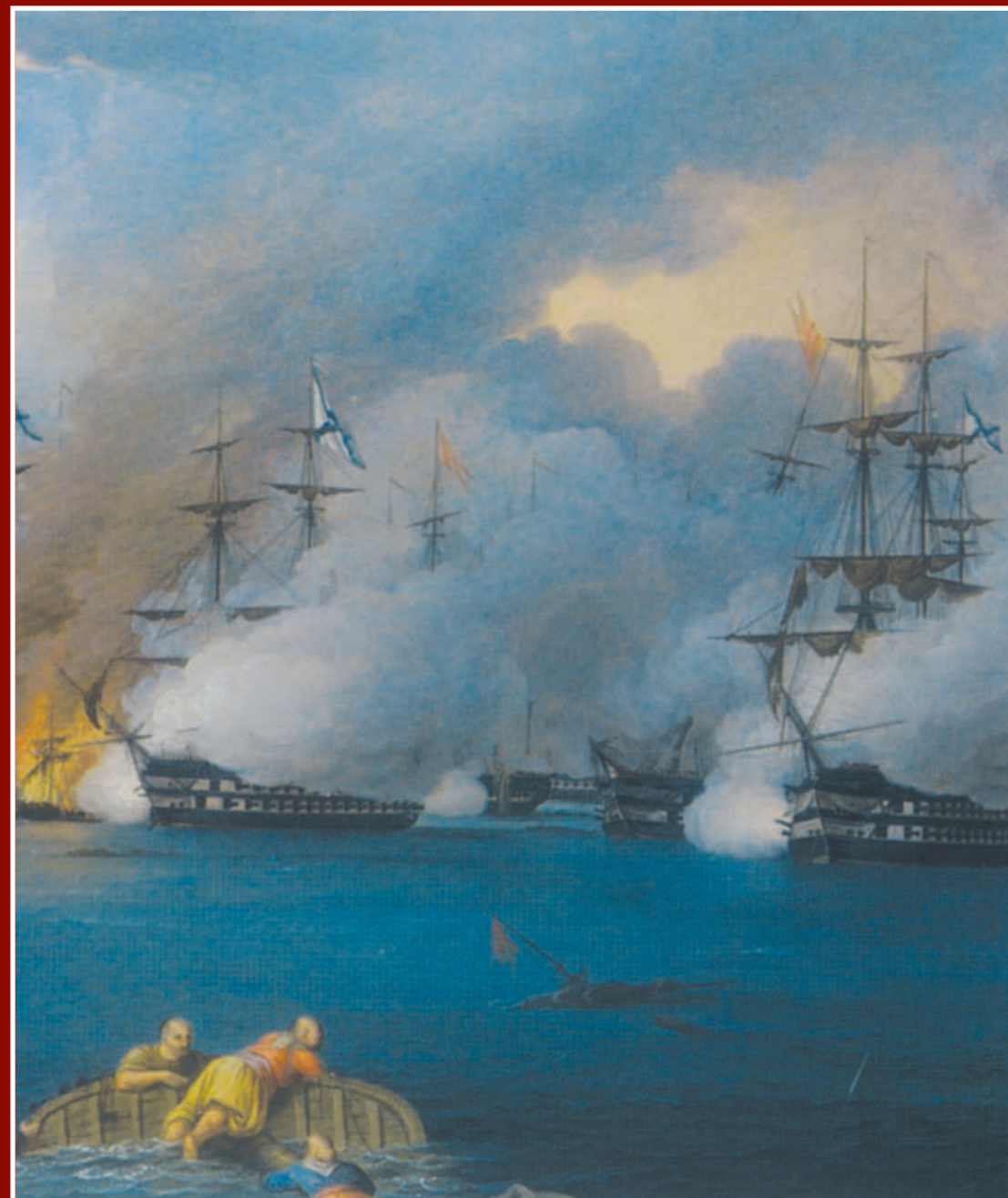
Учреждение эмеритальной кассы в российской армии. Вторая половина XIX века

Бургундские ордонансовые роты. 1470—1477 гг.

О порядке зачисления и деятельности школ с первоначальной летной подготовкой

ISSN-0321-0626

Военно-исторический журнал № 10 октябрь 2007

Наваринское сражение 8 октября 1827 года
Неизвестный художник первой половины XIX века

8(20) октября — 180-летие Наваринского сражения (1827)

Мануэль Асанья — президент Испанской республики

«МЫ МЧАЛИСЬ ЧТОБ ЗЕМЛЮ» Международная выставка

В МОСКВЕ в Выставочном зале федеральных архивов прошла международная выставка «Гражданская война в Испании 1936–1939 гг.». В ее подготовке приняли участие Министерство культуры Испании, Национальный исторический архив Испании и Архив истории гражданской войны, а также Федеральное архивное агентство России, Российский государственный военный архив (РГВА). На открытии выступили руководитель Федерального архивного агентства В.П. Козлов, директор РГВА В.Н. Кузеленков, советник по культуре посольства Испании Хорхе де Оруэрс.

Первый раздел выставки был посвящен борьбе интернациональных бригад, обороне Мадрида, роли фалангистов и характеру советской помощи Испании. Особый интерес вызвали документы, рассказывающие об обстоятельствах перевода золотого запаса Испании в Советский Союз. Во втором разделе рассказано о судьбе испанских детей, эвакуированных в Советский Союз. По различным данным в нашу страну их приехало от пяти до двенадцати тысяч. Одна из них — Итурран-Гонья Хосефина на примере своей семьи подробно рассказала о событиях гражданской войны и жизни в Советском Союзе. В третьем разделе представлены фотопортреты ведущих политических деятелей Испании исследуемого периода, фотографии демонстраций фалангистов, боев под Мадридом, а также знамя интернациональной бригады, личные вещи бойцов республиканских частей, значки Коммунистической партии Испании, Коммунистической партии Страны Басков, интернациональных бригад.

Помимо всего прочего демонстрировались ранее недоступные документы, в том числе сводки советских разведывательных органов, донесения военных советников Республиканского правительства в Испании.

Публикацию подготовили
Ю.А. ЛИТВИНОВ;
А.А. КЛЯШТОРИН,
студенты Московского
гуманитарно-экономического
института
(Москва)

Советский пароход «Курск» с военными материалами в порту Аликанте 1936 г.

Боец республиканской армии

Пилотка с эмблемой бойца народной милиции, принадлежавшая Рубену Ибаррури

Изображение самолета И-16 ВВС республиканцев
Дерево, металл, эмаль

Медали участников антифашистского движения

Памятные медали

Общий вид зала Великой Отечественной войны Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Санкт-Петербург

ПОТРЕБНОСТЬ в специальных средствах связи появилась, по сути, с первыми вооруженными конфликтами. Поначалу это были примитивные сигнальные средства (сигнальные стрелы), а также пешие и конные посыльные. В XVI веке вдоль границ Русского государства были созданы засечные линии и организованы сторожевые посты, которые передавали сигналы о вторжении врагов с помощью горящих вех и сигнальных башен. В это же время на Руси зародилась ямская гоньба, которая обеспечивала доставку сообщений государственного и военного назначений. В 1716 году появился Устав воинский, в котором были упорядочены многие вопросы управления войсками, в том числе введены почтмейстеры и установлена служба полевой почты — прообраз современной службы связи.

В 1791 году братья Шапп во Франции сконструировали семафорный телеграф. Аналогичную, но более простую и надежную конструкцию семафорного телеграфа создал в 1794 году русский изобретатель И.П. Кулибин. В 1832 году русский ученый и дипломат П.И. Шиллинг изобрел электромагнитный телеграфный аппарат. Попытка применения телеграфа в армии для управления войсками была сделана во время Крымской войны 1853–1856 гг. В 1870 году было начато формирование военно-походных телеграфных парков. 7 мая 1895 года А.С. Попов на заседании Русского физико-химического общества сделал доклад об изобретении им системы связи без проводов и продемонстрировал радиоприемник в действии.

Во второй половине 1920-х годов в войска и на флоты стали поступать отечественные средне- и длинноволновые радиостанции первого поколения радиовооружения РККА и РККФ. В 1930-х годах промышленность стала производить радиостанции коротковолнового диапазона второго поколения. С начала 1950-х годов на вооружение войск связи поступает несколько поколений легких радиорелейных станций с двумя-четырьмя телефонными и телеграфными каналами. Тяжелые и многоканальные радиорелейные станции начали разрабатываться в конце 1950-х годов.

Следующим родом связи, который был освоен в послевоенные годы и буквально изменил мир, стала космическая связь и ее разновидность — спутниковая связь.

Публикацию подготовила
А.Н. ЧАБАНОВА

Иллюстрации из кн.: Крылов В.М., Успенская С.В., Ефимов С.В., Денисов С.А. и др. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи: путеводитель. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2003. 237 с., ил.

ОТ СИГНАЛЬНЫХ СТРЕЛ ДО СПУТНИКОВОЙ СВЯЗИ

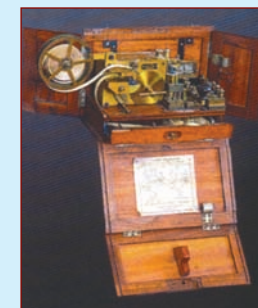
История средств связи в коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Первый приемник А.С. Попова
Лабораторный образец 1895 г.

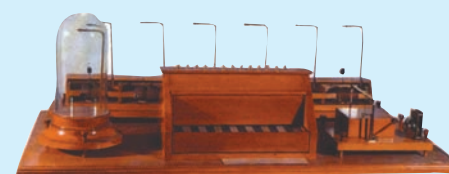

Полевой телефонный аппарат фирмы «Эриксон» 1909 г.

Облегченный кавалерийский телеграфный аппарат 1914 г.

20 октября — День военного связиста

Телеграфный аппарат Шиллинга

Полевая искровая радиостанция фирмы «Сименс и Гальске» (модель) 1904 г.

Телеграфный аппарат «Оливетти» (Италия)
Находился на узле связи фельдмаршала Паулюса под Сталинградом

Командно-штабная машина Р-145 («Чайка»)

Основан
в августе 1939 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Октябрь
№10 (570)
2007 год

ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ А.В. ЛОБАНОВ — Псевдонаучное исследование военных действий в Северном Причерноморье	3	AGAINST LIE AND FALFIFICATION A.V. LOBANOV — Pseudoscientific analysis of the military operations in the region of Northern Black Seaside
Е.Г. МАЧИКИН — Разбавленная анекдотами хроника с многочисленными ошибками и неточностями	7	E.G. MACHIKIN — The chronicle, diluted with jokes, and numerous mistakes and inaccuracies
ФРОНТОВОЙ АЛЬБОМ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» С.М. БОРЗУНОВ — В боях за Берлин	9	THE BATTLE ALBUM OF «VOYENNO-ISTORICHESKIY ZHURNAL» S.M. BORZUNOV — In battles for Berlin
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг. Н.И. КОНДАКОВА — Особенности межнациональных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны	12	THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945 N.I. KONDAKOVA — Features of relations of different nations in the USSR during the days of the Great Patriotic War
ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ НАУКИ Исследователи отечественной стратегии	15	HISTORY OF THE MILITARY SCIENCE Researches of the domestic strategy
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ К.В. ЯЦЕНКО — Новое осмысление событий Великой Отечественной войны на территории Центрального Черноземья	16	HISTORIOGRAPHY AND THE SOURCE STUDY K.V. YATSENKO — New comprehension of the Great Patriotic War events in the region of the Central Chernozem Zone
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО Б.Ф. ЧЕЛЬЦОВ — Главный штаб ВВС: этапы деятельности, роль и место в управлении войсками. 1946—1998 гг.	20	MILITARY CONSTRUCTION B.F. CHELTSOV — General staff of the Air Forces: stages of activity, role and place in management of armies. 1946—1998
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА Д.Ю. КОЗЛОВ — Флот Балтийского моря в кампании 1915 года: новые проблемы и новые достижения	25	WORLD WAR I D.Yu. KOZLOV — The Baltic Sea Fleet in the campaign of 1915: new problems and new achievements
НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ А.А. ЗДАНОВИЧ — Польская разведка против Красной армии. 1920—1930-е годы	32	UNKNOWN FROM THE SPECIAL SERVICES LIFE A.A. ZDANOVICH — The Polish Intelligence service against the Red Army. 1920—1930
ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ А.А. БУДКО, Д.А. ЖУРАВЛЕВ — Хранители традиций военной медицины	37	THE HISTORY OF THE MILITARY MEDICINE A.A. BUDKO, D.A. ZHURAVLEV — Keepers of the military medicine traditions
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ В.С. ЦАРИК — Учреждение эмеритальной кассы в российской армии. Вторая половина XIX века	41	DOCUMENTS AND MATERIALS V.S. TSARIK — Founding of the insurance fund in the Russian Army. The second part of the XIX century
ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ В.Л. ГЕРАСИМОВ — Отечественная морская авиация начиналась с аэроплана «Антуанетт»	46	FROM THE HISTORY OF ARMAMENT AND MILITARY EQUIPMENT V.L. GERASIMOV — The Navy Aviation of this country began from the aircraft of Antuanett
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ Е.В. ИЛЬИН — В Санкт-Петербургском государственном университете изучают военную историю	49	SCIENTIFIC REPORTS AND INFORMATION E.V. IL'IN — The military history is studied at the St.-Petersburg State University
ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ А.П. ПАВЛОВ — «Постоянно нужно иметь повышенный резерв боеприпасов»	50	MEMOIRS AND ESSAYS A.P. PAVLOV — "It is permanently necessary to have increased reserve of the ammunition"
ВОЕННО-МЕМОРИАЛЬНАЯ РАБОТА И.П. ЦУКАНОВ — Курские поисковики продолжают устанавливать имена погибших земляков	53	MILITARY MEMORIAL WORK I.P. TSUKANOV — The Kursk searching groups continue to determine names of the lost fellow-townsmen
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ Н.А. МОНАСТЫРЕВ — «Мы дошли до черты, за которой гибель государства» (Публикация Г.Г. МОНАСТЫРЕВОЙ)	57	FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS N.A. MONASTYREV — "We have come to the boundary behind which is the death of the state" (Publication of G.G. MONASTYREVA)
ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ Е.И. ЮРКЕВИЧ — Судьба четвертого сына императора Павла I	61	EPOCH, REFLECTED IN BIOGRAPHIES E.I. YURKEVICH — The destiny of the forth son of Emperor Paul I
ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ С.Н. ЛЮТОВ — Русская военная книга во второй половине XVIII века	63	MILITARY TRAINING AND EDUCATION S.N. LYUTOV — The Russian military book in the second half of the XVIII century
МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ★ ★		THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE
В ЗАРУБЕЖНЫХ АРМИЯХ М.К. ЧИНЯКОВ — Бургундские ордонансовые роты. 1470—1477 гг.	67	IN THE FOREIGN ARMIES M.K. CHINYAKOV — The Burgundy ordnance companies. 1470—1477
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ В.М. ДОГАДИН — Моя служба в 4-м понтонном батальоне. 1906—1908 гг. (Публикация З.Д. ЯСМАН)	72	FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS V.M. DOGADIN — My service in the 4th pontoon battalion. 1906—1908 (Publication of Z.D. YASMAN)
ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ Я.А. ДОЛИНЧУК — Первая ступенька в небо	75	MILITARY TRAINING AND EDUCATION Ya.A. DOLINCHUK — The first step to the sky
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ С.Л. ТАШЛЫКОВ — О деятельности флотской разведки в годы Советско-финляндской войны 1939—1940 гг.	78	CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY S.L. TASHLYKOV — About the activities of the Navy Intelligence service during the days of the Soviet-Finland war 1939—1940
Е.С. ДАНИЛИНА — И.В. Сталин и У. Черчилль — союзники-антагонисты	79	E.S. DANILINA — J.V. Stalin and W. Churchill — allies-antagonists
О.Р. ДМИТРИЕВА — Советская артиллерия в важнейших битвах Великой Отечественной войны	79	O.R. DMITRIEVA — The Soviet artillery in the most important battles of the Great Patriotic War
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ — 19; ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» — 24; ХРОНОГРАФ — 42; СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И РЕЦЕНЗЕНТАХ НОМЕРА — 80		SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION — 19; THE EDITORIAL MAIL OF «VOENNO-ISTORICHESKIY ZHURNAL» — 24; CHRONOGRAPH — 42; INFORMATION ABOUT AUTHORS AND REVIEWERS OF THE ISSUE — 80

VOYENNO-
ISTORICHESKIY
ZHURNAL

10 (570) 2007 October

The Journal of Military History

Edition of the Ministry of Defense
of the Russian Federation
Founded in August, 1939

В ОЧЕРЕДНЫХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА

ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

Новые версии нашего
прошлого за счет
домыслов и искажений
на страницах газеты
научного сообщества
«Поиск»

ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

Начало воссоединения
русских земель при царе
Алексее Михайловиче.
Середина XVII века

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

Перспективы развития
систем вооружения и
военной техники
российской армии
в конце XX —
начале XXI века

НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Екатерина II: «Нужно
иметь в особливом
внимании город
Несвиж, яко место
укрепленное...»

АРМИЯ. ОБЩЕСТВО. КОНФЕССИИ

Храм-памятник
воинской славы России.
К 130-летию победы
под Плевной
в Русско-турецкой войне
1877—1878 гг.

НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ

Суперагент
И.В. Сталина
И.Р. Григулевич

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

И.А. АНФЕРТЬЕВ — главный редактор «Военно-исторического журнала», капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

Редакционная коллегия:

С.В. АВЕРЧЕНКО — заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала», подполковник, кандидат исторических наук (Москва)

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

С.А. ИЛЬЕНКОВ — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)

В.И. ИСАКОВ — начальник Тyla Вооруженных сил — заместитель министра обороны РФ, генерал армии (Москва)

В.Г. КИКНАДЗЕ — ответственный секретарь редакции «Военно-исторического журнала», капитан 2 ранга, кандидат военных наук (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)

В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)

А.А. КОЛЬТЮКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник запаса, кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами, генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

А.С. РУКШИН — начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

С.Е. РЫБАКОВ — начальник Управления информации и общественных связей МО РФ — заместитель начальника Аппарата министра обороны РФ, генерал-майор запаса, доктор философских наук, профессор (Москва)

А.С. СКВОРЦОВ — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат политических наук, доцент (Москва)

Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения, генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)

В.И. ТЕРЕЦЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск, полковник (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник, заслуженный работник культуры РФ (г. Подольск Московской области)

РЕДАКЦИЯ:

научные редакторы:

РА. АЛИЕВ;
О.Р. ДМИТРИЕВА;
Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;

В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант в отставке, кандидат исторических наук, профессор;

Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ, полковник запаса, кандидат философских наук, старший научный сотрудник;

Ю.Л. КУШЕР, полковник запаса, кандидат исторических наук;

В.Г. ОППОКОВ, капитан

1 ранга в отставке;

А.В. ОСТРОВСКИЙ;

Р.И. ПАРФЕНОВ,

старший лейтенант;

О.В. ТАРАСОВ, лейтенант;

А.Н. ЧАБАНОВА

секретариат:

М.В. ЗАБРОДИНА

(заместитель ответственного секретаря редакции);

К.Н. АГАФОНОВА;

Е.В. КРИГЕР;

Ю.В. СНЕГОВА;

А.С. ФИЛИПОВА

литературная редакция:

О.К. ГРАЧЕВА,

заслуженный работник культуры РФ;

Е.С. ДАНИЛИНА;

А.М. ПЕТРОВ, полковник запаса

художественный редактор

Т.Г. ПИМЕНОВА

заведующая редакцией

М.П. МОИСЕЕВА

Адрес для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, 38 Д, редакция «Военно-исторического журнала». тел.: (495) 693-57-45, 8-906-751-06-97; E-mail: Mil_Hist_magazin@mail.ru

ПСЕВДОНАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

«Неизвестные войны» историка Александра Широкограда

«Увы, концы с концами не сходились» – это цитата из книги¹ историка А.Б. Широкограда, который практически все действия советского командования в годы Великой Отечественной войны рассматривает исключительно в негативном преломлении, а «тысячи книг и... сотни художественных и документальных фильмов» на эту тему считает «макулатурой», что он, дескать, уяснил еще со школьной скамьи². Какие же конкретно несоответствия и неточности, а порой и откровенная дезинформация содержатся в книге А.Б. Широкограда, посвященной, о чем сообщается в краткой аннотации к ней, «военным действиям в Северном Причерноморье во время Великой Отечественной войны»³?

Одним из характерных для данного исследования ложных посылов можно считать утверждение, что балтийцы якобы «ухитрились потерять» на собственных минах эсминец «Гневный» и что крейсер «Максим Горький» был серьезно поврежден и едва дошел до базы⁴. Вместе с тем документально подтверждено, что первый из них погиб, а второй подорвался на минном заграждении противника, скрытно выставленном немецкими минными заградителями, базировавшимися в финских шхерах, перед самым началом войны, а точнее, 19—21 июня 1941 года⁵. Понятно, что на основании извращенного факта делается и соответствующий предвзятый вывод о бесполезности оборонительных мер, предпринятых командованием Балтийского флота по защите своих военно-морских баз (ВМБ) от противника. И все это для того чтобы убедить читателя в том, что еще более бесперспективной и даже вредной оказалась минная оборона на Черном море. А.Б. Широкоград так и жаждет «спросить наших адмиралов, от кого же предпринимались все эти меры предосторожности»⁶, поскольку «получается, что первые несколько дней войны Черноморский флот воевал с несуществующим противником»⁷ и «благодаря своим же заграждениям корабли Черноморского флота потеряли свободу маневрирования»⁸.

Подобное мнение нельзя воспринимать всерьез, так как ситуация, сложившаяся в отдельном районе Черного моря, рассматривается в отрыве от общей обстановки в войне на море. Да, вблизи Севастопольских бухт вражеских кораблей не наблюдалось, но в Бресте (Франция) находились немецкие линкоры «Шарнхорст», «Гнейзенау» и крейсер «Принц Ойген», прорыв которых через Гибралтар в Средиземное море и далее через Дарданеллы и Босфор в Черное был отнюдь не фантастическим вариантом⁹. Поддержку этим кораблям могли оказать линейный крейсер «Страсбург», линкор «Ришелье» и тяжелые крейсера, имевшиеся в распоряжении французского вишистского правительства. Не случайно англичане в 1940—1942 гг. не раз атаковали своих недавних союзников, только бы не

позволить вишистам передать эти корабли в руки немецкого командования. Нельзя было рассчитывать и на зыбкий нейтралитет Турции, готовой в удобное время содействовать немцам, по крайней мере пропускать через проливы как германские, так и итальянские, болгарские и другие боевые корабли. Впрочем, впоследствии они так и поступали, правда, в отношении лишь немецких быстроходных десантных барж, якобы не имевших вооружения.

Что касается гибели кораблей на собственных минных заграждениях, так это, увы, неизбежные издержки войны, которые претерпевали все флоты: на своих минах гибли те же немецкие надводные корабли и подводные лодки на Балтике и в Ла-Манше, в Ла-Манше же несли потери от собственных мин англичане, в Тихом океане подрывались подобным образом американские и японские корабли. Так что обвинение Широкограда в адрес только советского командования явно тенденциозно, тем более что не будь минных заграждений на подступах к Севастополю, вражеские подводные лодки и торпедные катера могли бы беспрепятственно атаковать наши корабли у самого выхода из базы. То, что они этого не делали, как раз и подтверждает боязнь противника минной угрозы и его нежелание рисковать.

Сомнительны рассуждения автора по поводу гибели советской подводной лодки Щ-206, происшедшей, как он считает, исключительно в результате атаки эсминца «Сообразительный»¹⁰, хотя район Констанцы, где происходила атака эскадренного миноносца, лежал в десятках миль севернее позиционного района подлодки, она там не могла оказаться. Кроме безапелляционных утверждений А.Б. Широкограда об ее обнаружении в результате контрольного траления в упомянутом районе¹¹, а также о «строжайшем запрете» из Москвы «даже на... осмотр водолазами» обнаруженного корпуса Щ-206, у других исследователей подобных сведений не встречается.

Достается командованию Черноморского флота от А.Б. Широкограда и за промахи, зачастую надуманные и гиперболизированные, в организации обороны Севастополя. Этому, правда, с частыми отвлечениями к другим районам боевых действий в Крыму, отведена почти половина исследования. Так, уход крупных кораблей из главной ВМБ флота в конце октября — начале ноября 1941 года, по его мнению, был преждевременным и не вызванным обстановкой¹².

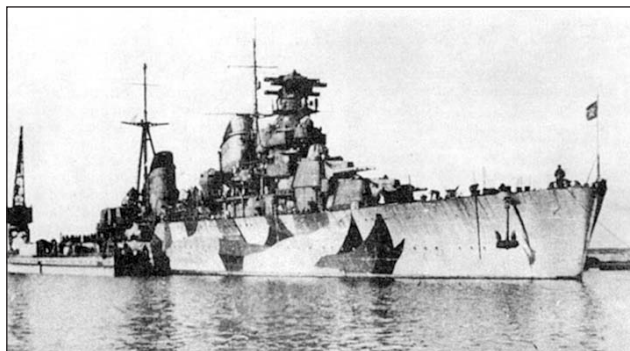
На деле ситуация была совершенно иной, и корабли перебазировали именно тогда, когда

Обложка книги

Эскадренный миноносец «Сообразительный»
Фото из коллекции А. БРИЧЕВСКОГО

Крейсер «Молотов»

гитлеровцы прорвались в Крым и вышли на ближние подступы к Севастополю, в результате чего возникла реальная угроза нанесения массированных бомбовых ударов по его важным объектам, в том числе и по кораблям в базе. Предостережением и уроком мог служить печальный опыт, когда 21—23 сентября 1941 года в ходе массированных налетов вражеской авиации на Кронштадт и Ленинград едва не был потерян Балтийский флот. Не приходится сомневаться, что Черноморский флот с менее слабой, чем на Балтике, противовоздушной обороной главной базы ждала более тяжелая, если не катастрофическая, участь. Что бы тогда высказывал впоследствии по этому поводу А.Б. Широкоград? Метал бы громы и молнии в советских адмиралов за то, что они, дескать, подставили крупные корабли под бомбы вражеских пикировщиков?

Точно так же беспочвенны упреки автора в том, что при ведении боев на южном побережье Крыма и Керченском полуострове в октябре—ноябре 1941 года слабо привлекались к огневой поддержке советских войск корабельные силы. Но разве их появление у берегов, контролируемых противником в условиях его господства в воздухе, могло быть эффективным? Вместе с тем крейсера, лидеры и эсминцы Черноморского флота все же осуществляли практически самоубийственные переходы морем. Так, в июне 1942 года под непрерывными атаками вражеских торпедных катеров, пикировщиков и торпедносцев они прорывались в осажденный Севастополь, оказывая при этом и артиллерийскую поддержку обороняющимся войскам. Крейсер «Молотов», например, с 12 по 15 июня проделал это дважды. Доставив севастопольцам подкрепление, он произвел также боевые стрельбы главным калибром, выпустив 650 снарядов. Аналогично действовали лидер «Ташкент», эсминцы «Безупречный», «Сообразительный», «Свободный» и другие.

Автор обвиняет командование флота в вывозе из Севастополя боеприпасов, которые якобы могли быть использованы для ведения огня не только корабельными и береговыми батареями, но и артиллерией Сухопутных войск, а также утверждает, что можно было использовать нештатные боеприпасы для ведения огня из орудий береговой и корабельной артиллерии или же переделывать боеприпасы, предназначенные для одного вида орудий в боеприпасы для другого вида¹³.

Если с тезисом о непродуманности вывоза из Севастополя боеприпасов для стрелкового

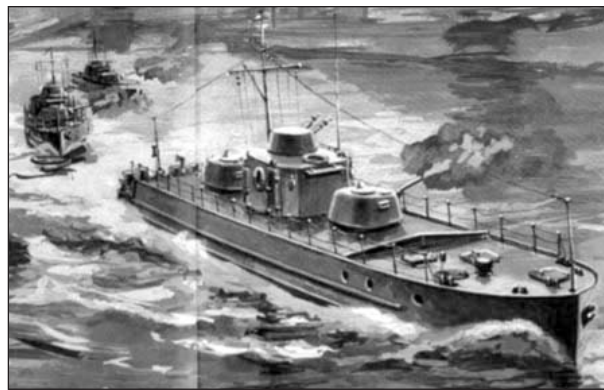
оружия и 12-дюймовых выстрелов для орудий 52 калибра еще можно согласиться, то с положением о возможности замены боеприпасов от одной артиллерийской системы боеприпасами пусть и одного калибра от другой согласиться невозможно в принципе: стрельба нештатными боеприпасами из артиллерийских орудий категорически запрещена — это ведет к разрыву ствола, выходу из строя материальной части и гибели личного состава. Так, 122-мм пушки ни при каких условиях не могут применять гаубичные снаряды аналогичного калибра, а 122-мм гаубицы — пушечные. Утверждение же автора о возможности использования для стрельбы из 305-мм пушек 52 калибра боеприпасов для 305-мм пушек 40 калибра и 305-мм гаубиц вообще нелепо. Точно так же выстрелы для 76,2-мм дивизионных пушек нельзя было использовать для ведения огня из 76,2-мм полковых, так как первые имели большой диаметр фланца гильзы и гильза не входила в выточку в захватных гнездах казенника. И боеприпасы для 76,2-мм зенитных пушек абсолютно не подходили к 76,2-мм полковым и дивизионным орудиям, поскольку имели гильзу большего размера. Поэтому огромные запасы выстрелов к 76,2-мм зенитным пушкам образца 1931 и 1938 годов были абсолютно бесполезны для снабжения полевой артиллерии. А именно эти выстрелы составляли 4/5 запаса боеприпасов калибра 76,2-мм в Севастополе, поскольку предназначались для корабельных 76,2-мм универсальных пушек 34-К. Не говорю уже о том, что боеприпасы для береговых 152-мм пушек системы Канне ни при каких обстоятельствах не могли использоваться в полевых 152-мм гаубицах, пушках и гаубицах-пушках. У каждого вида и типа боеприпасов своя баллистика, и при использовании их в орудиях с иной внутренней и внешней баллистикой траектории снарядов последствия становятся просто непредсказуемыми. Так что ни о какой подготовке данных для стрельбы и о корректировке стрельбы в подобных случаях не может быть и речи, как бы там не изощрялся А.Б. Широкоград, ссылаясь то на «малограмотных чеченцев», переделывавших «артиллерийские снаряды в дистанционно управляемые фугасы», то на «мощный морской завод и другие предприятия» Севастополя¹⁴.

Таким образом, вывоз избытка боеприпасов для артиллерийских систем, отсутствовавших в Севастополе, был вполне оправдан.

Необходимо указать и на откровенную дезинформацию, которой снабдил читателей автор «исследования», заявив о якобы имевшихся в

Защитники Одессы у захваченного оружия

Бронекатер БКА-75

Переведен в состав АВФл из Волжской военной флотилии в сентябре 1943 г.

1950-х годах на наших военных складах миллионных запасах 76,2-мм выстрелов выпуска 1914—1917 гг. Но еще в октябре—ноябре 1941 года, по сведениям Главного артиллерийского управления (ГАУ) Красной армии, все запасы этих снарядов на его базах были исчерпаны и снабжение войск велось буквально с колес. И позже, в январе—феврале 1942 года, в действующих войсках существовал лимит на ведение огня 76,2-мм пушек в три—пять выстрелов на орудие в день. Поэтому говорить о миллионах снарядов к ним выпуска 1914—1917 гг. на базах ГАУ не приходится. Речь может идти о соответствующих боеприпасах выпуска 1944—1945 гг., имевших по сравнению с предыдущими (образца 1902 г.) усиленный заряд.

И наконец о не совсем серьезном, мягко говоря, «рационализаторском предложении» лихо переделывать артиллерийские снаряды, предназначенные для одного вида артсистем, в боеприпасы, пригодные якобы для другого вида, ссылаясь на аналогичный калибр. Думается, что автор имел в виду не сложную артиллерийскую систему, а какое-нибудь древнее метательное орудие. Впрочем, как говорится, комментарии здесь излишни.

Продолжая артиллерийскую, а попутно «анти-адмиральскую» и «антигенеральскую» темы, А.Б. Широкоград упрекает советское командование в том, что, когда «весной 1942 г. нужды в артиллерии большой и особой мощности не было ни на одном фронте, кроме Севастополя», туда «не только 203-мм, но и даже 152-мм гаубицы... так и не были отправлены», как и тяжелых «танков КВ туда не отправляли, а вместо этого отправили легкие танки с противопульной броней»¹⁵.

Во-первых, для того чтобы доставить 47,5-тонные танки КВ в Севастополь, надо было иметь там по меньшей мере 50-тонные краны, чтобы выгрузить тяжеловесные машины на берег, поскольку они, в отличие от легких, не могли сойти с кораблей своим ходом. Во-вторых, 203-мм гаубицы тоже весили немало — более 18 т, и их разгрузка, как и в первом случае, требовала соответствующей техники, которой в Севастополе тогда не было. В-третьих, обвинения А.Б. Широграда беспочвенны еще и потому, что советское командование по этому поводу все-таки проявляло беспокойство. Так, командующий Черноморским флотом в разгар боев за Севастополь предложил перебросить в город 25 танков КВ на палубе линкора «Парижская Коммуна», в чем ему было отказано по

вполне резонной причине: существовала реальная опасность потерять на переходе и корабли, и танки¹⁶.

Довольно спорным является часто встречающееся в книге утверждение о якобы незначительном количестве тяжелой артиллерии, которой располагал противник во время боевых действий в Крыму. Причем, путаясь в фактах, автор то и дело обвиняет в невежестве отечественных артиллеристов, в том числе 5 маршалов артиллерии и 8 генерал-полковников, имевших, дескать, и «после войны... весьма смутное представление о германской тяжелой артиллерии»¹⁷. При таком подходе автору трудно было уйти от противоречивых выводов по одной и той же проблеме. Например, упоминая о том, как 20 ноября 1941 года корабли Черноморского флота обстреляли «населенные пункты южного берега Крыма, занятые немцами», а точнее дважды «подводная лодка С-32 обстреляла Ялту, а подводная лодка Д-4 выпустила 36 100-мм и 45-мм снарядов по Алуште», он пишет, что «в обоих случаях немцы не отвечали (видимо, отвечать-то было некому), а лишь выключили освещение»¹⁸. Подобная «мысль» настойчиво высказывается автором и еще раз: он информирует читателей, что «тяжелых пушечных батарей у Манштейна было немного», хотя несколькими абзацами раньше безапелляционно заявлял, что в тот период для немцев «главной отмычкой Севастополя стала... тяжелая артиллерия»¹⁹. Да и как могло быть иначе, если еще в марте 1942-го на совещании высшего немецкого военного командования, проходившем под руководством Гитлера, объявлялось, по свидетельству Широграда, о том же — «судьбу Севастополя должна была решить тяжелая германская артиллерия»²⁰.

С противоречивыми рассуждениями А.Б. Широграда, то и дело ссылающегося на свидетельство немецкого генерала Э. Манштейна, трудно согласиться. Другие исследователи, использующие архивные источники, приводят довольно объективные данные о том, что на вооружении немецких войск под Севастополем имелось значительное количество артиллерийских орудий калибра 105-мм и более, а также несколько полков и дивизионов 158,5-мм шестиствольных реактивных минометов²¹. При этом небольшая протяженность фронта обороны Севастополя и невозможность для его защитников маневра силами и средствами с других участков обороны позволили немецкой тяжелой артиллерии действовать практиче-

ски в идеальных условиях: в течение многих дней, не меняя огневых позиций, она могла спокойно и методично разрушать инженерные сооружения в этом районе на всем протяжении линии обороны, подготавливая условия для атак пехоты. Облегчало ее задачу и то, что оборонявшие Севастополь советские войска при отсутствии долговременных оборонительных сооружений располагали только полевыми сооружениями — окопами, блиндажами, в лучшем случае бронеколпаками.

В главе 31-й книги, полностью посвященной Керченско-Эльтигенской десантной операции, командованию ВМФ ставится в упрек то, что Азовская военная флотилия и Черноморский флот не были своевременно пополнены кораблями за счет других театров морских военных действий, в частности бронекатерами, которые якобы «зимой 1943/44 г. без толку стояли на берегах Волги, Амура, Онежского озера и т.д.»²².

Вынужден напомнить автору его же более раннее исследование, где указано, что 5 бронекатеров проекта 1125 из состава Волжской военной флотилии, прибывшие в Ейск 30 мая 1943 года, были 2 июня включены в состав Азовской военной флотилии, а также, что оттуда же, с Волги, в распоряжение черноморцев отправили несколько позже еще 7 бронекатеров проекта 1124 и 5 катеров типа С-40. Кроме того, с мая по ноябрь 1943-го из состава Каспийской флотилии промышленности для Азовской военной флотилии и Черноморского флота были переданы 17 бронекатеров проекта 1124 и 6 проекта 1125. Таким образом, только в 1943 году Азовская военная флотилия и черноморцы получили 24 бронекатера проекта 1124, 11 бронекатеров проекта 1125 и 5 бронекатеров типа С-40, что опровергает вышеприведенное утверждение автора²³.

А.Б. Широкоград, признающий, похоже, только собственный авторитет, не щадит ни советское военное командование, допускающее, по его словам, «частые генеральские и адмиральские «ляпы» в годы войны», ни советских историков, оправдывающих «глупость наших адмиралов (как московских, так и черноморских)»²⁴. Например, Керченско-Эльтигенскую десантную операцию, которую «советские историки считают... удачной», «на взгляд автора... с полным правом можно считать поражением», в чем «основную вину... несут командование Черноморского флота и Наркомат в Москве»²⁵.

Высказывая в адрес всех и вся многочисленные упреки, большей частью надуманные или гиперболизированные, автор исследования и сам грешит откровенными (пользуясь его же терминологией) «ляпами». К примеру, он допускает ряд грубых неточностей, связанных с классификацией кораблей и судов противника. Прежде всего это касается описания и характеристик быстроходных десантных барж и катеров типа КФК. Первым из них посвящено немало строк, где паромы, «названные в честь полковника люфтваффе Зибеля», отождествляются с быстроходными десантными баржами типа МФР²⁶. Как

Быстроходная десантная баржа типа АФР/МФР

свидетельствуют специальные источники, это совершенно разные суда, причем десантные двухкорпусные паромы «Зибеля» на Черном море не использовались. Там действовали десантные баржи типа МФР серий А-С и D, а также артиллерийские баржи того же типа и тех же серий²⁷. Сомнительно и причисление А.Б. Широкограда катеров КФК к катерам-тральщикам²⁸. Согласно немецкой классификации они именовались «военными рыболовными катерами» (Kriegsfischkutter: kriegs — военный, fisch — рыболовный, kutter — катер); модификации же у них были разными: тральщики, охотники за подлодками, сторожевики²⁹.

Таков краткий анализ монографии А.Б. Широкограда «Битва за Черное море». Конечно же, в книге значительно больше несоответствий и неточностей, а то и откровенной дезинформации, чем приведено в этой публикации. Рассмотрены лишь наиболее явные несоответствия, неточности и случаи откровенно тенденциозного изложения материала. А читатель уж пусть сделает вывод, стоит ли ему тратить время на чтение такой литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Широкоград А. Битва за Черное море. М.: АСТ: Транзит-книга, 2005.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ См.: Платонов А.В. Трагедия Финского залива. М.: ЭКСМО, 2006. С. 45—53.

⁶ См.: Широкоград А. Указ. соч. С. 78.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ В 1988 г. известный писатель В.С. Пикуль предоставил редакцию «Военно-исторического журнала» свою новую, еще не публиковавшуюся историческую новеллу «Старая история с новым концом», при написании которой он использовал документальные источники. В ней рассказывается о том, как англичане «обеспечили» летом 1914 года прорыв германских крейсеров «Гёбен» и «Бреслау» в Черное море, в феврале 1942-го — крейсеров «Гнейзенау» и «Шарнхорст» из французского Бреста в германские воды, затем того же «Шарнхорста», а также линкора «Тирпиц» в северные моря. Во всех этих случаях создавалась реальная угроза для наших флотов (Воен.-истор. журнал. 1988. № 7. С. 67—72).

¹⁰ См.: Широкоград А. Указ. соч. С. 87.

¹¹ Без ссылок на источники в книге сообщается о том, что «в послевоенное время... были обнаружены корпуса лидера "Москва" и подводной лодки ШЦ-206» (См.: Широкоград А. Указ. соч. С. 87, 88).

¹² Там же. С. 178.

¹³ Там же. С. 375—379.

¹⁴ Там же. С. 379.

¹⁵ Там же. С. 373, 374.

¹⁶ Платонов А.В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941—1945 гг. СПб.: Полигон, 2002. С. 58, 59.

¹⁷ Широкоград А. Указ. соч. С. 370.

¹⁸ Там же. С. 245.

¹⁹ Там же. С. 325.

²⁰ Там же. С. 368, 369.

²¹ См., например: Феськов В.И., Калашников К.А., Голиков В.И. Красная Армия в победах и поражениях. 1941—1945 гг. Томск: Изд-во Томского госуниверситета, 2003. С. 576

²² Широкоград А. Указ. соч. С. 487.

²³ См.: Широкоград А. Корабли и катера ВМФ СССР 1939—1945 гг. Минск: ХАРВЕСТ, 2002. С. 294—306, 652—664.

²⁴ Широкоград А. Битва за Черное море. С. 478.

²⁵ Там же. С. 487.

²⁶ Там же. С. 345—347, 536—547.

²⁷ См.: Морская коллекция. 2005. № 10. С. 29, 30.

²⁸ Широкоград А. Битва за Черное море. С. 345.

²⁹ См.: Морская коллекция. 2005. № 8. С. 31.

РАЗБАВЛЕННАЯ АНЕКДОТАМИ ХРОНИКА С МНОГОЧИСЛЕННЫМИ ОШИБКАМИ И НЕТОЧНОСТЯМИ

«Неизвестные войны» историка Александра Широкограда. Продолжение

После поступления в редакцию полемической статьи нашего постоянного автора подполковника А.В. Лобанова на книгу А.Б. Широкограда «Битва за Черное море» было принято решение обратиться с просьбой дать рецензию на эту книгу к специалистам по истории отечественного Военно-морского флота из Научно-исследовательской исторической группы ВМФ.

УЖЕ с первых строк автор «Битвы за Черное море» обнадеживает читателя объективным историческим подходом к исследованию избранной темы, в отличие, по его словам, от других многочисленных авторов, грешивших против истины. «Печально лишь одно, — сетует он по поводу различных публикаций и кинолент, — если собрать их воедино и внести в компьютер, то он неминуемо «сгорит», ибо ни одна самая мощная информационная система не сможет обработать огромный массив столь противоречивой и лживой информации»¹.

Но не менее печально становится и после прочтения книги А.Б. Широкограда, поскольку думается, лишь она одна сможет вывести из строя самую мощную компьютерную систему. Как ни старался автор, его труд вместо серьезного исторического исследования, о чем было заявлено в авторском предисловии, явил собой не что иное, как хронику, изобилующую многочисленными ошибками и неточностями. Зачастую передергивая факты, А.Б. Широкоград все действия нашей армии и флота оценивает исключительно негативно. При этом в большинстве случаев отсутствуют ссылки на документальные источники и используемую литературу, хотя, как правило, известно, откуда дословно списан тот или иной авторский текст. Удивляет также утверждение автора о засекреченности архивных дел, большая часть из которых уже рассекречена.

Какие же конкретные замечания можно сделать по книге А.Б. Широкограда?

«Все отчеты и донесения командиров частей и соединений кораблей, вахтенные журналы кораблей и другие служебные документы времен войны, — возмущается он, — по-прежнему секретны»², хотя ни отчеты, ни донесения не входили в перечень секретных документов.

В третьей главе книги, названной «Черноморский флот и его вероятные противники», приводится множество цифр, наименований кораблей и корабельных соединений, географических названий, где они базировались, видов вооружения и техники и т.п. Вместе с тем нет ни одной ссылки на первоисточники, кроме... саморекламы, т.е. читателю рекомендуется «подробнее об этом см.: Широкоград А.Б. Гений советской артиллерии. Триумф и трагедия В. Грабина. М.: АСТ, 2002; Широкоград А.Б. Тайны русской артиллерии. М.: Яуза: Эксмо, 2003; Широкоград А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск: Харвест, 2000»³.

Текст некоторых других глав, например 5-й и 6-й, где речь идет о минных постановках кораблями Черноморского флота у своих военно-морских баз, о налете его авиации и набегах корабельных сил на румынский порт Констанца в июне 1941 года, или главы 8-й, где описываются события августа того же года, в частности оборонительные мероприятия по защите Одессы⁴, повторяет во многом данные и строки известных источников⁵, но тоже без ссылок на них.

Можно сказать, что у автора просматривается явный конфликт с источниковой базой. Так, упоминая в сноске используемую им книгу «Три века российского флота», в тексте он подает ее под искаженным названием — «Три века истории российского флота»⁶. Делая ссылку на документ, якобы взятый из Центрального военно-морского архива Российской Федерации (ЦВМА), он при описании боевых действий на Черном море упоминает фонд 216, хотя в этом фонде содержатся документы, освещающие деятельность Балтийского флота⁷. Невольно напрашивается мысль, что А.Б. Широкоград с данным блоком документов не работал, по крайней мере самостоятельно.

Порой создается впечатление, что автор, пользуясь случайными источниками, не удосужился проверить данные, заимствованные из них, по более авторитетным изданиям, а если и обращался к последним, то делал это не совсем внимательно, то и дело допуская в своем изложении событий неточности и ошибки. Так, калибр артиллерийских орудий принято давать в мм, он же пишет, что «по кораблям открыла огонь 28-см германская батарея», или в самом начале войны, а точнее 24 июня 1941 года, был высажен наш десант на румынский берег реки Дунай, А.Б. Широкоград же «отодвигает» это событие на 25 июня⁸. Нуждаются в уточнении и потери румынских кораблей и судов от авиации Черноморского флота, поскольку автор, приводя данные о потерях, не сообщает, откуда они взяты⁹. При этом, по всей видимости, путает монитор «Ардеал», поврежденный 21 августа 1941 года, с транспортом под тем же названием, который выбросился на мель значительно позднее — 11 июня 1942 года из-за полученных повреждений¹⁰.

Вводит А.Б. Широкоград читателей в заблуждение сообщением о том, что Отдельная Приморская армия была создана из Приморской группы войск 19 июля 1941 года¹¹, в то время как это произошло четырьмя днями раньше¹², что в составе дивизиона канонерских лодок Азовской военной флотилии имелись три соответствующие боевые единицы¹³ вместо четырех¹⁴. Требуют сравнительного уточнения также сведения о «дивизионе тральщиков», о нумерации дивизий, входивших в 9-й стрелковый корпус и Приморскую армию¹⁵.

То и дело отступая от объективности и последовательности изложения, А.Б. Широкоград зачастую не согласует предварительное обобщение того или иного события с приводимыми для подкрепления собственных умозаключений фактами. «30 октября организованное сопротивление советских войск на севере Крыма прекратилось, — пишет он, — и на-

Линейный ледокол «А. Микоян»

Художник А. ЗАЙКИН (www.randewy.ru)

чалось повальное бегство». Дальше же пространно излагает обстановку, которая свидетельствует о немецком наступлении, но никак не о бегстве наших войск. Тем более что сам автор сообщает то тут, то там об упорных боях, о полностью разгромленных немецких частях, об обеспечении вывоза материальных ценностей и эвакуации людей¹⁶. Порой складывается впечатление, что исследователь не наш соотечественник, а представитель противоположной стороны. Особенно это ощущается при чтении обширной выдержки¹⁷ из творения некоего Пауля Кареля о неудаче его соотечественников в сентябре 1941 года, попытавшихся с ходу взять Перекоп и прорваться в Крым. Включив эту выдержку в свое «историческое исследование», А.Б. Широкоград будто сливается воедино с П. Карелем в сочувствии к мотоциклистам-разведчикам из дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», которые попали под артиллерийский огонь, из-за чего «последствия были ужасны». Но Широкограду этого мало и он усиливает трагическую участь несчастных эсэсовцев сочувственным уточнением: «Добавлю, что вместе с сухопутной артиллерией огонь по немцам на Перекопе вели четыре гаубицы-пушки МЛ-20 с 725-й батареи Черноморского флота»¹⁸. А еще «много немцев погибло от огня морских батарей № 124 и 725», помимо того, что большие неприятности, наступавшим, нанеся им значительный урон, доставили «фугасы — морские мины, управляемые по проводам»¹⁹.

Откровенно восхищаясь талантами гитлеровского генерала Манштейна, то и дело цитируя его к месту и не к месту, А.Б. Широкоград не щадит советское, по его словам, «бестолковое командование»²⁰. Такое предвзятое отношение к двум противоборствующим сторонам, необъективное изложение фактов, ошибки, неточности и откровенные надуманности не соответствуют претензиям автора на статус его книги как объективного исторического исследования. Скорее всего это, повторюсь, заурядная хроника, изобилующая многочисленными погрешностями в стиле и содержании.

Остановлюсь кратко еще на некоторых местах противоречивого труда.

На странице 163 описываемые события изложены бегло без ссылки на документы с перечислением фактов, не представляющих особого интереса. На следующих двух страницах излагаются мало убедительные размышления о том, что «писать о боях за Перекоп очень трудно», поскольку «немецкие источники», а также закрытые советские армейские источники... дают три различные версии одних и тех же событий». Похоже, А.Б. Широкоград решил усилить эту сумятицу, смешав ход общего немецкого наступления с боями местного значения.

Освещающие подготовку Севастополя к обороне и первый его штурм немецкими войсками главы 13 и 14 книги насыщены все той же примитивной хроникой, поданной отрывочно и бессистемно. При этом состав сил, оборонявших главную ВМБ Черноморского флота, дан неточно без всяких ссылок на источники. Чужеродными кажутся здесь текстовые экскурсы и отступления, неуместно привязывающие, к примеру, «музей знаменитой террористки Софьи Перовской» к событиям Великой Отечественной войны, как и вызывает удивление явное игнорирование общепринятой в исторической литературе периодизации обороны Севастополя.

При чтении книги А.Б. Широкограда создается также впечатление, что автор не только не удосужился самостоятельно поработать в архивах, но даже познакомиться с современными обстоятельными работами других исследователей, не гнушающихся «чернового архивного труда». Иначе вряд ли смог бы он бездоказательно потешаться над тем, что, дескать, «единственным реальным успехом Черноморского флота было потопление... тральщиком «Войков» двух мотоботов и трех шхун на Азовском море», причем автору неизвестно откуда, но безусловно «понятно, что это были свои же плавсредства»²¹. Примерно на таком же уровне подаются события, связанные с ледоколом «А. Микоян», о чем сам же автор словит по поводу источников об этом судне, в одном месте утверждая, что «события стали предметом мифотворчества», а в другом — картинно вопрошая: «Читатель спросит, а зачем я пересказываю подобные анекдоты?»²² Действительно — зачем? Неужели лишь для того, что заявить о себе очень уж хочется и написать обязательно что-то надо, но поскольку, как автору кажется, все архивные дела для него «сверхсекретные», что не соответствует действительности, то приходится опираться на мифы и анекдоты. Но тогда причем здесь историческое исследование?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Широкоград А. Битва за Черное море. М.: АСТ: Транзит-книга, 2005. С. 5.

² Там же. С. 5, 6.

³ Там же. С. 53, 54, 56.

⁴ Там же. С. 76, 80, 83—85, 98.

⁵ Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. С 21 июня по 31 декабря 1941 г. М.; Л.: Военмориздат, 1943. С. 9, 11, 12; Боевая летопись Военно-морского флота. 1941—1942. М.: Воениздат, 1983. С. 286.

⁶ Широкоград А. Указ. соч. С. 78.

⁷ Там же. С. 79.

⁸ Там же. С. 88.

⁹ Там же. С. 91.

¹⁰ Боевая летопись Военно-морского флота. 1941—1942. С. 342, 411.

¹¹ Широкоград А. Указ. соч. С. 94.

¹² Боевая летопись Военно-морского флота. 1941—1942. С. 283.

¹³ Широкоград А. Указ. соч. С. 161.

¹⁴ Боевая летопись Военно-морского флота. 1941—1942. С. 305.

¹⁵ Широкоград А. Указ. соч. С. 161, 166; Хроника Великой Отечественной войны... С. 37; Боевая летопись Военно-морского флота. 1941—1942. С. 301, 308.

¹⁶ Широкоград А. Указ. соч. С. 174.

¹⁷ Там же. С. 156—158.

¹⁸ Там же. С. 158.

¹⁹ Там же. С. 159.

²⁰ Там же. С. 160.

²¹ Там же. С. 218.

²² Там же. С. 235, 236.

Капитан 1 ранга Е.Г. МАЧИКИН

В БОЯХ ЗА БЕРЛИН

ТАК уж сложилась моя фронтовая судьба: мне посчастливилось в качестве специального корреспондента участвовать почти во всех стратегических наступательных операциях на заключительном этапе Великой Отечественной войны. Конечно, обо всем не расскажешь, но вот о Львовско-Сандомирской, которую успешно провел командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев, нельзя не сказать. Я был тогда прикомандирован к 3-й гвардейской танковой армии, которой командовал генерал-полковник П.С. Рыбалко. Знаком я с ним был еще со времени боев за Днепр и Киев. Теперь же мне довелось вместе с танкистами ночью пробиваться через трехкилометровый обстреливаемый с двух сторон врагом знаменитый Колтовский коридор и с передовыми подразделениями вступать в места моей, так сказать, военной юности, ставшие для меня родными города Львов и Перемышль. Нет необходимости говорить о том, какие чувства одолевали меня, ведь здесь начиналась моя довоенная офицерская служба, здесь прошли первые бои против немецко-фашистских агрессоров. Позже я принимал участие в Висло-Одерской и Нижне-Силезской операциях, в освобождении Кракова — древней столицы Польши. Уже после Победы вместе с экипажами 55-й танковой бригады полковника Д.А. Драгунского довелось совершить стремительный марш-бросок на выручку восставшей Праги, но, конечно, самым главным событием была Берлинская операция.

Не буду говорить о сложнейших задачах, которые в заключительные дни войны решали войска 1-го Украинского фронта, скажу лишь о том пункте приказа маршала Конева, в котором говорилось: «На 5-й день операции овладеть районом Треббин — Цаухвиц, Трёйенбрицен, Луккенвальде... Иметь в виду усиленным танковым корпусом со стрелковой дивизией 3-й гвардейской армии атаковать Берлин с юга». А таковым был 6-й гвардейский танковый корпус, а в нем 53-я бригада Героя Советского Союза гвардии полковника В.С. Архипова, участника Советско-финляндской войны 1939—1940 гг., с которым мне, спецкору фронтовой газеты «За честь Родины», посчастливилось быть рядом в боях за овладение Берлином.

Но свой небольшой рассказ хочу начать с неожиданной встречи на восточном берегу реки Шпрее. Произошла она в конце второго дня начала операции. Весь первый день я, как и было приказано, провел у танкистов генерала Рыбалко. А когда они, преодолев Шпрее, вошли в прорыв и устремились к Эльбе, я уединился, написал статью об этом радостном событии и стал, как обычно, искать пути скорейшей доставки материала в редакцию. Однако всё двигалось только на запад, и ничего — на восток. Я уже стал отчаиваться, как вдруг вижу: невдалеке к переправе через реку на открытом виллесе медленно продвигается вперед командующий фронтом Иван Степанович Конев. Еще не зная, как и о чем буду говорить, решительно устремляюсь к нему, благо что в его «свите» меня знали.

— Корреспондент газеты «За честь Родины» майор Борзунов, — отчеканил я маршалу.

— Знаю, знаю, здравствуй, корреспондент. Успеваешь что-либо передать в свою редакцию?

— Нет, не успеваю, товарищ маршал, — честно признался я.

— Вот и сейчас статья уже написана, а доставить в редакцию не могу: ведь все едут только на запад.

— Ну это не проблема, — улыбаясь, ответил Конев. — Поможем...

— Спасибо, товарищ маршал, — идя рядом с медленно продвигающимся виллисом, ответил я и тут же, пользуясь моментом, задал еще один вопрос:

— Скажите, пожалуйста, товарищ маршал, каково ваше мнение о темпах наступления наших войск: все ли идет по намеченному плану?

— Ничего себе, вопрос, — усмехнулся Конев. — Даже товарищ Сталин меня об этом не спрашивал, а ты...

Я несколько ступешался и уже пожалел, что полез с такими вопросами, как вдруг Конев повернулся ко мне и заговорил вновь:

— Что ж, корреспондент, вопрос законный, и секрета тут нет. Наступление развивается хорошо, но не на всех участках одинаково. Особенно отстают фланги — левый, да и правый тоже. Отсюда и общий темп наступления ниже запланированного. Это, конечно, тревожит. Но ведь и планы, как известно, не догма. Тем более когда речь идет о предмете со многими неизвестными, так как

Корреспондент фронтовой газеты капитан С. Борзунов (справа) уточняет по карте командира батальона капитана И. Безлепкина боевую обстановку вблизи села Прохоровка
Курская дуга, лето 1943 г.

планирование на войне — дело весьма и весьма условное. При самой тщательной и всесторонней подготовке к тому или иному бою, особенно к такой широкой многосторонней операции, как Берлинская, учесть все ее тонкости, все нюансы и неожиданности просто невозможно. К тому же планируем-то мы в кабинетной тиши, а выполнять эти планы приходится вот здесь, на поле боя. Конечно, на войне происходят всякие неожиданности и непредвиденные обстоятельства, иногда встречается такое, что вынуждает командование в ходе самого боя вносить необходимые коррективы, чтобы было как можно меньше людских потерь и как можно больше славных побед. Но, несмотря ни на что, наше наступление идет, повторяю, в целом весьма успешно. Солдаты, сержанты и офицеры действуют умело и решительно. Так что ищите настоящих героев, прославляйте их подвиги, это очень важно, товарищ корреспондент...

Тут вернулся адъютант командующего подполковник Соломахин, доложил о положении на переправе. Шофер крутанул руль вправо, и виллис рванулся вперед.

ПОСЛЕ встречи с командующим к вечеру я добрался до командного пункта 3-й гвардейской танковой армии. На счастье, застал там генерала Рыбалко, который распорядил-

Их сдружила фронтовая газета «За честь Родины». Слева направо: сидят художник газеты капитан В. Брискин, ответственный секретарь редакции майор В. Дальский; стоят старший лейтенант А. Верхолетов и капитан С. Борзунов
Май 1944 г.

С. Борзунов (справа) после боев за г. Житомир. 1-й Украинский фронт

— Что же делать, — вздохнул Архипов. — Разрешаю.

Так у меня появилась возможность слушать во время боя переговоры комбрига, мчавшегося с открытым люком, с командармом Рыбалко и подчиненными ему командирами батальонов. Диалоги, надо сказать, были впечатляющими.

После того как специальными группами был успешно форсирован Тельтов-канал, танкисты полковника Архипова с десантом мотострелков, вместе с которыми трясся на броне и я, устремились к центру Берлина. Благодаря тому, что улица, называвшаяся Кайзераллее, была довольно широкой, танкисты имели хороший обзор. Это давало возможность не только вовремя заметить фаустников, которые укрывались обычно на первых этажах зданий, но и обеспечивать своего рода взаимную страховку: машины, продвигавшиеся по левой стороне, при необходимости вели огонь по правой, и — наоборот. Узкие же улицы с рухнувшими домами очень затрудняли движение танков. Но и на Кайзераллее нас ожидал сюрприз: ее перегораживало нечто вроде баррикады. Срубы из толстых бревен, заполненные камнем, бетонными блоками, перекрыли всю улицу. Как говорится, ни пройти, ни проехать. Даже крупнокалиберные снаряды с трудом разрушали эти простые, но мощные препятствия. Лишь к утру сквозь эти заграждения удалось продолбить не очень широкий проход, да и то благодаря тому, что командир танкового взвода 1-го батальона младший лейтенант Николай Шендриков умело применил в качестве тарана свой танк.

Сложность боев в таком крупном городе, как Берлин, состояла и в том, что действовать приходилось под постоянным и жесточайшим обстрелом со стороны врага. Но и в этих тяжелейших

ся доставить меня в расположение 53-й бригады Героя Советского Союза полковника В.С. Архипова: после боев за город Цоссен она готовилась к форсированию канала Тельтов, расположенного в южной части Берлина. Василий Сергеевич помнил меня еще с Днепра и относился весьма доброжелательно, и на этот раз на мою просьбу участвовать в форсировании канала ответил:

— Более уютного места, чем с десантниками на броне, я предложить тебе, к великому сожалению, не смогу. Зато будешь видеть своими глазами все, что происходит кругом. Да и поговорить будет с кем не только на марше, но и в бою...

— Спасибо, Василий Сергеевич. Одно только уточнение: хотелось бы взобраться именно на броню вашего танка, чтобы иметь возможность проконсультироваться с вами и с вашей помощью по радию передавать хотя бы короткие сообщения в редакцию. Обстановка ведь меняется быстро, а надо успевать...

— Я бы не советовал, — улыбнулся Архипов. — На моем танке бывает очень тряско, да и немцы за ним гоняются больше: им тоже, как и нам, очень хочется получить именно командирский, а не обычный танк. Как вы, журналисты, говорите, поймать важного гуся.

— Я вас понял. И все же прошу разрешить мне «поселиться» на вашей машине.

Ответственный редактор газеты «За честь Родины» полковник С. Жуков (справа) и С. Борзенко (в центре) беседуют с бойцами после форсирования Буга

Фото С. БОРЗУНОВА

Майор С. Борзунов (в центре) с танкистами 3-й гвардейской армии после форсирования р. Шпрее

16 апреля 1945 г.

С. Борзунов (второй слева) на встрече советских воинов с американцами на Эльбе в районе г. Торгау

26 апреля 1945 г.

Редакция газеты «За честь Родины». Второй слева в первом ряду полковник С. Жуков, рядом справа заместитель редактора подполковник В. Ермилов и крайний справа спецкор газеты С. Борзунов. Фамилии других не установлены

Австрия, 9 мая 1946 г.

условиях 53-я танковая бригада вскоре вышла в район, где сходились улицы Берлинерштрассе и Регентштрассе. 29 апреля 53-я бригада и весь 6-й танковый корпус встретились с танкистами 1-го Белорусского фронта Г.К. Жукова. Берлинский гарнизон был расчленен на две части, франкфуртско-губенская группировка врага уничтожена.

Потом еще три дня шла борьба с засевшими в домах гитлеровцами.

В ночь на 2 мая никто из танкистов бригады не сомкнул глаз. А рано утром Василий Сергеевич по своей рации поздравил личный состав бригады с победой.

Пользуясь хорошим настроением комбрига, я обратился к нему с необычной просьбой:

— А вот теперь, дорогой Василий Сергеевич (я назвал его так впервые), мне очень нужен мотоцикл. Требуется многое увидеть, побывать у танкистов других бригад армии, познакомиться с Берлином и прежде всего — с рейхстагом. Написать обо всем в газету и махнуть на Эльбу, где произошла, как вы слышали, встреча с нашими союзниками — американскими солдатами...

Полковник Архипов, несмотря на смертельную усталость, весело ответил:

— Теперь, дорогой наш летописец, я награждаю тебя целой автомашиной. Иди, выбери любую. Ночью, ты сам видел, мы захватили целый гараж...

Так обычный «безлошадный» фронтовой корреспондент оказался владельцем персональной, красивой и, главное, исправной машины. Этот немецкий автомобиль оказался очень кстати. Мне удалось пробыть в самый центр города, повстречаться со многими корреспондентами и фоторепортерами ряда центральных газет, сфотографироваться с ними у рейхстага, выступить перед воинами с импровизированной трибуны у Бранденбургских ворот, а главное, повидаться со своими земляками: командиром 79-го стрелкового корпуса генералом С.Н. Переверткиным и командиром 150-й Идрицкой стрелковой дивизии генералом В.М. Шатиловым. Потом многие годы мы встречались и дружили. А с одним из героев штурма рейхстага капитаном К.Я. Самсоновым позже учились в Военно-политической академии.

Ныне, вспоминая дни и ночи прошедшей, но не забывшейся Великой Отечественной войны, горечь отступления и радость

побед, хочется сказать добрые слова о военных журналистах, фронтовых корреспондентах, моих дорогих собратьях по перу, которые тоже приближали великий день Победы как могли.

По многотрудным дорогам войны они шли через минные поля и губительный огонь, болотные хляби и горные перевалы, каждый раз находясь рядом с героями своих очерков. Их, вездесущих и неугомонных, можно было встретить в траншеях переднего края, в снайперских засадах, на прифронтовых аэродромах и огневых позициях батарей, в партизанских отрядах. И хотя порой им никто не приказывал, но по велению сердца они ходили в разведку, летали на бомбардировщиках, бывали на глубине в подводных лодках, находились в боевых порядках рот и батальонов, первыми вступали в освобожденные села и города. Военные корреспонденты всегда стремились на главные направления, к эпицентру сражений, где, по меткому солдатскому выражению, громыал «сабантуй».

Их редко награждали. Но их уважали, любили и ждали в окопах. Их слово звало вперед, оно было как бы незримым правофланговым, ведущим в атаку. Свои обязанности фронтовые журналисты выполняли с воодушевлением, гордостью и ответственностью. Все силы и знания, весь жар своих сердец они отдавали тому, чтобы помочь бойцам в разгроме врага. В частях и подразделениях журналисты были постоянно на виду, их знали в лицо и по их поведению оценивали авторитет представляемой ими газеты. В этом тоже наше счастье, и мы этим дорожим. Все вместе мы создавали летопись Победы.

Участники боев на южном фесе Курской дуги писатели Герой Социалистического Труда

М.Н. Алексеев, Герой Советского Союза

М.Ф. Борисов, лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле»

С.М. Борзунов

Июль, 2003 г.

Полковник в отставке
С.М. БОРЗУНОВ

ОСОБЕННОСТИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В формировании общественного сознания и поведения граждан на протяжении всей истории Российского государства важное место занимал этнонациональный фактор. Встречающиеся в литературе утверждения о многонациональности как об одном из слагаемых силы государства нуждаются в серьезной оговорке. Межнациональные отношения — весьма сложный вид социальных отношений, и это обстоятельство практически всегда используется завоевателями для быстрого подавления противника. Это наблюдалось, в частности, во время монголо-татарского нашествия на Русь, в польской интервенции начала XVII века, в Отечественной войне 1812 года, в Первой мировой войне, в войнах других стран и народов. Не стала исключением и Вторая мировая война, особенно ее главная часть — Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Вместе с тем среди истоков победы Советского Союза большинство авторов называют патриотизм, дружбу и единство проживавших в нем народов. При всей противоречивости развития СССР он возник в 1922 году на добровольных началах как единое федеративное полиэтническое государство, на территории которого проживали к началу войны 190 млн человек. К тому времени в состав СССР входили 16 союзных социалистических республик: Азербайджанская, Армянская, Белорусская, Грузинская, Казахская, Карело-Финская, Киргизская, Латвийская, Литовская, Молдавская, Узбекская, Украинская, Таджикская, Туркменская, Эстонская и Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР).

Хотя в этих регионах большинство населения, как правило, относилось к «титальному» этносу, состав любого из них был многонациональным. С учетом этого обстоятельства советская власть и коммунистическая партия, комсомол, профсоюзы и другие общественные объединения 1930—1940-х годов уделяли большое внимание формированию и укреплению патриотического сознания, взаимопомощи и сотрудничества между народами. Все социальные системы активно участвовали в воспитании подрастающего поколения, целенаправленно, на единой идеологической основе регулировали межнациональные и федеративные отношения.

Агрессия нацистской Германии должна была, по замыслу Гитлера, в ходе «молниеносной войны» увенчаться захватом и уничтожением Советского Союза. Для реализации этих разрушительных замыслов использовались не только военный и экономический факторы, но и методы психологического и политического воздействия. Для подрыва

державного патриотизма, социально-политического единства советского общества нацисты коварно стремились сеять и разжигать рознь между народами, используя этнические (как и родовые, социальные, сословные, религиозные) чувства и пережитки; дискредитировать идеологию и национальную политику СССР; в частности, они говорили о «колонизации Россией других республик» и т.п.

В этих целях на временно захваченных землях СССР оккупанты за короткое время наладили выпуск почти 300 антисоветских газет тиражом от десятков до сотен тысяч экземпляров каждая. Правящие круги нацистской Германии в информационной войне возлагали определенные надежды и на национал-террористов, сепаратистов, белоэмигрантов, находившихся в Германии и других странах Западной Европы.

В связи с тем, что с целью очернения Советского Союза, а значит и его преемницы на международной арене — современной России некоторые авторы допускают рассмотрение социалистической и нацистской

тремизм, ксенофобию, ведут мир в тупик, к бессмысленному кровопролитию и жестокости»¹. К тому же разработанные гитлеровским командованием планы административного управления оккупированными территориями СССР также были направлены на уничтожение государства.

Как бы ни чернили социалистическую идеологию, ее основами были патриотизм, равноправие наций, братская дружба и взаимопомощь народов, интернационализм, которые объединяли и скрепляли страну. Многоцелевая и крупномасштабная работа по обеспечению фронта всем необходимым для отпора агрессору потребовала привнести в движение все информационно-пропагандистские ресурсы, беспримерно активизировать организаторскую работу среди граждан всех национальностей с помощью радио, печатного слова, митингов, агитаторов и пропагандистов.

Во всех делах, от крупномасштабных до повседневных, рутинных участвовали все граждане, независимо от классовой, национальной, конфессиональной и иных «принадлежно-

В ТЕ СУРОВЫЕ ГОДЫ существовала реальная угроза порабощения мира. И она возникла из-за недооценки опасности разрушительной нацистской идеологии... Те, кто... сеет расовую вражду, экстремизм, ксенофобию, ведут мир в тупик, к бессмысленному кровопролитию и жестокости

идеологий как однородных, представляется необходимым обратить внимание на принципиальную несовместимость основного содержания этих идеологий. А именно: нацистская идеология — «национал-социализм» означала национал-шовинизм, расизм, создание «райской жизни» только для одной немецкой нации, более того — за счет других наций, которые захватчики обрекали на физическое уничтожение как «недочеловеков», «неполноценных существ» и т.п. Завоеватели, считавшие себя высшей расой, воплотили презрение к другим этносам в «пушечном патриотизме», в геноциде целых народов, в стратегической цели достижения мирового господства. Президент России В.В. Путин, выступая на военном параде на Красной площади 9 мая 2006 года, особо подчеркнул: «В те суровые годы существовала реальная угроза порабощения мира. И она возникла из-за недооценки опасности разрушительной нацистской идеологии... Те, кто... сеет расовую вражду, экс-

стей». Потребовалось пересмотреть все государственные планы собразно неотложным нуждам воюющей страны — для их реализации были задействованы все республики, края, области, все социальные системы. Так, в связи с необходимостью планомерного развития экономики в тыловых районах страны Совет народных комиссаров СССР постановлением от 16 августа 1941 года «О военном-хозяйственном плане на 4-й квартал 1941 г. и начало 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии» утвердил список сверхлимитных ударных строек на 1942 год во многих районах страны. В чрезвычайных условиях смертельной опасности для Отечества о демократии и не помыслили.

Беспримерным по масштабности и оперативности действием стала эвакуация из зоны боев и других опасных районов тысяч предприятий и десятков миллионов трудящихся этих предприятий с семьями в районы глубокого тыла. И здесь массу сложнейших неотложных дел добросовестно,

с любовью к своему народу, с полной отдачей сил выполняли все граждане, региональные и местные власти. На основе постановлений Государственного Комитета Оборона ЦК ВКП(б) рассматривались и решались, в частности, вопросы об организации пунктов по питанию эвакуированных граждан, об обеспечении жилой площадью рабочих, прибывших с эвакуированными предприятиями.

Главным объектом деятельности по патриотическому воспитанию стал фронт, через который за годы войны прошли 31 млн мужчин и около 900 тыс. женщин из 150 этносов. Сплотить этих разноязычных людей в боеспособные воинские коллективы — эту труднейшую задачу решить в многонациональной России, а затем в СССР всегда было сложно, но крайне необходимо — иначе верх мог взять агрессор.

В дореволюционной России пытались использовать этнополитический фактор в войнах XVIII—XIX в.: Крымской, Отечественной войне 1812 года, Кавказской войне XIX века и других. Но только в первой половине XX столетия граждане нерусской национальности стали призываться в вооруженные силы на общих основаниях. Массовый приток в армию и на флот представителей многих этносов (а часть их плохо владела русским языком, а то и вовсе не владела им) побудил ввести в практику создание национальных воинских формирований. С началом Великой Отечественной войны такие формирования начали создаваться в республиках Закавказья, Средней Азии, в Казахстане, во многих автономных республиках. Чаще всего это были кавалерийские, стрелковые и горно-стрелковые дивизии. Всего за период войны в стране было сформировано более 80 таких дивизий и отдельных бригад².

Главное политическое управление РККА добивалось того, чтобы в каждом подразделении было представлено несколько национальностей. Поэтому «национальные» формирования на самом деле были многонациональными, но с численным доминированием «титального» этноса. Такой порядок способствовал культивированию доверия и взаимопонимания воинов, дружбы и взаимопомощи народов, советского патриотизма. Основная же часть мобилизованных воевала в составе общих, «смешанных» формирований.

И в том и в другом случаях военное командование столкнулось с серьезной проблемой — владения воинами русским языком. Дело осложнялось тем, что русский язык в правовом отношении не фигурировал в Конституции СССР 1936 года в качестве государственного, а лишь в жизни стал языком межнационального общения. Без его знания всеми гражданами практически невозможно было создать единое информационное пространство (а не понимать воинской команды на фронте означало подвергать свою жизнь дополнительной опасности).

В тылу без межнационального общения было не намного легче. Следует принять во внимание резко усиливающуюся в ходе войны миграцию населения. Она осуществля-

САМАЯ широкая демократия в мире... Шестнадцати республикам предоставлено право вступать в дипломатические отношения с другими странами. Такого нет ни в одной стране

лась сообразно ходу боевых действий: из всех республик — на фронт (мобилизация); из зоны боевых действий — в глубокий тыл (эвакуация, транспортировка раненых и т.д.); а после изгнания противника — из глубокого тыла в освобожденные районы (реэвакуация населения, устройство сирот из всех республик, всенародная помощь освобожденным районам); трудовая мобилизация из многих республик — в крупные промышленные центры и так далее. Во всем этом движении участвовали и «перемешивались» все народы, этносы, сближались их духовные ценности и культуры.

Особую актуальность проблемы знания русского языка убедительно донес до нового поколения писатель Чингиз Айтматов. С началом военного лихолетья в его далеком горном аиле Киргизской ССР грамотные колхозники ушли на фронт. Председатель аилсовета назначил 14-летнего Чингиза секретарем. «В мои обязанности, — вспоминает писатель, — входило носить в дома похоронные письма (они были написаны на русском языке. — Н.К.), называемые кара-кагаз (черная бумага). Было очень непросто вручить похоронку, а нужно было еще и поговорить, успокоить убитых горем женщин. ...Приехал ветеринарный врач, русский, который ни слова по-киргизски не понимал, а наши — по-русски. А я знал. Меня привели к нему...»³. В общем, война объективно способствовала еще более широкому распространению русского языка на фронте и в тылу, укоренению чувства единения советского народа.

На фронте повсеместно развернулось обучение русскому языку воинов, не владевших им. В частях и соединениях широкое распространение получили вечера боевой дружбы, встречи военных советов армий и командования соединений с отличившимися в боях воинами нерусской национальности; встречи новобранцев с бывальыми земляками. В работе по укреплению дружбы народов широко использовались печать, произведения искусства и другие средства. В 1943 году на 14 фронтах и в двух военных округах на нерусских языках издавались 50 газет, в том числе на узбекском языке — 11, казахском — 10, татарском — 8, азербайджанском — 6, грузинском — 5, армянском — 4, таджикском — 2, туркменском, киргизском, башкирском — по 1 газете⁴. Результативным методом патриотки стала в те годы перепелка фронта и тыла. Характерно опубликованное в газете «Правда» письмо-наказ узбекского народа фронтовикам-землякам. В нем говорилось: «Вольный сын и свободная дочь узбекского народа! Твой народ является детищем Советского Союза. Русский, украинец, белорус, азербайджанец, грузин,

армянин, таджик, туркмен, казах, киргиз совместно с тобою... днем и ночью строили наш большой дом, страну, нашу культуру... Теперь же в дом твоих братьев — русского, белоруса и украинца ворвался германский басмач... Но если разбойник отнял дом у твоего брата, верни ему дом — это твой долг, узбекский боец! Это ваш долг, все советские бойцы»⁵. Подобные письма на фронт шли от трудящихся всех республик. Бойцы и командиры воспринимали эти письма как требования своих отцов и матерей, как наказ жен, невест, сестер, народа.

Патриотическое воспитание личного состава проводилось целеустремленно, непрерывно, даже в сражениях и походах. Так, в одном из жестоких боев в конце января 1943 года врагами был захвачен в плен тяжелораненый туркмен старший сержант Айдогды Тахиров. Гитлеровцы пытались заставить его выступить по радио с призывом к землякам сдаться в плен. Но вместо ожидаемого врагами призыва герою крикнул в микрофон: «Воины-туркмены, не верьте немцам, бейте гадов...». Озверевшие захватчики замучили героя. Изуродованный труп его был найден бойцами 87-й Туркменской бригады, дерзким ударом захватившей позиции противника. Айдогды Тахирову было присвоено высокое звание Героя Советского Союза (посмертно)⁶.

Многонациональными были партизанские отряды, добровольческие воинские формирования и истребительные батальоны во многих регионах. Все республики, края, области, округа превратились в арсеналы фронта. Всячески популяризировались патриотические свершения героев фронта и тружеников тыла. Периодическая печать, листовки выпускались и на русском, и на местных языках.

Во избежание конфликтов, недоверия на национальной почве советско-партийное руководство учитывало этнический фактор в составе партийных рядов, в кадровой политике следило за тем, чтобы персональный состав общественно-политических организаций, руководящих органов в центре и на местах был обязательно многонациональным, прежде всего за счет представителей этносов, проживающих в данном регионе. Так, в Киргизии, например, за годы войны были приняты кандидатами в члены партии 6102, членами партии — 4016 киргизов, соответственно русских — 4502 и 2939, украинцев — 1773 и 1100, узбеков — 927 и 722, казахов — 200 и 168, других национальностей — 1802 и 948 человек⁷. В партийной организации Таджикистана в 1942—1945 гг. таджики составляли 42,2 проц., узбеки — 16,3 проц., русские — 23,4 проц., представители других этносов — 18,1 проц.⁸.

ГЛАВНЫМИ проявлениями патриотизма народов СССР стали их высокая социальная активность, массовые подвиги на фронте и самоотверженный труд, единство фронта и тыла, общества в целом

Дальновидность советского государственного руководства в годы войны в определенной мере проявилась в либерализации отношений между центром и союзными республиками, в расширении правовых полномочий республик. На 10-й сессии Верховного Совета СССР (28 января 1944 г.) был рассмотрен вопрос о преобразовании Народного комиссариата обороны и Народного комиссариата иностранных дел СССР из общесоюзных в союзно-республиканские наркоматы. Отныне союзные республики получили право создавать воинские формирования и вступать в дипломатические отношения с зарубежными государствами. Этот демократический по отношению к народам и регионам шаг был замечен и оценен не только нерусскими по национальности гражданами СССР, но и за рубежом, и он, несомненно, оказал положительное влияние на развитие боевого сотрудничества с западными странами. Газета «Daily Worker» в 1944 году опубликовала материал, в котором назвала четыре фактора, отличавшие русского солдата от солдат других стран. Среди них был следующий: «Самая широкая демократия в мире... Шестнадцать республикам предоставлено право вступать в дипломатические отношения с другими странами. Такого нет ни в одной стране»⁹.

Трудно переоценить значение культуры в формировании гордости за свои Отечество и малую родину, в укреплении доверия и дружбы народов. В те годы, несмотря на тяжелое финансовое положение воюющей страны, был сделан еще один крупный шаг в развитии многонациональной науки и культуры. По решению Правительства СССР были созданы (или укреплены) республиканские академии наук в Грузии и Литве, Армении и Узбекистане, Азербайджане, Казахстане, Латвии и Эстонии. Эти меры заметно повлияли на активизацию ряда актуальных направлений советской науки, на развитие национального самосознания и культуры народов и одновременно способствовали реализации интеллектуального потенциала ученых для общенародных усилий в войне.

Активно развивалось в годы войны и художественное творчество. Идеи патриотизма, дружбы народов, единства страны несли и произведения, созданные до войны. Среди них — кинофильмы «Цирк», «Свинарка и пастух», «Богдан Хмельницкий» и другие. В 1941—1945 гг. появилось немало новых талантливых произведений на многих языках. Так, лучшие патриотические труды татарских писателей Ф. Карима, Г. Разина, К. Наджми, Н. Амирова, Ф. Хусни, Х. Усмана и других отражали преданность татарского народа общей Отчизне, его ратные и трудовые дела. Талантливые произ-

ведения гражданского звучания создавали украинские, белорусские, марийские, калмыцкие, якутские, дагестанские, осетинские и другие литераторы.

Много сделали для победы журналисты, художники, музыканты, артисты, работники кино, считавшие себя «мобилизованными и призванными». Поразительной духовной силы патриотические статьи Алексея Толстого, Михаила Шолохова, Константина Симонова, Джамбула Джабаева, Максима Рыльского, Петруся Бровки, Саломеи Нерис, Самеда Вургуня, талантливые карикатуры Кукрыниксов, песни Бориса Александрова, Исаака Дунаевского и другие творения укрепляли уверенность в победе и в завтрашнем дне, сознание единства общества.

Этнонациональная политика, однако, характеризовалась и негативными аспектами, о чем в годы войны предпочитали умалчивать, очевидно, из опасения деморализовать население. Речь идет о многочисленных попытках использования противником этого фактора для ускорения завоевания СССР, а также о бессилии советской власти в пресечении опаснейших диверсий идеолого-политическими методами. Противодействие в подобных случаях зачастую выражалось в форме репрессий по отношению к целым народам. Советская власть всеми мерами стремилась не допустить разлома страны по цивилизационному и формационному признакам. Вот как, например, на 7-й сессии Верховного совета РСФСР объяснялось переселение чеченцев и крымских татар в другие районы страны: «Во время Великой Отечественной войны, когда народы СССР героически отстаивали честь и независимость Родины... многие чеченцы и крымские татары вместе с немецкими войсками вели вооруженную борьбу против частей Красной армии, а также... создавали диверсионные банды для борьбы с советской властью в тылу, причем основная масса населения Чечено-Ингушской и Крымской АССР не оказывала противодействия этим предателям Родины»¹⁰.

В целом убежденность советских людей в справедливости Отечественной войны, дружба народов и единство общества предопределили Великую Победу над силами национал-экстремизма. Главными проявлениями патриотизма народов СССР стали их высокая социальная активность, массовые подвиги на фронте и самоотверженный труд, единство фронта и тыла, общества в целом. Надежды гитлеровцев на острые межнациональные конфликты, на выступление мусульманских народов против советской власти и против русских не оправдались, хотя и не были полностью бесплодными. Сохранению целостности и независимости страны

способствовали, в частности, следующие факторы: у русских отсутствовал комплекс «народа-господина» по отношению к другим этносам; народ, отстаивавший независимость своей Родины, ясно осознавал, что вел войну справедливую, освободительную; для СССР 1940-х годов не было характерным классовое расслоение, что укрепляло социальную базу дружбы народов.

Но не всякие истоки и объективные предпосылки реализуются в действиях людей. Высокая общественная активность граждан стала возможной благодаря патриотическим традициям народа и целенаправленной идеологической и организаторской деятельности государства и общественных систем. Общество было объединено вокруг одной для всех социальных групп цели — защиты Отечества. Эта цель воплотилась в лозунге «Все для фронта! Все для победы над врагом!»

Несмотря на массивные провокационные действия Германии и ее союзников, направленные на раскол и уничтожение СССР, жизнеспособность многонационального государства, решающая роль его в разгроме врага всех миролюбивых стран были убедительно доказаны самим фактом победы СССР в такой крупномасштабной и кровопролитной войне, какой была Вторая мировая.

В настоящее время роль этнического фактора (нередко — в сочетании с конфессиональным) как острого оружия захватнической политики агрессивных сил не только не устарела, а, наоборот, усиливается. Уроки той войны призывают государство к разработке и последовательному осуществлению научно обоснованной, обогащенной историческим опытом национальной политики. Она необходима современной России как для обеспечения устойчивости ее внутреннего развития и целостности, так и для высокого имиджа на международном пространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российская газета. 2006. 10 мая.

² Партия и армия. М., 1977. С. 18.

³ Труд; Российская аграрная газета. 2006. 16 июня.

⁴ Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) РФ. Ф. 395. Оп. 9153. Д. 13. Л. 127.

⁵ Правда. 1942. 31 октября.

⁶ Герои Советского Союза — туркменистанцы. Ашхабад, 1948. С. 15, 16.

⁷ Коммунистическая партия Киргизии (1918—1973). Фрунзе, 1973. С. 113.

⁸ Коммунистическая партия Таджикистана в документах и цифрах. Душанбе, 1965. С. 121.

⁹ Daily Worker. 1944. April. P. 6.

¹⁰ VII-я сессия Верховного Совета РСФСР первого созыва. Бюллетень №7. Изд. Верховного Совета РСФСР. М., 1946. С.25, 26.

Но И.В. Сталин был не одинок в подобного рода действиях. Аналогичным образом поступили в годы Второй мировой войны и правительства США и Великобритании по отношению к тысячам своих граждан — соответственно японского и немецкого происхождения.

Н.И. КОНДАКОВА

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СТРАТЕГИИ

НАУЧНО-методический центр отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ имени А.Е. Снесарева создан 1 сентября 1999 года. Небольшой коллектив ученых возглавил генерал-майор в отставке Игнат Семенович Даниленко, доктор философских наук, профессор, известный исследователь отечественной военной истории. В основу работы центра положена специально разработанная и утвержденная Генеральным штабом концепция, которая предусматривает поэтапное и системное изучение и отражение процесса зарождения, становления и развития отечественной военной стратегии как составной части военного искусства и военной науки. Выполненные центром историко-теоретические и научно-методические разработки уже оказали немалую помощь руководящему составу Вооруженных сил РФ в изучении истории отечественной военной стратегии и актуальных проблем современности.

В центре плодотворно трудятся известные в кругах российской военной общественности ученые-историки, такие, как кандидат военных наук, доцент полковник в отставке В.Г. Бондаренко; кандидат философских наук полковник в отставке В.М. Чепуров; генерал-лейтенант в отставке В.М. Штепа; кан-

Генерал-майор в отставке Игнат Семенович Даниленко родился 13 октября 1932 года. После окончания Курского авиационного училища связи служил помощником начальника политотдела по комсомольской работе. В 1960—1964 гг. — слушатель Военно-воздушного факультета Военно-политической академии имени В.И. Ленина. С 1964 по 1982 год — преподаватель цикла социально-экономических дисциплин Краснодарского и Ейского авиационных училищ, затем адъюнкт и преподаватель, а с 1982 года — заместитель начальника

кафедры ВПА имени В.И. Ленина. В течение пяти лет И.С. Даниленко работал в Главном политическом управлении Советской армии и Военно-морского флота начальником лекторской группы. С 1989 по 1993 год был начальником кафедры военно-политических наук Военной академии Генерального штаба. В настоящее время является начальником Научно-методического центра отечественной военной стратегии ВАГШ ВС РФ. Доктор философских наук, профессор. Автор и руководитель проекта «Антология отечественной военной мысли», в рамках которого переиздано более 35 трудов военных теоретиков прошлого. И.С. Даниленко является членом редакционного совета «Военно-исторического журнала».

дидат философских наук капитан первого ранга в отставке Б.Н. Платонов. Ранее в нем работали: полковник в отставке С.Н. Пугачев; Г.И. Пугачева; А.А. Комиссарова; О.Н. Саксонова; генерал-майор в отставке В.Д. Заболотин; кандидат военных наук полковник в отставке А.Г. Кавтарадзе; кандидат военных наук полковник в отставке Б.В. Бочаров; кандидат исторических наук О.Г. Гусева; кандидат военных наук генерал-майор в отставке В.П. Чирков; кандидат военных наук полковник в отставке И.Е. Снимщиков; кандидат военных наук генерал-майор в отставке Г.И. Сабуров.

Выполненные научные исследования по проблемам возникновения и развития войн как общественного социального явления и национальной безопасности выносятся, как правило, на обсуждение широкого круга специалистов. Так, в рамках Снесаревских чтений центр

ежегодно организует академические и межвузовские научно-методические и научно-практические конференции и семинары с участием представителей научных учреждений России, которые посвящены анализу военных событий в истории нашего Отечества.

Наряду с проведением внутривузовских конференций сотрудники центра принимают активное участие в работе других научных учреждений Министерства обороны, Российской академии наук, а также Государственной думы, Совета безопасности, Академии управления при Президенте РФ.

Много внимания уделяется научной деятельности конкретных военных теоретиков и мыслителей прошлого, таких, как А.А. Свечин, А.Е. Снесарев, А.В. Сухомлин, М.М. Драгомиров, Н.Л. Кладо, А.А. Зайцов, Е.А. Вандам, Е.И. Мартынов, Н.Н. Сухотин, Н.Н. Головин, А.К. Байов, М.Н. Тухачевский, М.С. Калинин. Их научные труды подготовлены и переизданы с участием сотрудников центра в рамках проекта «Антология отечественной военной мысли», автором и руководителем которого является И.С. Даниленко. Одновременно с переизданием трудов отечественных военных теоретиков подготовлены и изданы сборники трудов философов о войне, а также отдельные труды немецкого военного теоретика К. Клаузевица.

Всего за семь лет деятельности центра проведено 14 конференций и семинаров, опубликовано 35 трудов военных классиков, разработано 126 тематических стендов и 9 видеофильмов. Это серьезный вклад в развитие отечественной военной науки.

Сотрудники центра

НОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОБЫТИЙ Великой Отечественной ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

Свой вклад в борьбу с врагом в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. внесли все народы СССР, все регионы страны. Существенную роль в ней довелось сыграть и населению Центрального Черноземья России — Воронежской, Курской и Тамбовской областей в их прежних границах (ныне на этой территории расположены районы пяти областей — Воронежской, Курской, Белгородской, Тамбовской и Липецкой). Регион испытывал все тяготы военного лихолетья — эвакуацию, ожесточенные бои 1941–1943 гг., вражескую оккупацию, разрушенное практически до основания хозяйство. Несмотря на потери и лишения, жители Центрального Черноземья героически воевали на фронте, вели борьбу на временно оккупированной противником территории, не покладая рук трудились в советском тылу — давали стране и армии хлеб, строили оборонительные рубежи, ухаживали за ранеными.

СОБЫТИЯ Великой Отечественной войны на территории Центрального Черноземья на протяжении многих лет вызывают устойчивый интерес у исследователей. Не является исключением и современный этап историографии, охватывающий 90-е годы XX века и начало XXI столетия. При этом различные аспекты рассматриваемой проблемы нашли отражение и в исторической литературе, написанной на общесоюзном и республиканском материалах, в том числе в ряде докторских диссер-

таций¹. Сегодня в научный оборот введено большое количество источников, ранее недоступных, проводится работа по опубликованию архивных материалов, представляющих интерес не только для науки, но и для широкого круга читателей. В свое время в местных издательствах были выпущены документальные сборники², но они, при всей своей значимости, страдали односторонностью. При отборе материалов авторы стремились показать позитивные стороны деятельности власти, боевые и трудовые подвиги земляков, оставляя за рамками факты, которые не укладывались в официальное видение войны. Теперь же, по словам воронежского историка Л.М. Савушкина, «перед составителями таких документальных материалов стоит нелегкая задача выявления реальных исторических тенденций и подбора документальных источников, которые бы отражали истинное положение дел»³.

В современный сборник документов «Суровая правда войны» включен широкий круг источников из центральных и местных архивов, в том числе недавно рассекреченных, позволяющих существенно дополнить картину событий Великой Отечественной войны на территории Курской области. В настоящее время вышли два тома этого труда. В первом из них освещаются события начала войны: перестройка жизни области на военный лад, мобилизация в Красную армию, формирование народного ополчения и истребительных батальонов, эвакуация, оборонительные бои на Курской земле, начало развертывания партизанского движения⁴. Документы, представленные во второй части сборника, охватывают боевые действия 1942 года, раскрывают различные стороны функционирования оккупационного режима, а также освещают борьбу курян в тылу врага⁵. Подготовка очередного тома серии, посвященного следующему периодом Великой Отечественной войны, продолжается.

Ценными для нас сегодня остаются воспоминания участников и очевидцев военных событий, опубликованные в последние годы. Например, тематические

сборники, в которых представлены воспоминания ветеранов фронта и тыла⁶, областные Книги Памяти Центрального Черноземья, вышедшие к 50-летию юбилею Победы⁷. В поименных списках Книг Памяти приводятся краткие биографические сведения о погибших в бою, умерших от ран, пропавших без вести военнослужащих, партизанах, подпольщиках, бойцах истребительных батальонов, ополченцах. В результате проведенных изысканий было установлено, что, по далеко не полным данным, с войны не вернулись 329 697 воинов-воронежцев, 210 585 курян, около 200 000 тамбовчан, 126 179 липчан и 178 335 белгородцев, всего — более миллиона человек.

Научные работы последних лет довольно многообразны и по характеру, и по исследуемой проблематике. В частности, по-прежнему велико внимание историков к событиям Курской битвы, показателем чего является выход книги Л.Н. Лопуховского и В.Н. Замулина о Прохоровском сражении⁸. Надо сказать, что за прошедшие десятилетия это сражение в немалой степени стараниями заинтересованных лиц, прежде всего П.А. Ротмистрова, обросло целым рядом мифов. Многодневные бои в районе Прохоровки были сведены к контрудару 12 июля 5-й гвардейской танковой армии. В массовом сознании вся Курская битва ассоциируется с «величайшим танковым сражением». Это событие стало восприниматься как ключевой момент всей битвы, отодвинув на второй план и боевые действия Центрального фронта на северном фасе* Курской дуги, и оборонительные действия на обоянском направлении.

Путем сопоставления документов советских и немецких военных архивов Л.Н. Лопуховский и В.Н. Замулин показывают ход боевых действий по дням оборонительной операции, утверждая, что контрудар 12 июля обернулся большими потерями для наших войск, которые значительно превышают официальные данные

* От франц. *face* — лицо. Прямолинейный участок траншеи, хода сообщения, невзрывных противотанковых и противопехотных заграждений.

(по 5-й гвардейской танковой армии потери в танках и САУ в 2,5 раза были больше, чем у противника). Приведенные факты свидетельствуют, что вопреки широко распространенному мнению в этот день под Прохоровкой между рекой Псел и железной дорогой не было того встречного танкового сражения, которое описано в мемуарах П.А. Ротмистрова. Не было ни столкновения «двух мощных танковых лавин, устремившихся навстречу друг другу», ни «сквозной атаки», в которой якобы участвовали 1500 танков. Бои носили иной характер: была лобовая атака на противника, временно перешедшего к обороне на направлении главного удара танковой армии. Немцы не дали навязать себе ближний бой. Они максимально использовали свое преимущество в танковом вооружении, расстреливая наши наступающие танки огнем с места, с заблаговременно занятых позиций. Только во второй половине дня начались контратаки, в ходе которых возникали встречные бои танковых подразделений и частей.

Приводятся также расчеты, опровергающие устоявшиеся в прежней литературе данные о количестве танков, принявших участие в боевых действиях на прохоровском направлении, более реалистичной является оценка действий других соединений. Так, совершенно справедливо уделяется должное внимание 1-й танковой армии, роль которой в операции в официальных источниках незаслуженно принижена. Между тем она не только сумела остановить противника на обоянском направлении, но и за четверо суток ожесточенных боев с более сильной группировкой потеряла значительно меньше танков, чем армия П.А. Ротмистрова за один день 12 июля.

Л.Н. Лопуховский отмечает, что кризис немецкого наступления возник не в результате контрудара под Прохоровкой, а в связи с переходом в контрнаступление войск Брянского и Западного фронтов. Угроза разгрома немецко-фашистских войск на северном фланге Курской дуги вынудила Гитлера остановить операцию «Цитадель».

В рамках рассматриваемого периода в регионе были опубликованы сборники статей и материалы научных конференций, посвященных военной проблематике⁹.

В апреле 2005 года Институтом военной истории Министерства обороны РФ и Воронежским государственным аграрным университетом им. К.Д. Глинки (ВГАУ) была организована международная научная конференция, в которой приняли участие военные историки из России, Белоруссии, Украины, Италии, Венгрии, Гер-

мании¹⁰. Среди рассматривавшихся проблем большое внимание уделялось истории боевых действий Красной армии против немецко-фашистских войск на Верхнем и Среднем Дону, помощи тыла фронту, партизанской борьбе в тылу врага. Затрагивались также вопросы военно-патриотического воспитания современной молодежи, деятельности ветеранских организаций, военно-исторических музеев.

В рамках конференции состоялась презентация монографии профессора ВГАУ С.И. Филоненко¹¹. Автор проанализировал события, приведшие к окружению и разгрому Красной армией в январе 1943 года частей 2-й венгерской армии, 24-го немецкого и итальянского альпийских корпусов. В книге публикуется свыше 100 трофейных документов и фотографий из Государственного архива Воронежской области, рассекреченных в декабре 2004 года.

Всероссийская научно-практическая конференция «Поисковое движение как форма изучения событий Великой Отечественной войны» прошла в марте 2005 года¹². Наряду с Курским государственным университетом ее организатором являлась курская областная патриотическая общественная организация — Центр «Поиск». Центр был создан в декабре 1989 года как отдел обкома комсомола, в 1991 году реорганизован в общественное объединение (с 2000 г. — общественная организация). С 1988 года курскими поисковиками найдены и перезахоронены с воинскими почестями останки более 6090 советских военнослужащих, установлены и внесены в Книгу Памяти 1104 имени бойцов и командиров, ранее считавшихся без вести пропавшими. За 15 лет в ходе учебно-полевых практических занятий прошли обучение около 2000 начинающих поисковиков. В настоящее время Центр «Поиск» объединяет около 600 членов, в его составе действуют одно городское объединение (г. Курск) и 19 поисковых отрядов городов и районов области.

Примером плодотворной работы по ликвидации белых пятен истории Великой Отечественной войны является научно-исторический журнал «Курский край», издающийся с 1988 года Курским областным научным краеведческим обществом. Многие из номеров «Курского края» посвящены проблематике Великой Отечественной войны. В ряде выпусков затрагиваются некоторые аспекты вклада населения Курской области в тыловое обеспечение армии в 1941–1945 гг., рассматривается ход оборонительных боев на территории области в рамках первого периода войны,

процесс организации борьбы в тылу противника и т.д.¹³

Особо следует отметить вышедшую двумя изданиями книгу И.Г. Гришкова¹⁴ — первую обобщающую работу, в которой представлена целостная картина участия курян в войне — на фронте, в советском тылу и партизанских отрядах. Будучи учебным пособием, эта публикация является в то же время серьезным научным исследованием, опирающимся на широкую источниковую базу.

Наиболее серьезным вкладом в изучение истории Великой Отечественной войны в конце XX — начале XXI века стали диссертационные исследования и монографии, выполненные как в рамках Центрального Черноземья, так и на материалах отдельных его областей¹⁵. Так, изучены такие направления деятельности органов власти региона по организации вооруженной борьбы с противником, как военно-мобилизационная работа, подготовка боевых резервов для Красной армии, организация добровольческих формирований (народного ополчения и истребительных батальонов), оказание помощи Красной армии в строительстве оборонительных сооружений, обеспечение безопасности тыла действующей армии, развертывание патриотических движений по оказанию помощи фронту, шефство над госпиталями, помощь фронтовикам в обеспечении и бытовом устройстве их семей¹⁶.

В диссертации, монографиях и других работах А.Н. Манжосова¹⁷ анализируются процессы перестройки деятельности железных дорог Центрального Черноземья для обеспечения воинских и народнохозяйственных перевозок в начале войны, участие железнодорожников в мероприятиях по укреплению боеспособности Красной армии, их роль в обеспечении железнодорожных перевозок в период подготовки и проведения Курской битвы, в ходе восстановительных работ на завершающем этапе войны.

Диссертация и монография Г.Д. Пилишвили¹⁸ освещают создание и функционирование на территории Курской области добровольческих военизированных формирований — народного ополчения и истребительных батальонов. Автор дает обстоятельную характеристику историографии проблемы, рассматривает вопросы, связанные с организацией, вооружением, комплектованием, боевой подготовкой народного ополчения и истребительных батальонов, освещает разнообразные направления деятельности добровольческих формирований Курской области по ее обороне от войск противника, охране тыла Красной армии, борьбе с дезертирством и бандитизмом.

В диссертационном исследовании и монографии В.В. Коровина¹⁹ уделено большое внимание мероприятиям по подготовке партизанской борьбы накануне оккупации области, поиску оптимальных форм руководства партизанским движением, проблемам и трудностям объективного и субъективного характера, с которыми пришлось столкнуться курским партизанам. Автор также подробно рассмотрел основные направления боевой деятельности курских партизанских отрядов и бригад; диверсии на коммуникациях и военных объектах противника, военно-политическая разведка вражеского тыла, борьба с гарнизонами и карательными экспедициями немецко-фашистских войск и полицейских формирований, агитационно-разъяснительная работа с населением оккупированных районов, осветил взаимодействие партизан с подпольными организациями и разведывательно-диверсионными группами НКВД.

Подводя итоги боевой деятельности партизанских отрядов, В.В. Коровин доказывает, что искушение преувеличить свои успехи, использование непроверенной информации, двойной счет одних и тех же побед вели к завышению соответствующих цифровых данных, что заставляет усомниться в точности сведений, содержащихся в позднейших документах. Однако при этом автор несколько не склонен преуменьшать значение борьбы, которую вели в тылу противника партизаны Курской области.

Анализ деятельности партизанских отрядов и подпольных организаций Воронежской области занимает значительное место в монографии С.И. Филоненко и Н.В. Филоненко и кандидатской диссертации Н.В. Филоненко²⁰. Ранее данной проблематике посвящались отдельные статьи, в указанных же исследованиях дана обобщающая картина борьбы воронежцев на временно оккупированной территории.

Исследователь С.А. Никифоров подробно изучил вопросы политики оккупационных властей в Курской области²¹. Анализируя организацию управления на оккупированной территории, автор рассматривает установленное немцами административно-территориальное деление, дает характеристику структуры органов власти, значительное внимание уделяет проблеме сотрудничества местных жителей с оккупантами. Освещается также экономическая политика захватчиков: их мероприятия в аграрном секторе, сфере промышленности, транспорта, торговли и налоговой системы. В диссертации приведены многочисленные примеры террора против местного

населения, показаны трагические последствия хозяйничанья гитлеровцев на курской земле.

В диссертации А.Д. Немцева²² на обширном источниковом материале, основу которого составляют документы из фондов Центрального архива Министерства обороны РФ, анализируется ход операций советских войск на территории Курской области в первый период войны. В более широких территориальных рамках проблема рассматривается в коллективной монографии²³, посвященной боевым действиям Брянского, Юго-Западного фронтов и партизан против войск Германии и ее союзников в Центральном Черноземье осенью 1941 — летом 1942 года. Заметим при этом, что ранее при освещении сражений на территории региона историки в основном писали о событиях 1943 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бодрова Е.В. Создание и деятельность системы обеспечения людскими ресурсами действующей армии в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000; Данилов В.Н. Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1996; Маларов В.Н. Мобилизация трудовых и материальных ресурсов СССР на строительство оборонительных рубежей в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2000; Панина Н.В. Исторический вклад советских женщин в обеспечение стабильности тыла и организацию помощи фронту в годы Великой Отечественной войны (по материалам Российской Федерации): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002; Парамонов В.Н. Индустриальное развитие РСФСР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001; Черепанов В.В. Всенародная помощь фронту в годы Великой Отечественной войны (историографическое исследование): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1994.

² В суровую пору (Белгородщина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). Сб. документов и материалов. Воронеж, 1978; Во имя Победы (Воронежская областная партийная организация в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.): Сб. документов и материалов. Воронеж, 1975; Патриотический почин Тамбовских колхозников в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Сб. документов. Тамбов, 1961; Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.: Сб. документов и материалов: В 2 т. Курск, 1960—1962.

³ Савушкин Л.М. К вопросу источниковедения Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Центральное Черноземье России в годы Великой Отечественной войны: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2000. С. 3.

⁴ Суровая правда войны. 1941 год на Курской земле в документах архивов. Сб. документов. Ч. I. Курск, 2002.

⁵ Суровая правда войны. 1942 год на Курской земле. Сб. документов. Ч. II. Курск, 2004.

⁶ Война и женская судьба. Курск, 2000; Детство, опаленное войной. Курск, 2005; У Победы есть имена. К 55-летию Курской битвы. Сб. статей и воспоминаний. Курск, 1998; Человеческие документы войны. Воспоминания. Письма. Стихотворения. Статьи. Курск, 1998.

⁷ Книга Памяти липчан, погибших в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: В 5 т.

Липецк, 1994—1997; Книга Памяти: О войнах-воронежцах, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны в 1941—1945 гг.: В 27 т. Воронеж, 1993—1996; Книга Памяти: О войнах-воронежцах, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны в 1941—1945 гг. (доп. том). Воронеж, 1999; Книга Памяти. Российская Федерация. Курская область: В 15 т. Курск, 1993—2006; Книга Памяти. Российская Федерация. Тамбовская область: В 10 т. Тамбов, 1994—1999; Книга Памяти 1941—1945 гг. Белгородская область Российской Федерации: В 5 т. Белгород, 1993—1995.

⁸ Замулин В.Н. Прохоровка — неистовое сражение великой войны. М., 2005; Лопуховский Л.Н. Прохоровка. Без грифа секретности. М., 2005.

⁹ Армия в истории России: Материалы межвузовской науч. конференции (г. Курск, 23 мая 1997 г.). Курск, 1997; Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: уроки истории: Сб. материалов науч.-практич. конференции. Белгород, 2000; Воронеж в годы грозные: Воспоминания. Очерки. Статьи. Воронеж, 1998; Вставай, страна огромная: Материалы областной науч.-практич. конференции в связи с 60-летием начала Великой Отечественной войны. Воронеж, 2001; История Великой Отечественной войны в документах и судьбах (По материалам Курской области) Курск, 1995; Истоки: историко-краеведческий сб. статей о Белгородчине. Белгород, 1994; Курская битва: взгляд через полвека: Материалы областной науч. конференции. Белгород, 1999; Курская битва — коренной перелом в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Сб. материалов межрегиональной науч.-практич. конференции, посвященной 60-летию битвы на Огненной дуге. Белгород, 2003; Непобедимые сыны Отечества: Материалы Всероссийской науч. конференции, посвященной 55-летию победы на Курской дуге. Курск, 2000; Непобедимые сыны Отечества: Сб. научных статей. Курск, 2003; Оружие победы ковалось в Воронеже: Материалы воен.-истор. конференции. Воронеж, 2001; По ту сторону фронта: Очерки, статьи, воспоминания ветеранов войны и труда о боевых действиях партизанских отрядов, подпольщиков-разведчиков в тылу гитлеровцев. Воронеж, 2001; Последний прыжок «Барса». Страницы истории воронежского УНКВД-УНКГБ (1941—1945 гг.). Воронеж, 1995; Разгром немецко-фашистских войск на завершающем этапе войны и вклад Воронежа и Воронежской области в общую Победу: Материалы областной науч.-историч. конференции, посвященной 55-летию Победы. Воронеж, 2000; Разгром немецко-фашистских захватчиков под Воронежем, на Дону: Тезисы научных докладов и сообщений, посвященных 55-летию разгрома немецко-фашистских захватчиков под Воронежем. Воронеж, 1998; Российская Федерация в годы Великой Отечественной войны: Материалы науч.-практич. конференции, посвященной 50-летию Победы. Воронеж, 1995; Солдаты Победы. Тамбов, 1995; Тамбовская деревня в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945: Тезисы докладов к науч. конференции (апрель 1995 г.). Тамбов, 1995; Центральное Черноземье России в годы Великой Отечественной войны: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2000.

¹⁰ Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне: Материалы международной науч. конференции. Воронеж, 2006.

¹¹ Филоненко С.И. Острогоско-Россошанская операция — Сталинград на Верхнем Дону. Воронеж, 2005.

¹² Поискное движение как форма изучения событий Великой Отечественной войны: Материалы Всероссийской науч.-практич. конференции. Курск, 2005.

¹³ В ту суровую осень... (Оборонительные бои на курской земле осенью 1941 г.) // Курский край. Альманах. 1999. № 1(4); Противостояние (Оборонительные бои на Курской земле осенью 1941 г. — летом 1942 г.) // Там же. № 3(7); Оккупационная политика немецко-фашистских захватчиков на территории Курской области в 1941—1943 гг. // Курский край. Научно-историч. журнал. № 4(7); Малоизвестные страницы истории

партизанского движения Курской области (1941–1943 гг.) // Там же. № 6(9); Тыл и фронт — едины!: Вклад населения Курской области в тыловое обеспечение Красной армии в 1941–1945 гг. // Там же. 2000. № 4—5(13–14); У памяти великой на посту // Там же. 2002. № 7—8(27–28); 60-летию Великой Победы посвящается... // Там же. 2004. № 8—9(58–59); «За нами не просто рубеж — за нами родная столица» (65-летию боев на Курской земле посвящается) // Там же. № 15—16(90–91).

¹⁴ Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны. Курск, 1993; *Он же*. Курская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Курск, 1999.

¹⁵ Афанасьева Ю.Л. Процессы перемещения гражданского населения в период Великой Отечественной войны (на примере Курской области): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2002; *Бондарева А.В.* Органы государственной безопасности советской провинции в годы Великой Отечественной войны (на примере Курской области): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004; *Ващенко А.В.* Мобилизация ресурсов сельского хозяйства областей Центрального Черноземья в помощь фронту в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000; *Верютин Д.В.* Деятельность органов НКВД на территории Центрального Черноземья накануне и в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2002; *Денисова Н.В.* Промышленность областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004; *Коровин В.В.* Партизанское движение на территории Курской области в 1941–1943 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2000; *Манжосов А.Н.* Железнодорожники России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (по материалам Центрального и Центрально-Черноземного регионов РСФСР). Курск, 2003; *Он же*. Железнодорожники Центрального Черноземья России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Курск, 2002; *Маркова С.В.* История сражений советских войск на территории Центрального Черноземья летом и осенью 1942 года: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000; *Мишустин С.П.* Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам же-

лезных дорог Южного направления): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006; *Немцев А.Д.* Боевые действия советских войск на территории Центрального Черноземья осенью 1941 — летом 1942 гг. (по материалам Курской области): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006; *Никифоров С.А.* Политика оккупационных властей на территории Курской области в 1941–1943 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2003; *Пилишвили Г.Д.* Добровольческие воензированные формирования в годы Великой Отечественной войны (на примере народного ополчения и истребительных батальонов Курской области): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005; *Попов Е.В.* Учреждения культуры Курской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005; *Протасов Ю.С.* Добровольческие формирования в структуре НКВД в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: (на материалах Центрально-Черноземного региона): Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1999; *Русанова Т.В.* Работа железнодорожников дорог Юга России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (по материалам Курской области): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2002; *Филоненко С.И.* Разгром армий сателлитов фашистской Германии под Сталинградом и Воронежем, ноябрь 1942 г. — февраль 1943 г.: Дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2000; *Филоненко Н.В.* Немецко-фашистский режим на временно оккупированной территории Воронежской области и его крах (июль 1942 г. — февраль 1943 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003; *Шевелев А.В.* Разведывательные, полицейские и пропагандистские формирования оккупационных властей на территории Курской области в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004; *Штеухин М.В.* Деятельность органов государственной безопасности СССР против разведывательно-подрывных акций немецко-фашистских войск на территории Воронежской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2001; *Яценко К.В.* Военно-организаторская деятельность государственных и политических структур областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003.

¹⁶ *Яценко К.В.* В борьбе за коренной перелом: Военно-организаторская деятельность органов власти Центрального Черноземья

во второй период Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. — декабрь 1943 г.). Курск, 2001; *Он же*. В борьбе за Победу: Военно-организаторская деятельность государственных и политических структур областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. М., 2003; *Он же*. Военно-организаторская деятельность...; *Он же*. Фронтовой регион: Центральное Черноземье России в системе военно-организаторской деятельности местных властных структур в годы Великой Отечественной войны. Курск, 2006.

¹⁷ *Манжосов А.Н.* Специальные формирования Народного комиссариата путей сообщения (НКПС) в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1998; *Он же*. Железнодорожники Центрального Черноземья России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Курск, 2002; *Он же*. Железнодорожники России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (по материалам Центрального-Черноземного регионов РСФСР). Курск, 2003.

¹⁸ *Пилишвили Г.Д.* Добровольческие воензированные формирования...; *Он же*. Они защищали Родину: Добровольческие воензированные формирования Курской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Курск, 2006.

¹⁹ *Коровин В.В.* Указ. соч.; *Он же*. Партизанское движение на территории Курской области в 1941–1943 гг. Курск, 2005.

²⁰ *Филоненко С.И., Филоненко Н.В.* Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942 — февраль 1943). Воронеж, 2003; *Филоненко Н.В.* Немецко-фашистский режим...; *Филоненко С.И., Филоненко М.И.* Психологическая война на Дону: мифы фашистской пропаганды. 1942–1943. Воронеж, 2006.

²¹ *Никифоров С.А.* Указ. соч.

²² *Немцев А.Д.* Указ. соч.

²³ *Коровин В.В., Манжосов А.Н., Немцев А.Д., Луканов И.П.* Победу приближали как могли (Боевые действия Брянского, Юго-Западного фронтов и партизан против гитлеровской Германии и ее союзников в Центрально-Черноземном регионе РСФСР (октябрь 1941 — июль 1942 гг.). Курск, 2006.

К.В. ЯЦЕНКО

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ЮБИЛЕЙ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ ВОЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Свою историю кафедра истории Военного университета начала 19 ноября 1927 года как структурное подразделение Высших военно-политических курсов имени Толмачева. Спустя три месяца, в феврале 1928 года, курсы были преобразованы в Военно-политический институт с присвоением ему статуса академии.

УЧЕБНЫЙ план института включал более тридцати предметов, для преподавания которых были созданы шесть кафедр. Все научно-педагогические подразделения объединяли несколько предметов. Так, на кафедре историко-социальных наук преподавали тактику ВКП(б), русскую историю, историю Запада, историю рабочего движения, исторический материализм и советское право. В стенах вуза готовили специалистов с высшим военно-политическим образованием для замещения военно-политических, политико-просветительных и военно-педагогических должностей. С 1939 по 1947 год кафедра истории входила в состав кафедры гуманитарного направления. Самостоятельной кафедра истории стала лишь в мае 1947 года в связи с восстановлением Военно-политической академии.

В сентябре 1974 года кафедра перешла на новые сроки подготовки политработников и новые учебные программы. В 1991 году на ее базе была создана кафедра отечественной истории, в состав которой годом позже вошла кафедра международных отношений и политических движений. В декабре 1994 года на базе Военной академии экономики и права и Гуманитарной академии был учрежден Военный университет Министерства обороны РФ, включивший в свой состав кафедру истории.

Сегодня начальником кафедры является доктор исторических наук, профессор полковник А.П. Волков. Здесь трудятся пять докторов на-

ук, семь профессоров, девять кандидатов наук. В различные годы педагогический коллектив кафедры насчитывал более 200 ученых, достижения которых отмечены по заслугам. На конкурсе за звание лучшего преподавателя гуманитарного направления Военного университета в различные годы побеждали профессор А.Т. Степанищев, доцент кафедры полковник Н.М. Белозеров. Почетное звание заслуженный работник высшей школы РФ присвоено профессорам В.Н. Амбарову, В.П. Измайлову, П.И. Пасхальному, В.В. Рыбникову, А.Т. Степанищеву.

Трудятся на кафедре профессор А.М. Махров, который в течение более чем двадцати лет является ученым секретарем диссертационного совета по историческим наукам, а также участник Великой Отечественной войны профессор В.П. Измайлов, подгототивший за свою научно-педагогическую деятельность двадцать пять кандидатов наук. Четверо его учеников защитили докторские диссертации. Профессор А.Т. Степанищев за последние годы издал десять учебников и методических пособий, в том числе двухтомник «Методика преподавания и изучения истории». Большой вклад в работу кафедры вносят заместитель начальника кафедры истории доктор исторических наук, профессор полковник И.А. Шейн, доктора исторических наук С.В. Бориснев, О.В. Матвеев, А.М. Ястремский, кандидаты исторических наук Е.Е. Бойчук, О.Н. Забегайло, А.А. Климов, В.Б. Горячев.

Всего за 1995—2007 гг. преподавателями и адъюнктами опубликовано более 60 работ, в том числе труды: «Отечественная история», «История России», «История зарубежных стран», «История мировых цивилизаций», «История России в сообществе мировых цивилизаций», «История России в лицах».

Параллельно с обучением и воспитанием курсантов и слушателей на кафедре ведется большая работа по подготовке научных кадров. За 80 лет на кафедре подготовлено около 500 докторов и кандидатов наук. На сегодняшний день в ее стенах проходят подготовку 2 докторанта и 12 соискателей ученой степени доктора наук, 13 адъюнктов очной и заочной форм обучения, 56 соискателей ученой степени кандидата наук. Это потенциал кафедры и будущее военного образования.

Полковник А.В. КОЗЛОВ,
преподаватель кафедры журналистики
Военного университета МО РФ, кандидат исторических наук
(Москва)

ГЛАВНЫЙ ШТАБ ВВС: ЭТАПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, РОЛЬ И МЕСТО В УПРАВЛЕНИИ ВОЙСКАМИ. 1946–1998 гг.

В АПРЕЛЕ 1946 года Управление главнокомандующего ВВС было переведено на новый штат. Штаб ВВС Красной армии был реорганизован в Главный штаб Военно-воздушных сил, который возглавил генерал-полковник авиации В.А. Судец. В дальнейшем Главным штабом ВВС руководили: генерал-полковник авиации Н.П. Дагаев — с апреля по сентябрь 1949 года; генерал-полковник авиации С.И. Руденко — с сентября 1949 по август 1950 года и с июня 1953 по февраль 1958 года; генерал-лейтенант П.Ф. Батицкий — с сентября 1950 по июнь 1953 года.

В первые послевоенные годы Главный штаб ВВС активно участвовал в обобщении и внедрении опыта боевых действий авиации в Великой Отечественной войне и первого опыта использования реактивных боевых самолетов. При его участии впервые стали разрабатываться перспективные планы переоснащения самолетного парка военной авиации (прообраз современных государственных программ вооружения). Большое внимание уделялось планированию и проведению учений с объединениями ВВС. В 1952 году проведено учение ВВС с участием четырех воздушных армий и соединений дальней авиации с практическими полетами.

Деятельность ВВС и, следовательно, Главного штаба строилась с учетом требований международной обстановки и развития средств ведения вооруженной борьбы. Начавшаяся в 1950 году война в Корее потребовала уточнения функций и некоторой корректировки практических действий Главного штаба ВВС. В его деятельности все более преобладали организующие функции, связанные с участием в войне личного состава и авиационной техники. Главным штабом ВВС всесторонне исследовался, обобщался и доводился до войск опыт применения в войне 1950—1953 гг. как авиационных сил противника, так и нашего 64-го истребительного авиационного корпуса, принимавшего непосредственное участие в боевых действиях.

Большую угрозу представляло появление у США ядерного оружия, что требовало принятия адекватных мер. В то время единственным средством доставки ядерных боеприпасов к цели был тяжелый бомбардировщик. Это обстоятельство существенно поднимало значение ВВС в целом и одновременно обуславливало преимущественное развитие дальней бомбардировочной авиации. Первое в СССР испытание ядерного оружия было проведено 29 августа 1949 года на Семипалатинском испытательном полигоне при непосредственном участии ВВС. А уже через два года, 18 октября 1951 года, было выполнено первое бомбометание атомной бомбы РДС-3 с самолета-носителя Ту-4 (командир экипажа Герой Советского Союза подполковник К.С. Уржумцев за выполнение этого задания был награжден орденом Ленина). Главный штаб ВВС постоянно участвовал в организации подготовки и проведения испытаний ядерного оружия. По их результатам были приняты на вооружение комплексы ядерного оружия для фронтовой и дальней авиации ВВС, противолодочной авиации ВМФ, разработаны основы его применения.

Процесс широкого оснащения Вооруженных Сил новым вооружением и освоение его личным составом потребовали соответствующих организационных преобразований в Военно-воздушных силах. В апреле 1953 года Управление главнокомандующего ВВС было переведено на новый штат, в его состав были включены управления командующего дальней авиацией и входившее ранее в состав командования Воздушно-десантных войск управление командующего военно-транспортной авиацией. В этот период под непосредственным руководством начальника Главного штаба ВВС С.И. Руденко (с 1955 г. — маршал авиации) получили детальную разработку вопросы применения авиацией ядерного оружия, созданы теоретические основы для подготовки авиационных частей и соединений к боевым действиям в операциях с применением средств массового

поражения, подготовлены соответствующие руководства и представления для войск.

Угроза применения вероятным противником ядерного оружия потребовала принятия мер по повышению живучести, в том числе системы управления авиацией. Главный штаб уделял много внимания организации запасных командных пунктов, тыловых и вспомогательных пунктов управления. В интересах славивания развертывавшейся системы управления организовывались и проводились исследовательские командно-штабные учения, научно-практические конференции. Выводы по результатам этих мероприятий легли в основу принятого в 1953 году Боевого устава Военно-воздушных сил Советской армии.

В декабре 1959 года Совет Министров СССР принял решение о создании нового вида Вооруженных Сил — Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). На их укомплектование была обращена часть командных кадров и специалистов ВВС. Одновременно началось существенное сокращение боевого состава и численности ВВС. В течение 1960 года были расформированы 15 бомбардировочных, 10 истребительных, 2 истребительно-бомбардировочных, 5 военно-транспортных авиационных дивизий и 12 разведывательных авиационных полков. Большое количество дорогостоящей и исправной авиационной техники в это время было уничтожено. В дальней авиации расформированы управления воздушных армий; организационно она стала состоять из отдельных тяжелобомбардировочных авиационных корпусов. Процесс сокращения боевого состава авиационных объединений продолжался до середины 1960-х годов.

В 1960 году авиационные дивизии и отдельные вертолетные полки, находившиеся в составе военно-транспортной авиации ВВС, были переданы в воздушные армии фронтовой авиации. Постепенно, с возрастанием выпуска авиационной промышленности вертолетов, количество таких частей во фронтовой авиа-

ции увеличивалось. Они явились основой для создания нового рода авиации — армейской.

В условиях определенной недооценки традиционных видов Вооруженных Сил от Главного штаба ВВС требовались значительные усилия по сохранению боевой готовности авиационных формирований. Но и сам Главный штаб подвергся реорганизации. В январе 1961 года в соответствии с директивой Генерального штаба Управление главнокомандующего ВВС было переведено на новый штат с сокращением численности аппарата. Работа Главного штаба ВВС усложнялась реформированием отдельных его подразделений и созданием новых структур. Несмотря на все организационные изменения, он продолжал успешно решать возложенные на него задачи.

В 1970-х годах дальнейшее развитие получила армейская авиация. В каждой общевойсковой армии были развернуты смешанные (самолетные и вертолетные) эскадрильи связи, а в мотострелковых и танковых дивизиях появились отдельные вертолетные отряды. В конце 1970-х формирование армейской авиации завершилось. Вертолетные части и подразделения армейской авиации структурно стали входить в состав воздушных армий, составляя фронтовой и армейские комплекты. В это время в Военно-воздушных силах была воссоздана и штурмовая авиация.

В 1980 году под руководством Генерального штаба Вооруженных Сил СССР Военно-воздушные силы вновь подверглись глубокой реорганизации. Суть ее заключалась в ликвидации оперативных объединений ВВС фронтового назначения и передаче входивших в их состав авиационных соединений командованию военных округов. Главной целью этой организационной перестройки являлось укрепление централизованного управления войсками различных видов Вооруженных Сил в составе фронтов. В распоряжении главнокомандующего ВВС оставались только авиационные объединения для выполнения самостоятельных оперативно-стратегических задач, при этом Главный штаб ВВС должен был решать как административные, так и оперативные функции.

В этот период постоянно проводились командно-штабные учения фронтового масштаба с привлечением войск и авиации. Изменялась структура войск и органов военного управления, разрабатывались различные руководства и положения по применению авиации в новой структуре. Практика очень быстро показала, что

структура ВВС после проведенной реорганизации во многом стала напоминать довоенную, отвергнутую опытом начального периода Великой Отечественной войны, когда авиационные объединения были разделены на фронтовую группу, армейскую и войсковую авиацию. Не было достигнуто существенных сдвигов и в вопросах взаимодействия авиации и войск ПВО: в ходе различного рода учений все большее количество поднятых в воздух самолетов условно обстреливалось своими же средствами ПВО. На отдельных исследовательских учениях доля своих самолетов, «обстрелянных» средствами ПВО, доходила до 20—30 проц.

В 1986 году решением Совета обороны СССР Военно-воздушные силы были возвращены к прежней структуре. С этого времени усилия Главного штаба ВВС направлялись на формирование воздушных армий фронтового назначения с присвоением им тех же наименований, что были до 1980 года. Воздушные армии входили в состав ВВС, но оперативно подчинялись командующим войсками военных округов. Такое подчинение авиационных объединений предполагало снятие всех ограничений управленческого характера для полной реализации боевых и маневренных возможностей фронтовой авиации. Ее силы могли быть сосредоточены для решения важнейших задач в любое время в операциях различных видов и масштабов. В то же время части и подразделения армейской авиации продолжали оставаться в двойном подчинении: административно они входили в состав ВВС, а реально подчинялись по всем вопросам командующим войсками военных округов и общевойсковых армий. В 1990 году с учетом предложений большей части общевойсковых военачальников приказом министра обороны СССР армейская авиация была полностью передана в состав Сухопутных войск.

В 1988 году вновь была проведена реорганизация управленческих структур, в том числе, частично, Главного штаба ВВС. Управление командующего дальней авиацией выведено из состава Управления главнокомандующего ВВС и стало самостоятельным органом военного управления в составе ВВС.

Рассматривая деятельность Главного штаба ВВС в послевоенные годы, нельзя не отметить его работу по решению проблемных вопросов развития тактики родов авиации. Исследовался опыт локальных войн, организовывались учения, на основе которых выра-

батывались рекомендации частям родов авиации по ведению боя. Под влиянием этого опыта менялись взгляды на способы применения истребительной авиации. По результатам боевых действий в ходе войны во Вьетнаме была пересмотрена утвердившаяся в конце 1950-х годов тактика перехвата воздушных целей. Положение о том, что маневренный воздушный бой несвойствен природе сверхзвукового истребителя, было опровергнуто действиями самолетов МиГ-21, принимавших в составе ВВС Северного Вьетнама с апреля 1966 года участие в воздушных боях с авиацией США. На основе рекомендаций, выработанных Управлением главнокомандующего ВВС, было организовано переустройство летчиков-истребителей ведению воздушного боя. Как и в годы Великой Отечественной войны, появились группы различного тактического назначения: ударная, демонстративная, резервная.

С конца 1950-х годов в связи с начавшимся сокращением ВВС уменьшились выпуски летных училищ, часть выпускников по окончании учебных заведений увольнялась в запас, не отслужив и минимальных сроков в офицерских званиях. Это не могло не нанести ущерба боеготовности Военно-воздушных сил. Для исправления положения по инициативе Главного штаба ВВС принимается ряд мер. Так, в конце 1960-х годов на службу в офицерских должностях в ВВС на 2 года начинают призывать соответствующих специалистов из запаса. Создается Барнаульское высшее военное авиационное училище летчиков и Ворошиловградское высшее военное авиационное училище штурманов, в котором впервые в ВВС организуется подготовка офицеров боевого управления. Сызранское и Борисоглебское средние военные авиационные училища летчиков преобразовываются в высшие. В высших летных училищах с 1961 года введена система заочного обучения. К концу 1960-х годов основная часть летно-инструкторского состава получила высшее образование. В последующем летчиков-инструкторов и штурманов-инструкторов стали готовить главным образом из лучших выпускников летных и штурманских училищ.

Главный штаб ВВС уделял много внимания научно-исследовательской работе. По его заданиям в Военно-воздушной академии путем теоретических изысканий, а также в ходе командно-штабных учений и военных игр выполнялись исследования, результаты которых

В.А. Судец

Н.П. Дагаев

С.И. Руденко

П.Ф. Батицкий

П.И. Брайко

легли в основу разработки некоторых новых положений оперативного искусства и тактики ВВС.

Как залог успешной реализации непрерывно повышавшихся боевых возможностей авиационных объединений и соединений в период научно-технической революции Главный штаб ВВС рассматривал автоматизацию управления авиационными формированиями. Поэтому наряду с новыми авиационными комплексами разрабатывались комплексные автоматизированные системы управления (АСУ).

Создавались дивизионные комплексы АСУ, включавшие аппаратуру различного назначения. В 1976 году АСУ истребительной авиации были объединены с подсистемами управления фронтовой бомбардировочной, истребительно-бомбардировочной и разведывательной авиации, а также с комплексом средств автоматизации КП объединения ВВС. Тем самым в основном завершено формирование единой АСУ объединения фронтовой авиации.

Под руководством Главного штаба ВВС осваивалась практически созданная система управления фронтовой авиацией, велось ее совершенствование. В воздушных армиях создавались КП, ПКП, воздушный командный пункт (ВзКП) и ТПУ. Кроме того, на КП ПВО фронта развертывались центры боевого управления истребительной авиации воздушной армии (ЦБУ ИА ВА), а на КП общевойсковых и танковых армий, находившихся в первом эшелоне войск фронта, — центры боевого управления воздушной армии (ЦБУ ВА) с их элементами: пунктами наведения и целеуказания (ПНЦ), группами боевого управления (ГБУ) и радионавигационными пунктами (РНП).

Созданию широко разветвленной системы пунктов управления, обеспечивавшей непосредственное взаимодействие авиационного командования с общевойсковым, вплоть до командира мотострелковой (танковой) дивизии

и зенитной ракетной части, повысило оперативность, устойчивость и непрерывность управления. Более высокие показатели в оперативности, гибкости и скрытности управления получены с принятием на вооружение комплексной АСУ, на объектах которой с 1976 года стали развертываться все элементы систем управления истребительной, истребительно-бомбардировочной и разведывательной авиации.

В 1983 году главными штабами Войск ПВО и ВВС была разработана новая Инструкция по взаимодействию зенитных ракетных, зенитных артиллерийских соединений и частей ПВО, зенитных огневых средств ВМФ с истребительной авиацией ВВС и Войск ПВО. Она учитывала изменения, происшедшие к тому времени в боевой технике и боевых возможностях соединений и частей ВВС и Войск ПВО. Как показал опыт ряда учений, это способствовало достижению единого понимания командирами и штабами способов и порядка организации и осуществления взаимодействия.

Рассматривая послевоенную деятельность Главного штаба ВВС, следует отметить, что успешному решению стоявших перед ним задач способствовало то, что в этот период его возглавляли участники Великой Отечественной войны, занимавшие в ходе нее высокие командные должности. Ранее уже были названы генерал-полковники авиации В.А. Судец и Н.П. Дагаев, генерал-лейтенант П.Ф. Батицкий, маршал авиации С.И. Руденко. Нельзя не упомянуть и других руководителей. С февраля 1958 по октябрь 1969 года начальником Главного штаба ВВС являлся генерал-полковник авиации П.И. Брайко, который в годы войны занимался формированием, подготовкой, организацией управления и обеспечения в воздушных армиях, был начальником штаба ряда авиационных объединений. Не меньшим опытом штабной работы располагал маршал авиации А.П. Силантьев, пришедший

с должности командующего воздушной армией и сменивший П.И. Брайко на посту начальника Главного штаба ВВС в октябре 1969 года. Генерал-полковник авиации (с 1980 г. — маршал авиации) Г.П. Скориков, ставший начальником Главного штаба ВВС в июне 1978 года, в Великую Отечественную войну возглавлял отделы в штабах авиационных дивизий и корпусов. С 1971 года — 1-й заместитель начальника Главного штаба ВВС. В 1972 году перешел на работу в Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР, где с 1975 года возглавлял одно из главных управлений. Важные командные и штабные должности до прихода в Главный штаб ВВС исполнял и генерал-полковник авиации В.Е. Панькин, возглавлявший его с марта 1985 по октябрь 1990 года.

7 мая 1992 года, с подписанием указа Президента Российской Федерации о создании Вооруженных сил Российской Федерации в истории Военно-воздушных сил России начался новый этап. Главному командованию ВВС пришлось создавать практически новые Военно-воздушные силы. Главный штаб ВВС в 1990—1997 гг. возглавлял генерал-полковник авиации А.И. Малюков. Важнейшим направлением деятельности штаба в этот период стали разработка и практическая реализация концепции и планов строительства ВВС России. Пришлось практически заново создавать группировку авиации на территории Российской Федерации.

В силу особенностей оперативного построения группировок советских ВВС за пределами России остались наиболее боеготовые авиационные соединения и части, оснащенные новой авиационной техникой. В республиках прежнего СССР остались более 3400 самолетов, из них более 2500 — боевых, в том числе более 40 стратегических ракетносцев Ту-16 и Ту-95мс. Аэродромная сеть ВВС России по сравнению с аэродромной сетью ВВС СССР сократилась почти

А.П. Силантьев

Г.П. Скориков

В.Е. Панькин

А.И. Малюков

вдвое, и особенно резко — на западе. От Ленинграда до Байкала (за исключением Подмосковья) боевая авиация практически отсутствовала. В Московском и Северо-Кавказском военных округах, ставших приграничными, имелись только учебные летные части вузов и слабо развитая авиационная инфраструктура. В новых границах государства потребовалось изменить базирование авиации, так как аэродромы дальней авиации в большинстве своем оказались в приграничной полосе, а истребительная авиация осталась на своих аэродромах в глубине России.

Главный штаб ВВС принимал все меры к сохранению наиболее боеспособных соединений и частей, выработывал предложения по совершенствованию группировки и сохранению ее боевых и оперативных возможностей. Однако приведение ВВС к установленной для них численности военнослужащих привело к сокращению и самолетного парка. В результате к 1995 году группировка ВВС по количеству самолетов по сравнению с 1992 годом была сокращена почти вдвое. Группировка ОВС НАТО в Европе стала более чем в семь раз превышать состав группировки России в этом регионе.

В условиях резкого сокращения боевого состава ВВС Главным штабом выработывались предложения по базированию авиации, реформированию имевшихся и созданию новых объединений и соединений. Велась большая работа по совершенствованию старых и разработке новых форм оперативного применения объединений ВВС. Главному штабу ВВС удалось решить главную задачу — сохранить наиболее боеспособные авиационные части, соединения и объединения в количестве и составе, обеспечивающих поддержание стратегической стабильности составом авиационных стратегических ядерных сил и решение задач регионального сдерживания составом авиационных группировок сил общего назначения.

Одновременно Главными штабами ВВС и Войск ПВО проделана большая кропотливая работа по разработке новой концепции деятельности ВВС и строительства воздушно-космической обороны России. В связи с распадом единой системы противовоздушной обороны СССР возникла острая необходимость ее частичного воссоздания в границах России и некоторых бывших союзных республик. Главный штаб ВВС поддержал усилия Главного командования Войск ПВО по созданию условий для сохранения еще функционирующей системы ПВО, подготовке в этих целях проектов необходимых документов межгосударственного уровня. В феврале 1995 года странами СНГ было подписано Соглашение о создании Объединенной системы противовоздушной обороны государств-участников СНГ, призванной решать задачи по охране государственных границ в воздушном пространстве, а также ведению согласованных коллективных действий войск ПВО по отражению возможного воздушно-космического нападения на одну из стран и коалицию государств.

С середины 1997 года деятельность Главного штаба ВВС была направлена на выполнение указа Президента Российской Федерации и изданного в его развитие приказа министра обороны, которые определяли наиболее кардинальное изменение в организационной структуре Вооруженных сил России — создание к 1 января 1999 года на основе ВВС и Войск ПВО объединенного вида Вооруженных сил. К 1 марта 1998 года было закончено реформирование управлений главнокомандующих ВВС и Войсками ПВО в Управление главнокомандующего Военно-воздушными силами. В его составе создан объединивший специалистов авиации и Войск ПВО качественно новый по своему составу, структуре и предназначению орган военного управления — Главный штаб ВВС. Возглавить его было поручено мне.

Так как в состав ВВС были включены Московский округ ПВО, дальняя и военно-транспортная авиация, отдельные армии и корпуса ПВО, воздушные армии, ВВС военных округов, военно-учебные заведения, военные учреждения и предприятия ВВС и Войск ПВО, объем задач вновь созданного органа военного управления существенно возрос. Оптимизация структуры органов управления ВВС шла за счет повышения централизации управления войсками, исключения параллельных и дублирующих структур, повышения эффективности системы управления.

В 1998 году под руководством Главного штаба силами научно-исследовательских организаций ВВС были разработаны и утверждены главнокомандующим ВВС концепция создания единой автоматизированной системы управления ВВС, программа и план работ по ее реализации. Одновременно решались вопросы поиска и определения форм применения ВВС и их объединений. Усилиями Главного штаба ВВС с привлечением ведущих управлений Главного командования в теоретическом плане эта задача была решена. Однако говорить о завершении работы по поиску наиболее рациональных форм применения ВВС пока рано. Судить о степени рациональности принятых тогда решений можно будет только на основе практики, а критерием должна стать эффективность применения вновь созданных объединений ВВС.

Главным штабом ВВС были выработаны, обеспечены штатной численностью и реализованы предложения по совершенствованию структуры воинских частей мирного и военного времени. Глубокий анализ опыта боевого и оперативного применения авиации и войск ПВО и решения ими задач в мирное время с опорой на результаты научных исследований позволил Главному штабу ВВС в сложных условиях реформирования Вооруженных сил выработать правильные ориентиры, выработать перспективные направления дальнейшего развития и определять наиболее рациональные формы и способы боевого применения объединений, соединений и частей ВВС.

*Генерал-полковник запаса
Б.Ф. ЧЕЛЬЦОВ*

НЕТ, НАША ПОБЕДА — НЕ ПИРРОВА

Пишу в поддержку статьи генерала армии М.А. Гареева «История Великой Отечественной войны: предотвратить ее искажения и фальсификацию», опубликованной в «Военно-историческом журнале» в 2006 году (№ 11, 12). Я полностью одобряю ее положения. Особенно, по-моему, правдив и точен вывод о том, что нынче историческая наука и значительная часть общества живут порознь.

Происходит это, на мой взгляд, во многом потому, что за последние годы высшая школа выпустила большое количество молодых историков, пытающихся хоть чем-то о себе заявить, выдвинуть что-то новое, свое. В истории же Великой Отечественной они находят много белых пятен. Однако ведь одно дело — отыскать, иное — правильно осмыслить, оценить, обобщить. Но даже тот, кто и способен это сделать, предлагая издательствам свои объективные изыскания, сталкивается с нежеланием публиковать положительные материалы о войне. Это уже было, отвечают им, давайте сенсацию, тогда опубликуем. Вот так и рождаются негатив, извращения, фальсификация. Поэтому сегодня на издательской ниве не так-то просто пробиться со статьей, как справедливо замечает генерал армии М.А. Гареев, основанной на объективном анализе, реальных фактах. Видимо, пришло время выручать солидных авторов и молодых ищущих исследователей издательствам Министерства обороны.

Немалую лепту в искажение истории Великой Отечественной войны, как ни печально это сознавать, стали вносить и сами ее участники. Зачастую это происходит от жизненной неустроенности, заставляющей порой задавать сакральный вопрос: «За что воевали?» или, что хуже, в пересудах между собой называть Великую Победу пирровой. Я как-то сделал замечание одному из таких рассуждающих. Он в годы войны, будучи двадцатидвулетним, командовал батальоном. Я ему сказал, что Пирр после своей победы упал и не смог подняться, а мы не только победили, но, справившись с разрухой, восстановили все отнятое войной, создали новые виды производства, осуществили полеты в космос... На это мой собеседник возразил: почему, дескать, тогда развалился СССР, если все было так хорошо?... Спор наш затянулся, поскольку переубедить одного другого в таком вопросе не просто.

Это ведь, учтите, между опытными людьми, прошедшими суровые испытания. А молодежь? Взять проблему с учебниками для младших и старших классов — тут, как говорится, и светлый ум помутнеет. Ведь каждый год эти учебники меняют, дополняют, но четкой линии в их содержании как не было, так и нет. И кто напишет такой учебник без искажений и фальши, если во всех слоях общества, в том числе и среди ученых, нет единого мнения в кардинальных вопросах войны и мира, более того, похоже, нет и стремления найти общий язык, желания быть исторически объективным.

И снова вернемся к ветеранам. Уверен, что, встречаясь с молодежью, не надо приукрашивать события, но вместе с тем нужно учиться терпеливо разоблачать фальсификаторов, рассказывая правду о войне. На одной из встреч с офицерами-строителями мне был задан вопрос: «Могут ли быть подвиги Матросова и 28 панфиловцев примерами неудовлетворительной организации боя»? Аудитория ожидала от меня, что я буду говорить о героизме Матросова и 28 панфиловцев, но я сказал, что этот вопрос нужно разделить на две части: первая — это стойкость, героизм бойцов Красной армии, их способность к самопожертвованию во имя Победы, а вторая — это организация боя. Сегодня мы, суммируя наши знания о войне, примеряя их к собственному фронтовому опыту, можем сказать, что, к примеру, организация наступления стрелкового подразделения на укрепленный узел противника без авиационной, танковой и артиллерийской поддержки — мера вынужденная. Каждый бой требует соответствующего технического обеспечения, а такого как раз в обоих случаях и не было. Но тут даже не вина командиров полкового, дивизионного, армейского ранга. В ту войну с техникой и вооружением было вообще много проблем. Но в конце концов и оборонная промышленность, и армия, и весь народ выдержали испытание. Победа, хоть и дорогой ценой, оказалась на нашей стороне.

Так что нет, наша Победа — не пиррова.

Полковник в отставке Е.Д. ПОДОЖИН
(Москва)

Уважаемая редакция!

К вам обращается ваш давний читатель капитан 2 ранга Парасочка Юрий Владимирович, заместитель командира соединения надводных кораблей Тихоокеанского флота по воспитательной работе с просьбой оказать помощь в поиске места захоронения деда — капитана Парасочки Григория Ивановича, погибшего в ноябре 1942 года.

В № 4 за 2007 год вашего журнала, в разделе «Молодежный военно-исторический журнал» была опубликована статья капитана запаса В.В. Степанова «Незабытые рубежи». У меня перехватило дыхание, когда я прочитал о поисковой работе отряда Научно-исследовательского центра электронной вычислительной техники «Поиск» у станции Гредякино. Дело в том, что я, а ранее мой отец, подполковник Парасочка Владимир Григорьевич, военный летчик, ветеран Вооруженных сил, в течение долгих лет безуспешно пытались найти могилу его отца, а моего деда, погибшего в 1942 году в бою у деревни Гредякино. Наши запросы в органы местной власти оставались без ответа, а из архива Минобороны приходили лишь биографические данные и информация, которая и так была нам известна.

Мой дед родился в с. В. Рогачек Днепропетровской области. В 1942 году — капитан, заместитель командира 362-го танкового батальона (в ноябре 1942 г. командиром 362 ТБ был капитан Месников). В извещении о гибели указано: «Убит в бою 25. 11. 1942 года возле деревни Гредякино. Похоронен в районе леса 1 км от деревни Рябцево Сычевского района Калининской обл.»

В нашей семье бережно хранится память о погибшем: письма с фронта, извещение о гибели, фотографии и документы довоенной поры, орден Отечественной войны. На светлой памяти о деде — герое войны воспитывался мой отец, брат, я сам, наши дети. Всем нам, его дочери, внукам, правнукам очень важно знать, где покойится прах Григория Ивановича.

С уважением,

капитан 2 ранга Ю.В. ПАРАСОЧКА
(г. Владивосток)

Подобных писем редакция получает очень много. К сожалению, вести поисковую работу сотрудники редакции не имеют возможности в связи с необходимостью готовить к выходу в свет очередные номера журнала. Вместе с тем определенную практическую помощь нуждающимся может оказать публикация члена редакционной коллегии журнала — начальника Архивной службы Вооруженных сил РФ полковника С.А. Ильенкова «О порядке ведения справочной работы по личному составу» в № 10 «Военно-исторического журнала» за 2005 год (с. 58—61). Возможно, и в случае, о котором Вы, уважаемый Юрий Владимирович, пишете, следует воспользоваться изложенными в той публикации рекомендациями. Кроме того, с Вашим письмом мы познакомим нашего автора капитана запаса В.В. Степанова, а также члена редакционной коллегии журнала — начальника Военно-мемориального центра ВС РФ генерал-майора А.В. Кирилина.

Уважаемая редакция!

Всегда с интересом читаю «Молодежный военно-исторический журнал». Мне больше всего понравились статьи о летчиках, совершивших тараны во время Великой Отечественной войны.

И еще об одном. На обложках журнала вы помещаете иллюстрации с изображением формы одежды различных родов войск русской армии. Мой прадед — Сахно Александр Никитович в 1915—1917 гг. служил в Павловске в его величества железнодорожном полку. Хотелось бы узнать историю этого полка, увидеть, как выглядела форма служивших в нем солдат и офицеров.

С уважением,

А.С. ГАМАГИН,
ученик 10 класса школы № 7
(г. Морозовск Ростовской обл.)

ФЛОТ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В КАМПАНИИ 1915 ГОДА:

В кампанию 1915 года флот Балтийского моря вступил в обстановке, которая по сравнению с началом войны существенно изменилась в лучшую сторону. Вопреки ожиданию российского верховного командования и военно-морского руководства германцы так и не обнаружили намерения с боем прорываться в Финский залив и рисковать Флотом открытого моря, имея в тылу господствующий в Северном море британский Гранд Флит. В свою очередь российский Балтфлот, опираясь на центральную минно-артиллерийскую позицию, выдвинул районы базирования части сил на запад — в Моонзунд и Або-Аландский район, расширив свою операционную зону.

НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

1-я бригада линейных кораблей Балтийского моря
На переднем плане — линкор «Гангут»

ПОТЕРИ, понесенные противниками в предыдущей кампании, были велики и не изменили сколь-нибудь значительно соотношения сил. Куда существеннее на него влияло пополнение русского флота новыми кораблями: в дополнение к четырем дредноутам типа «Севастополь», вступившим в строй к исходу кампании 1914 года и составившим 2-ю бригаду линейных кораблей (в апреле 1915 г. переименована в 1-ю) под командованием контр-адмирала А.С. Максимова (с декабря — контр-адмирала М.К. Бахирева), в течение кампании 1915 года вступили в строй два новых эсминца («Победитель» и «Забияка»¹), а также три большие подводные лодки («Барс», «Вепрь» и «Гепард»), образовавшие новый 1-й дивизион подводной дивизии под командованием капитана 2 ранга В.Ф. Дудкина². К английским подводным лодкам «Е1» и «Е9», прорвавшимся в Балтийское море и поступившим в оперативное подчинение командованию Балтфлота в октябре 1914 года, присоединились в 1915 году «Е8» (в

августе), «Е18» и «Е19» (в сентябре)³.

Претерпел изменения и боевой состав флота — были сформированы два оперативных объединения (в терминах того времени — «высших соединений»): к началу кампании в соответствии с новым боевым расписанием Балтийского флота была учреждена минная оборона, а в июле — эскадра. В состав эскадры (вице-адмирал Л.Б. Кербер) вошли 1-я и 2-я бригады линейных кораблей и обе бригады крейсеров. Минная оборона (вице-адмирал В.А. Канин, с июля — контр-адмирал А.С. Максимов) состояла из минной дивизии (сформирована из прежних 1-й и 2-й минных дивизий), развернутой из бригады дивизии подводных лодок, отряда минных заградителей и созданной в июне дивизии траления⁴.

Германские морские силы Балтийского моря, несмотря на пополнение устаревшими броненосными крейсерами «Роон» и «Принц Генрих», полуфлотилией эскадренных миноносцев и большой подводной лодкой⁵, уступали русскому флоту. Соотношение сил не-

сколько изменилось в пользу немцев в июле, с переводом на Балтику 4-й эскадры линкоров-додредноутов вице-адмирала Шмидта (пять кораблей типа «Виттельсбах» и два типа «Брауншвейг») и 8-й флотилии эскадренных миноносцев фрегаттен-капитана Хундертмарка (11 единиц)⁶. Кроме того, при необходимости корабельная группировка гросс-адмирала принца Генриха Прусского могла быть многократно усилена соединениями Флота открытого моря путем межтеатрового маневра через Кильский канал. Напомним, что после завершения незадолго до начала войны модернизации канала он стал доступен для кораблей всех классов и типов, при этом две эскадры линейных кораблей (16 вымпелов) могли быть переведены за семь часов⁷.

В кампании 1915 года такие перегруппировки сил неоднократно имели место на практике. Так, во второй половине марта для проведения первой же активной акции у побережья Курляндии — поддержки контрнаступления германских войск на Мемель и бомбардировки

Полагена — на Балтику были переведены 2-я эскадра линейных кораблей контр-адмирала Функе (восемь линкоров-додредноутов), 2-я разведывательная группа контр-адмирала Геббингауза (четыре новых малых крейсера) и малый крейсер «Росток» с 3-й и 9-й флотилиями миноносцев под командованием коммодора Гартога⁸. Для содействия войскам, наступающим на Либаву, в первые числа мая в оперативное подчинение принцу Генриху были переданы 7-я дивизия линейных кораблей под командованием вице-адмирала Шмидта (четыре старых линкора) и 4-я «разведывательная группа» (четыре малых крейсера) с двумя флотилиями миноносцев под командованием контр-адмирала Шейдта⁹.

Оценка германским военноморским руководством обстановки на Балтийском театре, оперативных задач и способов их решения отражены в памятной записке главнокомандующего морскими силами Балтийского моря от 25 марта 1915 года¹⁰. Из содержания документа видно, что достижение своей цели — «мешать намерениям русских вести наступательные действия» — противник по-прежнему предполагал обеспечить решением «малых задач активного характера». Однако в отличие от предыдущей кампании, немецкое командование более трезво оценивало свои возможности и расписалось в неспособности «помешать выходам неприятельских подводных лодок и минных заградителей из Финского залива для активных операций». Поэтому главную задачу своих морских сил на Балтике германское на-

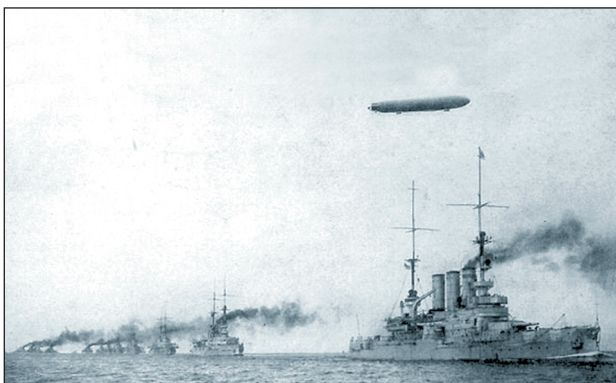
чальство видело в «наблюдении за русскими водами и терпеливом ожидании благоприятных условий для нападения на неприятельские силы»¹¹. Наступательные действия представлялись принцу Генриху и его штабу в форме минных постановок в районах базирования и на маршрутах развертывания Балтфлота и, что особенно интересно, в форме боевых действий подводных лодок в районах боевой подготовки новых русских линейных кораблей в глубине Финского залива — между Ревелем, Гельсингфорсом и Кронштадтом. Появление последнего тезиса, очевидно, было обусловлено сенсационными успехами подводных лодок в первые месяцы Великой войны, в том числе потоплением крейсера «Паллада» германской лодкой «U26» 11 октября 1914 года, и совершенной неподготовленностью всех воевавших флотов к эффективному противодействию качественно новой угрозе. Недостоверная информация о базировании союзных подводных лодок на Либаву заставила гросс-адмирала поставить вопрос о необходимости бомбардировки этого порта и даже высадки тактического десанта (от двух батальонов до бригады с усилением) для «основательного разрушения» базы, однако эта идея не нашла понимания ни в адмирал-штабе, ни у кайзера. Прошлогодние успехи активных минно-заградительных действий русских повлекли за собой постановку противником задачи организации противоминной обороны в своих прибрежных водах. Заметим, что в записке вовсе не упомина-

но содействие сухопутным войскам, что выглядит весьма странным в контексте стратегических планов германской главной квартиры, которые предусматривали переход к стратегической обороне на западе и ведение решительных наступательных действий на русском фронте. «Два маятника качались не в такт», — уместно заметил И.С. Исаков, характеризуя степень согласованности замыслов флотского командования и высшего армейского руководства Германии¹².

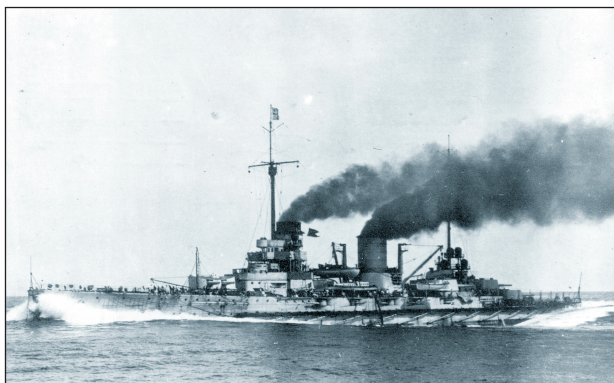
Справедливости ради отметим, что к началу кампании 1915 года в германском военноморском руководстве сложилась весьма влиятельная партия сторонников переноса центра тяжести усилий флота из Северного моря в Балтийское: «Принимая во внимание всевозрастающее усиление русского флота, считали, что самые сильные германские эскадры уже весной следовало перевести в Балтику, чтобы сохранить там владение морем; считалось также, что решения или хотя бы серьезного боя в Северном море следовало избегать, так как боевая мощь германского флота будет настолько ослаблена в бою, что вторжению англичан в Балтийское море тогда нельзя уже будет оказать серьезного сопротивления»¹³.

Однако — и это подтверждают результаты новейших германских исследований¹⁴ — военное руководство Германии полагало, что в обозримом будущем армии рейха принудят Россию к заключению мира и без крупномасштабного участия флота, которому не следовало отвлекаться от борьбы

4-я эскадра германского Флота открытого моря

Германский линейный крейсер «Мольтке»

с британскими военно-морскими силами. Так, в ноябре 1914 года гросс-адмирал А. фон Тирпиц¹⁵ писал начальнику генерального штаба генералу Э. фон Фалькенгайну, что «войну на два фронта Германии не выиграть, и необходимо сосредоточить все силы против Англии»¹⁶.

Впоследствии О. Гроос называет «наиболее опасным заблуждением» уверенность германской главной квартиры в том, что «в период... стремительного штурма на Востоке можно обойтись без наступательного вмешательства флота»¹⁷. Кстати, пренебрежение координацией усилий видов вооруженных сил укоренилось в среде германского военного истеблишмента задолго до начала Великой войны. Еще в 1911 году на совместном заседании «сухопутных» и «морских» генштабистов начальник генерального штаба Х. фон Мольтке заявил, что «считает за лучшее, если флот и армия будут оперировать независимо друг от друга в соответствии с их свойствами»¹⁸.

Вместе с тем отметим, что неприятельское командование в целом верно прогнозировало намерения русского флота на кампанию 1915 года. Принц Генрих справедливо полагал, что русские продолжат, причем «в увеличенном масштабе», минно-заградительные действия и развернут действия подводных лодок на германских морских сообщениях. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что в записке принца Генриха отсутствует в прямой постановке задача обороны коммуникаций. Что же касается перспектив активизации основных сил

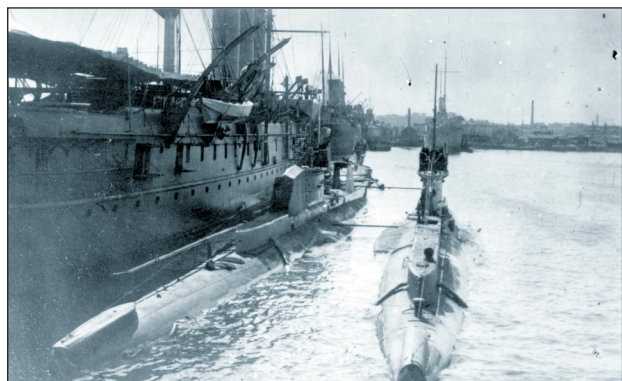
русского Балтфлота, то гросс-адмирал оценивал их весьма скептически и полагал возможными лишь в «стратегической связи с намерениями англичан». Последние же виделись Генриху Прусскому в виде прорыва британских легких крейсеров через Датские проливы, который, однако, был сколь-нибудь вероятен только после «крупного сражения» между английским и германским линейными флотами в Северном море¹⁹.

Со своей стороны российская Ставка главную задачу Балтийского флота оставила без изменений: исключить прорыв германских морских сил в восточную часть Финского залива, т.е. обеспечить безопасность морских подступов к столице. Ядро линейных сил по-прежнему предписывалось беречь для сражения на центральной минно-артиллерийской позиции, за пределами которой разрешалось применять только крейсера, эскадренные миносцы, подводные лодки и минные заградители с прикрытием в виде полубригады старых линейных кораблей. Одновременно флоту предписывалось удерживать в своих руках Моонзунд, не допускать проникновения неприятельских морских сил в Рижский залив и по мере формирования Або-Аландской позиции мешать действиям противника в Ботническом заливе²⁰.

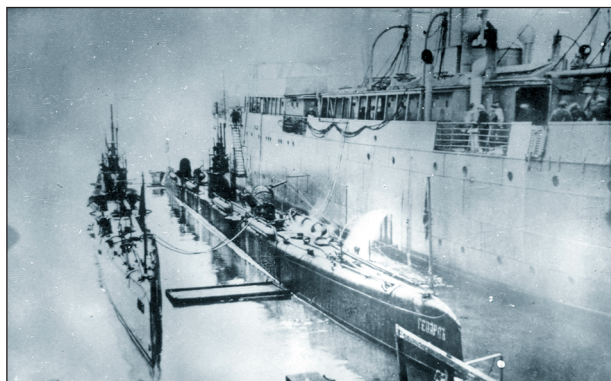
Нетрудно заметить, что у русских, как и у германцев, оперативный план Балтийского флота не был согласован с намерениями высшего сухопутного командования. Весьма характерный факт: в записке генерал-квартирмейстера

Штаба Верховного Главнокомандующего (ВГК) генерала от инфантерии Ю.Н. Данилова «По вопросу о нашем стратегическом положении и дальнейших задачах на Западном фронте» от 16—18 января, положения которой легли в основу стратегического замысла ставки на кампанию 1915 года, задачи военно-морских сил не были сформулированы²¹. Видимо, поэтому план кампании выработывался без участия военно-морского командования, что, строго говоря, противоречило духу и букве «Положения о полевом управлении войск в военное время» 1914 года даже при всех недоработках «флотских» статей этого документа²². Достаточно сказать, что в совещании, состоявшемся 17 января 1915 года в штабе Северо-Западного фронта для определения целей и задач действий войск, представители флота участия не принимали²³, хотя решение главной задачи — овладение Восточной Пруссией — предполагало перенос центра тяжести борьбы именно на приморское крыло фронта. Верховное и фронтовое командование продолжало смотреть на Балтийский флот лишь как на вспомогательное средство обороны побережья Финского залива и столицы, хотя в сложившейся оперативной обстановке флот мог содействовать сухопутным войскам в наступательных операциях — например, демонстративными действиями сковывать резервы неприятеля и отвлекать его силы с главного направления. Таковые демонстрации, безусловно, были выполнимы только при условии эффективного разведывательного обеспече-

Английские подводные лодки типа «Е» у борта плавбазы «Двина» в Ревеле

Подводные лодки «Барс» и «Гепард»

ния сил. Однако убедительные успехи, достигнутые вторым (радиотелеграфным) флагманским минным офицером штаба командующего флотом старшим лейтенантом И.И. Ренгартеном, начальником службы связи контр-адмиралом А.И. Непениным и их подчиненными, обеспечивали своевременное обнаружение противника, а в некоторых случаях и выявление его замысла²⁴. Очевидно, что результативная деятельность органов радиоразведки в известной мере гарантировала действующие в южной Балтике корабельные силы от соприкосновения с превосходящим неприятелем — соединениями Флота открытого моря.

Вице-адмирал В.А. Канин, вступивший в должность командующего флотом после смерти Н.О. фон Эссена в мае 1915 года, начал свою деятельность на новом посту с представления в Ставку через главноком 6-й армии ходатайства о разрешении использовать вне акватории Финского залива новые линейные корабли или хотя бы головной «Севастополь» в единственном числе. В.А. Канин напоминал, что в связи с вступлением в строй бригады русских дредноутов немцы перевели на Балтику эскадру линейных кораблей, что требовало более основательного оперативного обеспечения минно-заградительных действий Балтфлота. Кроме того, как докладывал командующий, «это необходимо для поддержания духа в личном составе, которому в огромной массе могут быть непонятны те мотивы, которые обрекают наши лучшие и сильнейшие корабли на оперативное бездействие»²⁵. Озабоченность многоопытного адмирала морально-психологическим состоянием вверенного ему личного состава имела под собой все основания: менее чем через полгода прозвонит первый тревожный звонок — коллективное неповиновение матросов крейсера «Россия» в сентябре, линкора «Гангут» и крейсера «Рюрик» в октябре 1915 года²⁶. «Это — результат нашей бездеятельности... Вот где бедствие настоящее...», — записал в своем дневнике по поводу событий на «Гангуте» И.И. Ренгартен²⁷, активно ратовавший за повышение опе-

ративной активности Балтфлота. Кстати, подобные идеи имели широкое хождение в офицерской среде. Вот, например, что писал в одном из частных писем флаг-капитан по оперативной части штаба флота капитан 1 ранга А.В. Колчак: «Наступательной тенденции нет ни у кого, все помыслы направлены на “сохранение кораблей”, нельзя, изволите ли видеть, рисковать ими... Флот находится в маразме, нужно немедленно извне заставить его начать действовать»²⁸.

Однако штаб главверха оставался при своей точке зрения о недопустимости риска новыми линкорами, неизменно подтверждая требование не отвлекать основные силы флота от обороны морских подступов к столице. Поэтому в очередной директиве командующему Балтийский флотом от 24 мая 1915 года главнокомандующий 6-й армией еще раз указал на «обеспечение» Финского залива как на главную задачу флота²⁹. Впрочем, для оперативного прикрытия легких сил, действующих в средней и южной Балтике, допускалось использовать линкоры 2-й бригады, но и их следовало предохранять от малейшего риска. Таким образом, командующий по-прежнему вынужден был вести борьбу, еще более обострившуюся в связи с наступлением противника в Курляндии, не вводя в дело главные силы. «Канин хочет вывести в море “Севастополь”, но при нашей мизерной защите подводными* это опасно», — писал начальник Штаба ВГК Н.Н. Янушкевич во-

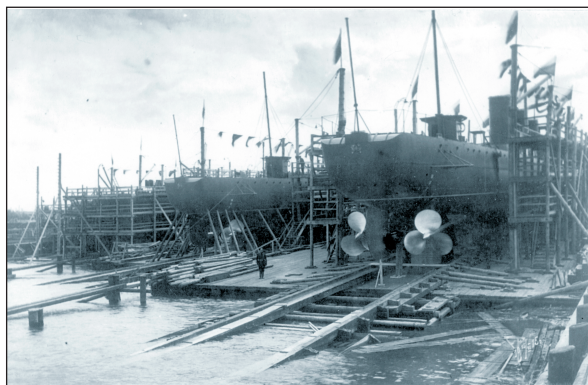
енному министру В.А. Сухомлинову 5 июня 1915 года³⁰.

Успех русских в бою у Готланда 2 июля³¹ — весьма масштабное по меркам Балтийского театра событие — стал своеобразным рубежом в борьбе на Балтике в кампании 1915 года и имел серьезные последствия. Наиболее важным из них стало начало серии активных операций и боевых действий германских морских сил с целью овладения Рижским заливом. Причем эти действия, оперативная и тем более стратегическая целесообразность которых выглядит весьма сомнительной, были предприняты в значительной мере для «восстановления авторитета» и «исправления положения» на Балтике.

Июльские события дали командующему Балтфлотом повод для того, чтобы снова поднять вопрос об использовании новых линкоров вне Финского залива. Состоявшееся по этому поводу совещание под председательством главверха было, по свидетельству Д.В. Ненюкова (в то время — начальника военноморского управления штаба ВГК), продолжительным и бурным: «Генерал Данилов доказывал, что если флот, при существующей обстановке, одержит даже блистательную победу, то это не изменит общего стратегического положения, и наоборот, в случае его поражения армии придется выделить из своего состава два или три корпуса для защиты подступов к столице, что может иметь катастрофические последствия для фронта»³². В результате великий князь Николай Николаевич принял компромиссное решение, отдав командующему флотом в полное распоряжение один дредноут³³.

* Так в документе. Следует, по-видимому, читать «защите от подводных лодок».

Эсминцы типа «Орфей» на стапеле Усть-Ижорской верфи Металлического завода

В.А. Канин

Состоявшееся в августе 1915 года переподчинение флота Балтийского моря главнокомандующему армиями образованного Северного фронта генералу от инфантерии Н.В. Рузскому практически не отразилось на перечне и содержании задач Балтийского флота. Директивой Н.В. Рузского от 21 августа главной задачей флоту по-прежнему определялось «недопущение противника к востоку от главной морской позиции». Предписывалось, кроме того, прочно удерживать Моонзундский и Або-Аландский районы, а также «всеми мерами затруднить» действия неприятеля, в первую очередь десантные, в Рижском заливе. «Активные операции» не возбранялись, однако они не должны были идти «в ущерб главной задаче». По существу, единственным новшеством в директиве стало разрешение «пользоваться двумя кораблями 1-й бригады линейных кораблей, не испрашивая на то всякий раз высочайшего разрешения»³⁴.

Однако дозволение командующему Балтфлотом выводить в море полубригаду дредноутов не успело повлиять на ход и исход развернувшегося в августе сражения за Рижский залив, ставшего центральным событием балтийской кампании 1915 года.

Сосредоточив под командованием вице-адмирала Э. Шмидта оперативную корабельную группировку численностью в половину своего флота, немцы, хотя и со второй попытки, 19 августа прорвали минную позицию в Ирбенском проливе, обороняемую морскими силами Рижского залива во главе с командующим подбред-вымпелом минной ди-

визией капитаном 1 ранга П.Л. Трухачевым³⁵. Однако понесенные потери, которые германское командование оценило как «весьма чувствительные»³⁶, а также минная угроза и наличие в тылу «сил прорыва» и в самом заливе подводных лодок заставили неприятеля уже через двое суток ретироваться из Рижского залива. Цель операции — завоевание и удержание господства в заливе для содействия войскам приморского фланга Неманской армии генерала О. фон Белова — достигнута не была. Причем причину провала Ирбенской операции германского флота следует, по нашему мнению, искать не столько в способности российских морских сил отразить вторжение неприятеля в Рижский залив, сколько в откровенно слабом, а иногда просто абсурдном оперативном замысле противника, на который наложился целый ряд весьма сомнительных тактических решений³⁷.

Есть все основания полагать, что августовские события лишили командование Балтфлота иллюзий относительно готовности великобританского флота в нужный момент оказать помощь русским союзникам активными действиями в Северном море. Коль скоро немцы, не опасаясь превосходящих сил англичан, могли сосредоточить в Балтийском море на оперативно значимый промежуток времени половину своего флота, русскому командованию приходилось считаться с возможностью действий противника не только в Рижском, но и Финском заливе. А ведь именно надежная оборона последнего на протяжении всей Первой мировой войны оставалась главной задачей Балтийского флота. По нашему мнению, именно в уроках августа 1915 года кроется причина того, что адмирал В.А. Канин вынужден был сосредоточить все свои усилия на расширении и совершенствовании системы позиционной обороны, за что в скором времени приобрел репутацию «пассивного» и «нерешительного» начальника и, в конечном счете, лишился должности в сентябре 1916 года³⁸.

К осени 1915 года стратегическая обстановка на русском

фронте вообще и на Балтийском морском театре в частности существенно изменилась. Русские армии, избежав решительного разгрома, завершили «великое отступление» и остановили германско-австрийские войска. Фиаско в Рижском заливе заставило германское командование пересмотреть план кампании на Балтике: отказавшись от активных действий в средней и северной частях театра, неприятель перешел к обороне и ограничил свою операционную зону рубежами корабельных дозоров, выставленных на линиях о. Эланд — Хоборг и Эстергарн — Люзерорт. Со своей стороны российское командование, воспользовавшись ликвидацией угрозы Ирбенскому проливу и возвращением превосходящих сил противника в Северное море, а также пополнением Балтфлота новыми боевыми кораблями, приступило к действиям по нарушению морских сообщений противника. К решению этой задачи были привлечены подводные лодки, которые вели боевые действия на коммуникациях неприятеля, и тактические группы надводных кораблей, осуществлявшие активные минные постановки и эпизодические набеговые действия.

Результатом действий на германских коммуникациях стало уничтожение или захват 29 грузовых судов суммарной грузоподъемностью около 53 тыс. брт. Как видно из диаграммы (схема), наибольших успехов добились подводные лодки, главным образом английские. Вместе с тем, оценивая результаты боевой работы Балтфлота на морских сообщениях противника, следует иметь в виду, что в 1915 году из Швеции в германские порты было доставлено около 6,8 млн тонн железной руды³⁹. Таким образом, урон, нанесенный перевозкам жизненно важного для Германии стратегического сырья, не составил и процента от их объема. Поэтому тезис о влиянии результатов боевой работы Балтфлота на «самую способность» неприятеля вести войну, имеющий широкое хождение в отечественной и зарубежной литературе⁴⁰, содержит, как нам кажется, некоторое преувеличение. Очевидно, что в кампа-

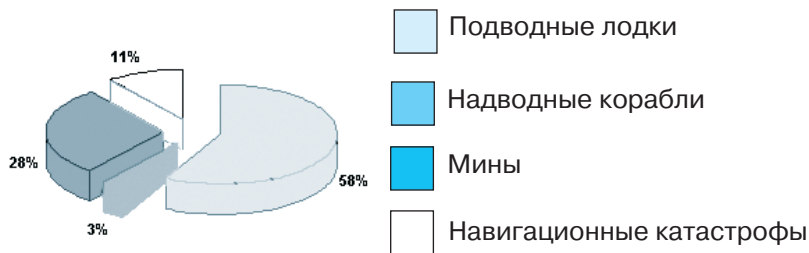

Схема. Причины потерь германского грузового тоннажа на Балтийском море в кампанию 1915 года.

Составлено по: *Томашевич А.В.* Подводные лодки в операциях русского флота на Балтийском море в 1914–1915 гг. М.: Л. Военмориздат, 1939. С 261–269; *Шишов А.* Потери военно-морских сил Германии в I Мировой войне 1914–1918: Справочник. СПб. 1996; *Стрельбицкий К.Б.* Боевой счет русских подводников (1914–1917)// Отечественная история. Подводник России. Вып.1 (2002). С. 78–93.

нии 1915 года Балтийскому флоту с оперативно подчиненной флотилией английских подводных лодок не удалось прервать ни одну из коммуникационных линий противника (транспортировка руды из Швеции и воинские перевозки в юго-восточной части моря) на оперативно и тем более стратегически значимый промежуток времени, хотя германскому судоходству был, бесспорно, нанесен некоторый ущерб. О последнем свидетельствует, в частности, сообщение российского посланника в Норвегии С. Арсеньева в МИД от 15 ноября 1915 года: «Вследствие успешных действий английских подводных лодок в Балтийском море два норвежских пароходных общества прекратили рейсы в германские порты и распродают свои пароходы»⁴¹. Э. Людендорф (в 1915 г. — начальник штаба главного командования на Востоке), характеризуя обстановку на Балтике во время наступления Неманской армии в июле—августе, вынужден был признать: «Использовать порт Либавы для снабжения войск можно было лишь с большой осторожностью. Русские военные корабли и английские подводные лодки господствовали в восточной части Балтийского моря»⁴².

Попутно с «истреблением» неприятельского судоходства подводные лодки вели боевые действия против военно-морских сил противника, зачастую добиваясь результатов оперативного масштаба — например, длительного ограничения в использовании противником тяжелых кораблей. А торпедирование германского линей-

ного крейсера «Мольтке» (капитан цур зее М. фон Левецов) английской лодкой «Е1» (командер Н. Лоуренс) 19 августа 1915 года⁴³ стало одним из факторов, ускоривших отступление корабельной группировки вице-адмирала Э. Шмидта из Финского залива.

Новой задачей Балтфлота стало содействие 12-й армии, оборонявшейся в районе устья Западной Двины. Корабли морских сил Рижского залива оказывали эффективную артиллерийскую поддержку сухопутным войскам⁴⁴, а 22 октября под руководством временно командующего минной дивизией капитана 1 ранга А.В. Колчака успешно высадили у мыса Домеснес демонстративный тактический десант численностью 490 человек под командованием капитана 2 ранга П.О. Шишко «с целью вызвать тревогу в тылу Рижского отряда противника»⁴⁵.

Таким образом, стратегическая роль действий флота Балтийского моря в кампанию 1915 года существенно возросла, причину чего следует искать именно в «переносе центра тяжести борьбы на Восточный фронт»⁴⁶. Противник, который впервые активно использовал на Балтике основные силы своего флота, не добился решительного успеха и, более того, в ходе кампании понес ощутимые потери⁴⁷. Российский же флот сделал важный шаг к отходу от сугубо оборонительной идеологии, заложенной в предвоенные планы войны на Балтике, и расширил круг решаемых оперативных задач, ряд которых носил активный, наступательный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Моисеев С.П.* Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М.: Воениздат, 1948. С. 142, 150.

² *Грибовский В.Ю.* Балтийский флот в Первой мировой войне, 1914–1917 гг. СПб.: Санкт-Петербургский военно-морской институт, 2000. С. 35.

³ *Wilson M.* Baltic Assignment. British Submariners in Russia: 1914–1919. London: Leo Cooper in association with Secker & Warburg, 1985. P. 80–97.

⁴ Инициатором формирования минной обороны являлся адмирал Н.О. фон Эссен. Этой мерой командующий флотом предполагал «упорядочить организацию высшего командования» и сократить число подчиненных непосредственно комфлоту «отдельных плавающих начальников», каковых в начале войны оказалось более двенадцати. Эскадра была сформирована по ходатайству вице-адмирала В.А. Канина, изложенного в рапорте на имя главнокомандующего от 18 июня 1915 г. № 76/1 (см.: *Малевицкая М.Е.* История Балтийского флота в документах Российского государственного архива ВМФ // Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 4. Калининград: Янтарный сказ, 2001. С. 265). Важной причиной создания эскадры стало и обстоятельство субъективного характера — необходимость предоставить самостоятельную должность начальнику штаба флота вице-адмиралу Л.Б. Керберу, который после смерти Н.О. фон Эссена считался естественным и наиболее подготовленным кандидатом на пост комфлота, но в силу ряда причин был обойден В.А. Каниным. Эксперимент с созданием минной обороны и эскадры оказался неудачным: уже опыт кампании 1915 г. показал нежизненность этих искусственно созданных громоздких структур. В декабре 1915 г. управленческие эскадры были упразднены вовсе, а в марте 1916 г. из минной обороны вывели минную дивизию и дивизию подводных лодок, вновь подчинив их непосредственно командующему флотом.

⁵ *Ролльман Г.* Война на Балтийском море. 1915 год / Пер. с нем. М.: Госвоениздат, 1937. С. 62, 63.

⁶ Там же. С. 274–279.

⁷ *Озаровский Н.Ю.* Германские потери на море от действий русского флота в 1914–1917 гг. // Морской сборник. 1941. № 6–7. С. 75.

⁸ *Ролльман Г.* Указ. соч. С. 35–54.

⁹ *Bastian M.* Der Ostseekrieg // Der Grosse Krieg 1914–1918, in zehn Bänden. Vierten Band: Der Seekrieg. Der Krieg um die Kolonien. Die Kämpfhandlungen in der Türkei. Der Gaskrieg. Der Luftkrieg. Leipzig: Auslieferung für den Buchhandel durch Johann Ambrosius Barth, 1922. S. 160.

¹⁰ Все даты приведены по новому стилю.

¹¹ *Ролльман Г.* Указ. соч. С. 57, 58.

¹² *Исаков И.С.* Военно-Морской Флот СССР в Великой Отечественной войне // Избранные труды. Океанология, география и военная история. М.: Наука, 1984. С. 204.

¹³ *Гроос О.* Учение о морской войне в свете опыта мировой войны / Пер. с нем. М.-Л.: Госиздат, 1930. С. 224.

¹⁴ *Volkman H.-E.* Der Ostkrieg 1914/1915 als Erlebnis und Erfahrungswelt der deutschen Militärs // Die vergessene Front. Der Osten 1914/15/ Ereignis, Wirkung, Nachwirkung. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2006. S. 263—293.

¹⁵ Статс-секретарь имперского морского управления принадлежал к влиятельной группе сторонников сепаратного мира с Россией, полагающая целесообразным «ценою значительных уступок заключить любое соглашение, которое действительно развязало бы нам руки против другой стороны (Великобритании. — Д.К.)». См. подробнее: *Новикова И.Н.* Германия стремилась к сепаратному миру с Россией. 1914—1916 гг. // Воен.-истор. журнал. 2007. № 1. С. 16, 17.

¹⁶ *Volkman H.-E.* Op. cit. S. 283.

¹⁷ *Гроос О.* Указ. соч. С. 136.

¹⁸ Цит. по: *Земсков В.* Характерные стратегические черты мировых войн // Военная мысль. 1974. № 9. С. 30.

¹⁹ *Ролльман Г.* Указ. соч. С. 57.

²⁰ Флот в первой мировой войне / Под ред. Н.Б. Павловича. Т. 1. Действия русского флота. М.: Воениздат, 1964. С. 156.

²¹ *Бонч-Бруевич М.* Потеря нами Галиции в 1915 г. Часть I. Через Карпаты в Венгрию зимою 1915 года. М., 1921. С. 21—27.

²² См. подробнее: *Козлов Д.Ю.* «...Центр тяжести оперативной работы должен непременно лежать в Морском штабе Его Величества...» Военно-морское управление при Верховном главнокомандующем и Морской штаб Ставки в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.) // Воен.-истор. журнал. 2005. № 12. С. 35—40.

²³ В совещании приняли участие генерал-квартирмейстер Штаба Верховного главнокомандующего Ю.Н. Данилов, главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта Н.В. Рузский, его начальник штаба В.А. Орановский и генерал-квартирмейстер М.Д. Бонч-Бруевич. См. подробнее: *Ростунов И.И.* Русский фронт первой мировой войны. М.: Наука, 1976. С. 200—204.

²⁴ См. подробнее: *Партала М.А., Симонов Д.Н.* Радиоразведка Русского императорского флота на Балтийском море: история создания // Защита информации. 2005. № 1. С. 90—96.

²⁵ Цит. по: *Петров М.А.* Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота в связи с эволюцией военно-морского искусства. Л.: РИО В.-Морских Сил РККА, 1927. С. 508.

²⁶ См. подробнее: Государственный архив Российской Федерации. Ф. р. 6666. Оп. 1. Д. 18. Л. 13 об.—14 об.; *Цветков И.Ф.* Линкор «Октябрьская революция». Л.: Судостроение, 1983. С. 141—154; *Познахирев В.* В преддверии революционных бурь // Морской сборник. 1990. № 11. С. 75—78.

²⁷ Цит. по: *Найда С.Ф.* Революционное движение в царском флоте. 1885—1917. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 517.

²⁸ А.В. Колчак — В.М. Альтфатеру, 23 октября (5 ноября) 1914 г. // Источник. 1997. № 5. С. 11.

²⁹ *Томашевич А.В.* Подводные лодки в операциях русского флота на Балтийском море в 1914—1915 гг. М.-Л.: Военно-морское издательство НК РКВМФ СССР, 1939. С. 102.

³⁰ Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 66.

³¹ 2 июля 1915 года у о. Готланд 1-я бригада крейсеров контр-адмирала М.К. Бахирева («Адмирал Макаров», «Баян», «Олег» и «Богатырь»), наведенная на противника по данным радиоразведки, нанесла поражение германскому отряду командора И. Карфа (малый крейсер «Аугсбург», минный заградитель «Альбатрос» и три миноносца), вынудив выбраться на берег неприятельский заградитель. В тот же день в южной части моря, у Нойфарвассера, броненосный крейсер «Принц Адальберт» под флагом командующего «разведывательными силами» контр-адмирала А. фон Гопмана был торпедирован британской подводной лодкой «Е9» (командер М. Хортон) и получил тяжелые повреждения. См.: Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 716. Оп. 1. Д. 14. Л. 115—118; *Лемиевский П.В.* Боевые действия на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб.: Петербургский институт печати, 2005. С. 50, 53; *Петров М.А.* Два боя Черноморского флота с л.кр. «Тевен» 5-IX-1914 и крейсеров Балтийского флота у о. Готланд 19-VI-1915. Л.: Редакт.-Изд. Отдел М. Сил РККФ, 1926; *Грибовский В.Ю.* Бой у Готланда 19 июня 1915 года // Гангут. Вып. 11 (1996). С. 35—55; *Wilson M.* Op. cit. P. 70—72.

³² *Ненюков Д.В.* Письмо в Редакцию по поводу статьи кап. 1 р. Меркушева «Отвергнутый план» // Зарубежный морской сборник (Пильзень). 1929. № 6 (июль—август). С. 29, 30.

³³ *Петров М.* Морская оборона берегов в опыте последних войн России. М.: Госвоениздат, 1927. С. 133, 134.

³⁴ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 60. Л. 26, 26 об.

³⁵ Морские силы Рижского залива — временное разнородное формирование Балтийского флота, состоявшее из минной дивизии (до 36 эсминцев), канонерских лодок «Храбрый», «Грозный», «Сивуч» и «Кореец», минного заградителя «Амур», двух дивизионов старых подводных лодок с плавбазой «Хабаровск» и нескольких вспомогательных судов. Начальнику морских сил Рижского залива оперативно подчинились базировавшиеся на остров Эзель подразделения морской авиации (к концу 1915 года под командованием начальника авиационного отдела службы связи Балтийского моря капитана 2 ранга Б.П. Дудорова здесь были сосредоточены 12 самолетов 2-й авиационной станции и, кроме того, базировавшийся на гидроавиатранспорт «Орлицу» 1-й авиационный судовой отряд в составе четырех гидропланов). В последних числах июля в распоряжение П.Л. Трухачева поступил переведенный в Рижский залив линейный корабль «Слава».

³⁶ Германский флот потерял эсминцы «V99» и «S31», тральщики «Т46», «Т52» и «Т58» и прорыватель заграждений «Аахен». Кроме того, линейные крейсера «Мольтке» и «Фон дер Танн», малые крейсера «Тегис» и «Аугсбург», миноносцы «V144» и «V183», тральщик «Т77» получили повреждения различной тяжести. По официальным немецким данным, убитыми и ранеными германский флот потерял 65 человек. Русские потеряли канонерские лодки «Сивуч» и «Кореец»; сколь-нибудь серьезно пострадали линкор «Слава», эсминцы «Сибирский стрелок», «Войсковой» и «Амурец». Людские боевые потери морских сил Рижского залива составили приблизительно полтора человека убитыми, ранеными и пленными. Кроме того, в руки немцев попал русский гидросамолет (еще один был выведен из строя), были потоплены несколько малотоннажных грузовых судов и нанесен ущерб береговым объектам, подвергшимся неприятельскому обстрелу.

³⁷ См. подробнее: *Козлов Д.Ю.* Ирбенская операция германского флота в августе 1915 года // Воен.-истор. журнал. 2005. № 8. С. 54—59; № 9. С. 42—46.

³⁸ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 92. Л. 102—104 об.; *Петров М.* Кризис морского командования в 1916 г. // Морской сборник. 1926. № 8—9. С. 3—19.

³⁹ *Guichard L.* The Naval Blockade 1914—1918. London: Philip Allan & Co., Ltd. 1930. P. 275.

⁴⁰ См. например: *Ролльман Г.* Указ. соч. С. 8 (предисловие В. Алёкина); *Паркер Дж.* Безмолвная служба / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», СПб.: Terra Fantastica, 2004. С. 59; *Dobson Ch., Miller J.* The Day They Almost Bombed Moscow. The Allied War in Russia 1918—1920. New York: Athenium, 1986. P. 102.

⁴¹ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 134. Оп. 473. Д. 99. Л. 35.

⁴² *Людendorff Э.* Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полководца. 1914—1918. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2007. С. 80.

⁴³ *Staff G.* German Battlecruisers 1914—1918. Osprey Publishing Ltd, 2006. P. 15, 16.

⁴⁴ *Вьюненко Н.П.* Тенденции развития взаимодействия сил флота с сухопутными войсками // Военная мысль. 1973. № 3. С. 32—41; *Гончар Н.Ф.* Огневая поддержка сухопутных войск с моря // Военная мысль. 1977. № 6. С. 25—35.

⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 14. Л. 136—137 об.

⁴⁶ *Строков А.А.* История военного искусства. Капиталистическое общество периода империализма (до конца первой мировой войны 1914—1918 гг.). М.: Воениздат, 1967. С. 409.

⁴⁷ Сведения о потерях русского и германского флотов на Балтике в 1915 году приведены в приложениях к указанным выше сочинениям Г. Ролльмана и А.В. Томашевича.

**Капитан 1 ранга
Д.Ю. КОЗЛОВ**

ПОЛЬСКАЯ ПРОТИВ КРАСНОЙ РАЗВЕДКА ПРОТИВ АРМИИ.

1920–1930-Е ГОДЫ

Анализ архивных документов и опубликованных материалов позволяет сделать вывод: главным вероятным противником после окончания Гражданской войны и вплоть до начала 1935 года для чекистов и военных являлась Польша, за которой стояли капиталистические «титаны» — Франция и Англия¹. Как известно, только в июле 1932 года в Москве удалось подписать польско-советский договор о ненападении². А до этого времени «синдром войны 1920 года» довлел над взаимоотношениями двух соседних государств.

Характерны в этом отношении оценки ситуации, которые давал в середине 1920-х годов председатель ОГПУ Ф.Э. Дзержинский. В связи с подготовкой обсуждения в Политбюро ЦК РКП(б) вопроса о международных отношениях он писал своему заместителю В.Р. Менжинскому: «Мне ситуация представляется следующей: то, что происходит в Польше с падением валюты, происходит и без активного участия Англии... Польша могла бы все свои военные и шпионские силы (хотя бы и сокращенные) бросить против нас. По этой линии идет и демонстрация дружбы Румынии с Польшей. По этой линии идет и огромная работа Польши в Турции против нас... Надо собрать все материалы и дать анализ ситуации и игры и вместе с тем наметить ряд мер по линиям НКВД, НКвоен, нашей и внешней торговли...»³.

Менее чем через год в связи с приходом к власти в Польше Ю. Пилсудского руководитель чекистских органов отмечает, что «переворот Пилсудского, как это очевидно для меня сейчас, является выражением националистических сил в Польше, направленных против России... целиком поддержанных Англией»⁴. Ф.Э. Дзержинский делает вывод: все силы следует направить на подготовку к обороне от весьма вероятного и скорого по времени нападения поляков на СССР.

Как главного противника определили Польшу и аналитики Разведывательного управления штаба РККА. В многостраничном исследовании «Будущая война», появившемся весной

1928 года, они отмечали, что именно Польша в коалиции с Румынией и при поддержке Франции представляет и будет представлять в ближайшие годы основную угрозу⁵.

Рижский мирный договор о прекращении войны был подписан 18 марта 1921 года РСФСР и УССР, с одной стороны, и буржуазно-помещичьей Польшей — с другой⁶.

Новые, во многом случайные границы между советскими республиками и Польшей почти нигде не совпадали с этническим размежеванием. В результате войны к Польше отошли половина Белоруссии и четверть Украины. Линия границы прошла всего в нескольких десятках километров от Минска и значительно приблизилась к Киеву. Это создавало для России и братских республик атмосферу осажденной крепости, постоянной нестабильности и напряженности, угрозы конфликтов со стороны соседа. В результате по обе стороны границы вскоре утвердились соответствующие стереотипы, больше свойственные состоянию войны, чем мирной обстановке. Польский историк З. Залуский в своей книге «Пути к достоверности», опубликованной в Варшаве в 1986 году, отмечал: «Реальные обстоятельства польско-советских отношений в межвоенном двадцатилетии сформировали события 1920 года... Люди, которые разрабатывали и реализовывали политику на протяжении всего межвоенного периода и в Варшаве, и в Москве, — это были люди, сформированные в 1920 году»⁷.

За 1919—1920 гг. около 1,5 млн граждан России, Украины и Бе-

лоруссии прошли через бои с Польшей на Западном фронте, лично столкнулись с «панями» и усвоили определенные негативные психологические и политические представления о них. Среди этих людей был и большой отряд чекистов. Еще со времени боевых действий борьбой с польской разведкой активно занимались будущие руководители особого и контрразведывательного отделов ОГПУ А.Х. Артузов и Я.К. Ольский, начальник секретно-оперативного управления Е.Г. Евдокимов, начальник особого отдела Западного фронта И.А. Апетер и некоторые другие высокопоставленные сотрудники органов госбезопасности. Именно они определяли на протяжении 1920-х и начала 1930-х годов стратегию и тактику противодействия польскому шпионажу. Аналогичная ситуация сложилась и в польских спецслужбах. Длительное время начальником польской разведки оставался И. Матушевский⁸. В Первую мировую войну он служил в одном из гвардейских полков царской армии, отличился в боях, а с 1918 года перешел на разведывательную работу. Возглавлял крупную шпионскую организацию в тылу красных войск в районе Минска. Позднее, в 1920 году, он создал нелегальную резидентуру на территории Украины и руководил ею.

Польша определялась как главный противник не только в секретных документах Штаба РККА и аппарата ВЧК–ОГПУ, но и в средствах массовой информации. На страницах газет и журналов культивировался образ «хищной», «белопанской», «буржуазно-помещичьей» Польши. Она стала символом «агрессивного капиталистического окружения» Страны Советов, воплощением «образа главного врага».

Специальная «польская» комиссия Политбюро Центрально-

А.Х. Артузов

Е.Г. Евдокимов

Ю. Пилсудский

го комитета большевистской партии, рассмотрев вопрос о совещании в Риге представителей генеральных штабов Польши, Латвии и Эстонии, пришла к выводу, что именно Польша, руководимая Францией, проявила наибольшую активность на этом совещании в деле сколачивания «единого антисоветского блока граничащих с СССР на западе государств...»⁹. Исходя из такой оценки Политбюро на своем заседании 9 апреля 1925 года признало необходимым «максимальное усиление боевой и мобилизационной готовности Красной армии, а также принятие мер по усилению охраны границ»¹⁰.

Готовность Польши пойти на военное вмешательство во внутренние дела СССР подчеркивалась в постановлении Политбюро от 15 марта 1930 года «Об Украине и Белоруссии»¹¹.

Как на самого реального врага указывали на Польшу и чекистские руководители во многих предназначенных для неукоснительного исполнения на местах приказах и циркулярах. К примеру, в ноябре 1932 года особый отдел ОГПУ разослал в территориальные органы и аппараты военной контрразведки указание «Об усилении борьбы со шпионско-диверсионной деятельностью 2-го отдела польского главштаба»¹². В документе отмечалось, что резко активизировалась работа польской разведки, проведена ее реорганизация. Этот факт расценивался в разрезе реальной подготовки к вооруженным действиям.

Таким образом, можно констатировать факт оценки Польши, ее армии и разведывательной службы как реального главного противника, представляющего серьезную угрозу безопасности страны и ее Вооруженным си-

лам. Такого взгляда придерживались члены высшего исполнительного органа большевистской партии — Политбюро ЦК, военные лидеры и руководители советских органов госбезопасности. Эта оценка практически не менялась на протяжении 20 — начала 30-х годов XX века.

С другой стороны, новейшая историография, материалы доступных ныне архивных фондов как у нас в стране, так и за рубежом свидетельствуют о том, что Польша не готовилась к наступательной войне с Советским Союзом. Однако, опасаясь удара с советской стороны и вероятной поддержки его действиями германских войск, настойчиво совершенствовала свои вооруженные силы и специальные службы, тратила огромные финансовые средства на оснащение их новыми видами техники и вооружения, обращала серьезное внимание на разведывательно-подрывную деятельность в СССР, оценивая его как своего главного вероятного противника.

На протяжении всего рассматриваемого периода польское руководство стремилось проводить политику «равного удаления» от Москвы и Берлина и насколько приближалось то к одной, то к другой стороне в зависимости от обострения обстановки на восточной или западной границе.

Чтобы вовремя определить «критическую точку» напряжения во взаимоотношениях с СССР и Германией, польское правительство стремилось иметь как можно больше реальной политической, военной и экономической информации, направляя острие своих спецслужб на советские армию и флот, оборонную промышленность и транспорт.

В лице польской спецслужбы органы госбезопасности СССР столкнулись с серьезной силой, имевшей более продолжительную историю своего существования, чем ВЧК–ОГПУ. И если отечественные аппараты разведки и контрразведки опирались на идеологический фактор, притягательность идей равенства и справедливости, классовой солидарности, то поляки — на националистические настроения населения (включая и поляков, проживавших в Советском Союзе), на весьма распространенную в то время ненависть к русским, порожденную политической царских властей, продолженной большевиками. Достаточно вспомнить тот факт, что, перейдя в 1920 году этническую границу Польши, Красная армия ощутила на себе мобилизацию сил всего польского общества перед лицом опасности для недавно освободившегося от «русского гнета» государства¹³.

Фактически польская разведка была создана и вела подрывную работу в Российской Империи задолго до начала Первой мировой войны. Польские националисты во главе с Ю. Пилсудским установили контакт с руководителем львовского разведцентра учетного бюро австрийского генерального штаба. В итоге австро-венгерская разведка получила в свое распоряжение целую агентурную сеть под условным наименованием «Конфидент–R», состоявшую из 15 представителей Союза боевых активистов (СБА-ZWC)¹⁴.

К 1913 году эта разведсеть выросла до 250 человек. Ячейки «Конфидент–R» имелись во Львове, Кракове и Перемышле, откуда отдельные агенты командировались Ю. Пилсудским в Петроград, Москву, Одессу, Ригу, Киев и Вильно. Накануне Первой мировой войны «Конфидент–R» имела только в российской столице 38 агентов. Они работали достаточно активно. По подсчетам польского историка А. Пеплонского, всего за 6 предвоенных месяцев разведсеть Ю. Пилсудского направила своим хозяевам 389 письменных донесений и 119 устных сообщений¹⁵. Передававшаяся информация касалась прежде всего военной проблематики.

В дальнейшем разведывательная деятельность партии Ю. Пилсудского (Польской партии социалистичной — ППС) базировалась на членах созданной им Польской организации войсковой (ПОВ). Она состояла в подавляющем большинстве из

молодых националистически настроенных поляков. ПОВ свою деятельность осуществляла в Украине, Белоруссии, в Смоленской губернии, а также в Петрограде и Москве. В Украине, к примеру, действовало главное командование ПОВ, которому подчинялись окружные командования в Киеве, Житомире, Одессе и Харькове¹⁶.

В период Гражданской войны разведывательная резидентура ПОВ была нацелена на проникновение в центральные советские военные учреждения. Руководитель московской резидентуры К. Заблоцкий (окончивший до войны кадетский корпус в Москве) через свои связи среди бывших царских офицеров добился зачисления на службу во Всероссийский главный штаб. Чтобы облегчить себе добывание информации, он даже вступил в члены большевистской партии. Лишь к концу мая 1919 года чекистам удалось разоблачить его деятельность. Однако завербованные им бывшие офицеры не попали в поле зрения Особого отдела ВЧК¹⁷.

В период становления польского государства, до конца Советско-польской войны и подписания Рижского мирного договора в 1921 году всей польской разведкой руководил 2-й отдел верховного главнокомандования армии¹⁸. При штабах семи армий имелись разведывательные отделы.

В июне 1921 года польское руководство осуществило крупную реорганизацию своих спецслужб с учетом наступления мирного времени. Верховное главнокомандование было переименовано в генеральный штаб, в составе его создали как основное подразделение 2-го отдела польского генштаба (ПГШ)¹⁹ разведывательный отдел. Именно этот орган, хотя и претерпевший в межвоенные годы ряд реорганизаций, весь период 1920—1930-х годов был основным аппаратом проведения разведывательно-подрывной работы против СССР. Основной его задачей являлся сбор военной и военно-политической информации. Незыntenно отметить, что в самом начале функционирования разведывательного отдела в его составе было создано специальное подразделение — подразделение «А-1», которое отвечало за проведение диверсионных акций на военных, промышленных объектах и транспорте, осуществляло подготовительные мероприятия на случай новой войны с нашей страной²⁰. Для

этих целей польские разведчики создали особую лабораторию по изучению и применению ядов, бактериологических препаратов, проводили эксперименты в области боевых отравляющих веществ²¹.

2-й отдел ПГШ организовывал разведку прежде всего в отношении наиболее вероятных своих противников — СССР и Германии. Соответственно существовали рефераты «Восток» и «Запад». Однако центр тяжести явно был смещен в сторону восточного соседа. Это утверждение можно подкрепить сведениями о распределении финансовых средств из польского государственного бюджета. Начальник разведки 2-го отдела ПГШ майор И. Матушевский, считая, что главная опасность исходит от Советской России, Украинской и Белорусской советских республик, ассигновал в 1921 году на работу там 120 тыс. польских крон, а на все западное направление — лишь 57 тыс.²² Учитывая достаточно эффективную деятельность советской контрразведки по польской линии, 2-й отдел ПГШ выделял для работы на советской территории наиболее квалифицированных, проверенных офицеров и служащих²³.

Для проведения разведывательно-подрывных акций в СССР руководство польской разведки создало ряд экспозитур — филиалов 2-го отдела. Находящаяся в Варшаве экспозитура № 2 по заданию и при поддержке центрального аппарата сосредоточила свои усилия на контактах с эмигрантами на территории Польши и заброске в СССР агенты, завербованной среди белогвардейцев, а также украинских и белорусских националистов. Экспозитура № 1, дислоцированная в Вильно, вела разведку по Ленинградскому и Белорусскому военным округам. Украинский и Северокавказский военные округа входили в круг ведения экспозитуры № 5 во Львове²⁴.

Непосредственно на территории нашей страны действовали разведывательные резидентуры 2-го отдела ПГШ под прикрытием посольства Польши в Москве, шести консульств (в Киеве, Харькове, Минске, Ленинграде, Тифлисе и Новониколаевске), а также репатриационных и иных комиссий, торговых организаций, отделения Польского телеграфного агентства и т.д.²⁵

Деятельности польской разведки в СССР способствовал ряд обстоятельств. Во-первых,

наличие большого количества поляков, знавших русский, украинский и белорусский языки, по обе стороны границы. Во-вторых, наличие разведывательной базы в лице поляков, проживавших в СССР, сплоченных на религиозной, националистической и культурной основе. Исследователи истории советско-польских отношений подсчитали, что после Октябрьской революции на территории нашей страны оставались проживать от 2,5 до 4 млн поляков²⁶. В-третьих, большое количество поляков имелось среди командного и политического состава РККА, работников партийных органов, в военной промышленности и даже в органах государственной безопасности СССР. Многие из них были допущены к сведениям, составляющим военную и государственную тайну. К примеру, на 1923 год 17 проц. представителей высшего состава являлись поляками по национальности²⁷. И этот процент лишь ненамного изменился до середины 1930-х годов.

Несмотря на предпринимавшиеся по линии советской контрразведки меры, поляки добывали большой объем военной информации, особенно о дислокации воинских частей в приграничных округах, передвижениях войск, оснащении их новой военной техникой.

Одной из причин безнаказанности польской агентуры в 1921—1922 гг. являлась слабость войсковой охраны и оперативного прикрытия наших западных границ. Ошибочным, на наш взгляд, было решение о закреплении за приграничными губерниями чрезвычайными комиссиями соответствующих участков границы. Дело в том, что в 1920 и первой половине 1921 года вся ответственность за политическую охрану границы лежала на едином чекистском органе — Особом отделе окружного уровня, который был обязан своевременно обобщать и анализировать всю необходимую информацию, выработать единую тактическую линию работы на границе и в прилегающих районах²⁸.

Не удовлетворяясь получением сведений военного характера из прикордонных районов, 2-й отдел ПГШ стремился насадить свою агентуру на всей европейской части СССР и даже за Уралом. В 1924 году руководство разведки осуществило перестройку работы реферата «Б-1» (позднее реорганизованного в

реферат «Восток») с целью более глубокого проникновения в военную, экономическую и политическую сферы жизни Советского Союза. Все разведывательные резидентуры были разделены на три группы: резидентуры типа «А», действовавшие на советской территории; резидентуры типа «Б», организованные в соседних с нашей страной государствах, также ориентированные на подрывные акции в СССР; резидентуры типа «Ц», которые занимались вербовкой агентуры в среде эмиграции как в сопредельных государствах, так и в иных странах (Франция, Германия, Турция, Италия, Китай)²⁹.

Резидентуры типа «Б» развернули свою работу в Ревеле («Балт»), Вильно («Норд»), Хельсинки («Финн»), Бухаресте («Шпекач»), Турции («Консполь»)³⁰.

Особой активностью отличалась подрезидентура «Р-7» в Ревеле, руководимая помощником военного атташе, а затем и военным атташе Польши в Эстонии капитаном В. Дриммером (псевдоним – Найденов)³¹. В своих воспоминаниях он, в частности, писал: «Как каждому военному агенту в государствах, граничащих с новой, советской Россией, мне тоже было дано разведывательное задание — изучение России с военной точки зрения. Место моей службы было особенно удобным для выполнения этого задания вследствие недавно заключенного Эстонией мира с Россией, относительной стабилизации границы и значительного транзитного морского движения в Россию и из нее как товаров, так и людей»³².

Одним из основных поручений, данных В. Дриммеру польским генштабом, было добыть советский мобилизационный план. Для реализации задания он добился создания в Москве, но подчиненной ему лично, резидентуры «Р-7/1», существовавшей с 1924 по 1927 год. Эта резидентура под руководством поручика Вернера (псевдоним – Иванов) поддерживала связь с организацией «М», способной, по польским оценкам, выполнить поручение³³. Под шифром «М» в материалах 2-го отдела ПГШ значилась легендированная советскими контрразведчиками «Монархическая организация центральной России» («МОЦР»), более известная теперь как «Трест».

С приходом к власти в Польше летом 1926 года Ю. Пилсудского отношения между нашими странами вновь начали осложняться.

**Ю. Пилсудский
и Э. Рыдз-Смиглы
во время
Советско-
польской
войны**

1920 г.

Пристально следивший за развитием ситуации председатель ОГПУ Ф. Э. Дзержинский писал своему заместителю Г. Ягоде, что объектом возможной агрессии поляков станут прежде всего Белоруссия и Украина³⁴. Он предполагал близкое начало войны.

Теперь, на основании анализа новых исторических источников, мы понимаем некоторую переоценку Ф. Э. Дзержинским наступательных намерений со стороны Польши, его «алармистские» призывы в адрес подчиненных по ОГПУ, а также партийно-государственного руководства СССР. Однако в одном он был, несомненно, прав: польская разведка усилила свою шпионскую и подрывную деятельность на нашей территории.

Действительно, по указанию Ю. Пилсудского была предпринята масштабная реорганизация центрального аппарата 2-го отдела ПГШ и его экспозитур. Работа была реформирована в том числе и в связи с разоблачением «Треста». Окончательно реформа завершилась к концу 1929 года.

Особый отдел ОГПУ зафиксировал активизацию противника на советском направлении, повышение квалификации направлявшейся в СССР агентуры. Поляки пошли на создание специальных разведшкол. Чекисты установили, что в тактическом плане поляки отреагировали на высылку кулачества из районов сплошной коллективизации, прежде всего в УССР и БССР. Они приступили к вербовкам агентуры в местах ссылки кулаков с последующей переброской завербованных лиц в Польшу для обучения в разведшколах. В дальнейшем предполагалось их использование в подготовке и совершении диверсий на военных и иных объектах³⁵.

Сотрудники Особого отдела добыли достоверную информацию о стремлении поляков вербовать «источники разведданных» непосредственно в армейской среде³⁶.

К концу 1930 года в Польше произошла стабилизация режима Ю. Пилсудского, приобретшего откровенно диктаторские черты. В этот период внешнеполитическая линия поляков в отношении СССР основывалась на том, чтобы обойти предложенный нашей страной пакт о ненападении и свести дело к простому соглашению о неприменении силы. Назначение полковников Ю. Бека и Т. Шетцеля в министерство иностранных дел Польши означало фактическое сращивание дипломатического ведомства с аппаратом польской разведки и подчинение МИД контролю военщины. В Москве понимали, что это свидетельствует о немирных намерениях Ю. Пилсудского³⁷.

Наряду с другими фактами, всплывающими в контекст отношений между двумя странами в начале 1930-х годов, характерен пример с раздутым польскими СМИ по указанию МИД делом военного атташе при посольстве СССР в Варшаве В. Г. Богового, захваченного польской контрразведкой на встрече с подставленным ему агентом, передавшим якобы секретные военные сведения³⁸. Поляки оценили деятельность Богового как признак активизации советской военной разведки, отражающий скрытые намерения военного ведомства СССР в отношении западного соседа.

Работа польских спецслужб была еще более усилена после неудавшейся по ряду причин попытки СССР и Польши снизить степень напряжения в двусторонних отношениях, предпринятой в конце 1930 — начале 1931 года. В циркуляре ОГПУ от 28 ноября 1932 года отмечалось произошедшее значительное укрепление польских разведывательных аппаратов в Турции, Румынии и Латвии. Они активизировали заброску агентуры в СССР. Увеличилось количество агентов, направленных на нашу территорию непосредственно центральным аппаратом 2-го отдела ПГШ³⁹. Только за полго-

да, отмечалось в циркуляре, были разоблачены 187 агентов виленской и львовской экспозитур. Эти филиалы польской разведки пытались продвинуть своих секретных сотрудников даже в тыловые районы СССР, включая Ленинград и Москву⁴⁰. Контрразведке ОГПУ удалось вскрыть резидентские звенья поляков, имевших выходы на военнослужащих РККА, конкретных лиц из комсостава⁴¹.

Не осталось без внимания ОГПУ и то обстоятельство, что 2-й отдел ПГШ поручил руководство всей разведывательной работой против СССР одному из наиболее активных и опытных сотрудников — поручику Незбжинскому, известному не только своим профессиональным мастерством, но и ненавистью к большевикам и вообще к русским⁴².

Анализ документов 2-го отдела ПГШ, его филиалов — экспозитур и резидентур показывает, что они интересовались широким кругом вопросов, имевших отношение к советским армии и флоту: дислокацией воинских частей, развитием технических родов войск (бронетанковых и авиационных), ходом военной реформы и ее результатами и т.д. Для советских контрразведчиков особенно важным показателем являлось устойчивое стремление польских спецслужб добыть персональные данные и детальные характеристики на конкретных военачальников и лиц из их близкого окружения. Это однозначно свидетельствовало о поиске противником агентурных подходов к наиболее осведомленным секретносителям, таким, как нарком по военным делам, члены Реввоенсовета СССР, крупные штабные работники, командующие военными округами, комкоморы и комдивы.

Таким образом, подтверждается вывод о том, что именно польская разведка была главным противником для органов ВЧК—ОГПУ, обеспечивавших безопасность нашей страны, ее армии и флота.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Германское правительство 9 марта 1935 г. объявило о создании военно-воздушных сил, а через несколько дней — о введении всеобщей воинской обязанности и преобразовании 100-тысячного рейхсвера в вермахт, состоящий из 36 дивизий. Ограничений, установленных Версальским договором, больше не существовало. Эти обстоятельства явились мощным толчком к усилению оборонных усилий СССР и оценке Герма-

нии как главного вероятного противника нашей страны.

² Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х гг. XX столетия. Сб. статей. М., 2004. С. 5.

³ Плеванов А.М. ВЧК—ОГПУ в годы новой экономической политики 1921—1928. М.: Кучково поле, 2006. С. 625.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 76. Оп. 3. Д. 364. Л. 55.

⁵ Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР 1921—1941. М., 2001. С. 85.

⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 501.

⁷ Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005. С. 299.

⁸ Peplonski A. Wywiad w wojnie polsko-radzieckiej 1919—1920. Warszawa, 1999. S. 48.

⁹ Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923—1944 гг. М., 1997. С. 18.

¹⁰ Там же. С. 19.

¹¹ Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. Документы. М., 2003. С. 235.

¹² Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ). Ф. 6. Оп. 1-т. Д. 31. Л. 81.

¹³ Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Указ. соч. С. 243.

¹⁴ Peplonski A. Op. cit. S. 13.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 25.

¹⁷ Там же. С. 165; В материалах ВЧК за 1919 г. нам не удалось отыскать какие-либо документы относительно разоблачения К. Заблоцкого. После его бегства польская разведка восстановила свою резидентуру в Москве, куда 4 марта 1920 г. прибыл ее глава В. Нарбут (псевдоним — Януш).

¹⁸ Вне фронтовой зоны польской разведкой и контрразведкой руководил 2-й отдел штаба министерства военных дел.

¹⁹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 453. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

²⁰ Там же. Л. 5.

²¹ Там же.

²² Peplonski A. Op. cit. S. 52.

²³ Уже упоминалась фамилия И.Т. Матушевского, длительное время нелегально действовавшего в тылу наших войск в период Советско-польской войны. Возглавляя 2-й отдел ПГШ, он лично курировал всю работу на востоке. Видным разведчиком являлся В. Мощинский (псевдонимы: Торговец, Вашлав). В конце 1920 г. в ходе выполнения задания поляков он даже сумел устроиться в Таганрогскую ЧК, скрыв свое офицерское прошлое.

²⁴ РГВА. Реферат Особого архива при СССР о структуре и деятельности 2-го отдела польского генштаба. 1958. С. 19.

²⁵ Там же. Ф. 453. Оп. 1. Д. 10. Л. 16. На 1928 г. резидентуры польской разведки имелись в 30 городах СССР. По данным хорошо осведомленной французской разведки, к 1930 г. 2-й отдел ПГШ располагал агентурной сетью в 2400 человек (РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 47. Л. 240).

²⁶ Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Указ. соч. С. 83.

²⁷ Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов. Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль. Орел, 2000. С. 247.

²⁸ Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК—ОГПУ. Сб. документов (1917—1926 гг.). М.: Изд. ВКШ КГБ, 1977. С. 322.

²⁹ РГВА. Ф. 453. Оп. 1. Д. 10. Л. 11.

³⁰ Там же. Л. 13.

³¹ В.Т. Дриммер был идейным пионером, в Первую мировую войну участвовал в боевых действиях против России на стороне австро-венгерских войск.

³² Войцеховский С. «Трест» // Русская эмиграция в борьбе с большевизмом. М.: Центрополиграф, 2005. С. 145.

³³ РГВА. Ф. 453. Оп. 1. Д. 7. Л. 62.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 364. Л. 55.

³⁵ Советская военная контрразведка. Сб. документов. М.: Изд. ВКШ КГБ. 1981. Ч. 2. С. 225.

³⁶ Там же. С. 256.

³⁷ Кен О. Москва и пакт о ненападении с Польшей (1930—1932 гг.). СПб.: Изд. ПИЯФ РАН, 2003. С. 29.

³⁸ Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923—1944 гг. М.: Изд. Института славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 60. Политбюро констатировало, что Боговой нарушил данные ему инструкции, объявило ему выговор и обязало военное ведомство разъяснить заинтересованным лицам, что атташе представляют за границей РВС СССР, а не Разведывательное управление.

³⁹ Советская военная контрразведка... С. 430.

⁴⁰ Там же. С. 431.

⁴¹ Безусловно, исходя из нашего сегодняшнего знания политических и юридических реалий обстановки начала 1930-х годов мы можем и должны поставить под сомнение указанные цифры. Однако, если мы на порядок сократим их, то и тогда остается внушительная цифра, подтверждающая вывод чекистов об активизации польской разведки, особенно оперативно-тактической в приграничной зоне. К сожалению, увлекшись масштабными операциями, чекисты не выявляли отдельных действительно опасных агентов. К примеру, так и не удалось раскрыть польского агента «АГЕ» из окружения секретаря ЦК ВКП(б) В.М. Молотова, который давал информацию об обстановке на некоторых заседаниях Политбюро, включая то, на котором обсуждался вопрос о введении маршальских званий и давались оценки некоторым военачальникам (ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 9. Д. 19. Л. 339, 340). Агентом 2-го отдела оказался бывший секретарь И.В. Сталина Б. Бажанов (Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М.: Наука, 2004. С. 65). Можно предположить, что его бегство за границу было способом уйти от разоблачения.

⁴² Е.Н. Незбжинский с конца 1928 по 1930 г. руководил резидентурой «0-2» в Киеве, непосредственно замыкавшей на реферат «Восток» 2-го отдела ПГШ (РГВА. Ф. 453. Оп. 1. Д. 7. Л. 157). Он возглавлял разведку против СССР до 1939 г., затем, после оккупации Польши фашистами, обосновался в Лондоне, где под псевдонимом Ричард Варга публиковал в газетах резкие антисоветские статьи.

**Генерал-лейтенант запаса
А.А. ЗДАНОВИЧ**

ХРАНИТЕЛИ ТРАДИЦИЙ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

В настоящее время в мире существует большое число медицинских музеев. Однако не все они равнозначны по составу своих фондов и выполняемым задачам: медицинских музеев, обладающих богатыми коллекциями, занимающихся наряду с широкой экспозиционной деятельностью также и научной работой, очень немного. В число «элитарных» входят Национальный музей здравоохранения и медицины в Вашингтоне и Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации в Санкт-Петербурге. О деятельности этих музеев и рассказывается в предлагаемой вниманию читатель статье.

Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации и Национальный музей здравоохранения и медицины в Вашингтоне являются крупнейшими медицинскими музеями в своих странах. История их становления и последующей деятельности во многом отражает особенности политического, социально-экономического и культурного развития двух государств, взгляды на сохранение медицинских знаний, музейное дело. Вместе с тем музеи имеют значительное число общих черт, обусловленных их историей, характером деятельности, особой значимостью в системе культурных и научных учреждений своих стран. Свои истоки музеи берут в XIX веке, в период бурного развития медицинской науки, а также формирования современных научных школ и первых медицинских музеев в Европе и США.

В 1862 году хирург П.П. Заблоцкий-Десятовский представил конференции Императорской медико-хирургической академии рапорт, подготовленный после его командировки за границу, который красноречиво свидетельствовал о необходимости создания современного учебного медицинского музея в России. Заблоцкий-Десятовский, в частности, отмечал: «...учащиеся меди-

цине... обязаны хорошо знать... медицинские и хирургические предметы... Для этой цели во всех лучших медицинских заведениях Европы устроены особенные музеи... В нашей Академии... существование таких коллекций должно почитать необходимым... дабы не отставать от современного состояния лучших европейских медицинских заведений»¹. Хирургический музей

К 65-летию Военно-медицинского музея МО РФ

Медико-хирургической академии был открыт 9 февраля 1863 года. Он служил своеобразным учебным центром, способствовавшим медицинскому образованию будущих военных врачей, и стал прообразом нынешнего Военно-медицинского музея МО РФ, датой основания которого является 12 ноября 1942 года. В апреле 1943 года музей открыл для посетителей свои двери. В тот период он именовался Музеем военно-медицинской службы Красной армии². Через год после снятия блокады, в 1945 году, при непосредственной поддержке начальника Военно-санитарного управления Красной армии Е.И. Смирнова музей был переведен из Москвы в Ленинград, где располагается и поныне в здании бывшего лейб-гвардии Семеновского полка, став главным медицинским музеем страны.

Военно-медицинский музей и Национальный музей здравоохранения и медицины в Вашингтоне³ на сегодняшний день позиционируют себя как национальные музеи медицины своих стран. Это определяется многообразием их фондов, а также широтой проводимой экспозиционной и научно-исследовательской работы. Собрания музеев включают в себя уникальные материалы, отражающие историю развития медицины обеих стран с давних времен, показывающие особенности деятельности военно-медицинской службы в период боевых действий и в мирное время. Оба музея хранят редчайшие коллекции и собрания, осуществляя тем самым важнейшую функцию по сохранению исторических, а также музейных традиций.

Так, в фондах Военно-медицинского музея собрано более 210 тыс. предметов и коллекций, отражающих историю развития отечественной медицины⁴. Это произведения живописи, графики, скульптуры; наборы и хирургические инструменты; медицинские приборы и аппараты; средства иммобилизации; одежда гражданских и военных врачей, образцы госпитальной одежды; индивидуальные средства защиты; рукописи; фотографии; альбомы. Музей является хранителем ценных раритетов, представляющих историко-медицинское значение. Это «Сочинения Амбруаза Паре о лечении огнестрельных ран, переломов...», учебный атлас доктора медицины и хирургии Годфрида Бидлоо «Анатомия человеческого тела», диссертация Н.И. Пирогова «Является ли перевязка брюшной аорты паховой области легковполнимым и безопасным вмешательством?», диссертация С.П. Боткина «О всасывании жира в кишках» с автографом, большой интерес представляет атлас Н.И. Пирогова «Хирургическая анатомия артериальных стволов и фасций», «Полный курс прикладной анатомии», «Анатомические изображения наружного вида и положение органов» и др.⁵

Особое место в музейном собрании занимают персональные фонды более 300 видных деятелей российской медицины, внесших значимый вклад в развитие мировой науки и практики. Среди них фонды Н.И. Пирогова, И.М. Сеченова, С.П. Боткина, И.И. Мечникова, И.П. Павлова⁶. Постоянное пополнение происходит в составе персональных фондов руководителей центрального органа управления военно-медицинским делом в России — Я.В. Виллие, Н.Н. Бурденко, З.П. Соловьева, Е.И. Смирнова, Ф.И. Комарова и др.⁷

В фондах Военно-медицинского музея представлены уникальные предметы, раскрывающие деятельность российских и советских военных медиков, представителей военно-медицинской службы антигитлеровской коалиции, а также противника. Изучение подлинных документов того времени открывает перспективы для дальнейшего совершенствования организации медицинского обеспечения войск в военное и мирное время и позволяет Военно-медицинскому музею осуществлять крупные международные проекты гуманитарного и исторического характера⁸.

ВОЕННО-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации и Национальный музей здравоохранения и медицины в Вашингтоне являются крупнейшими медицинскими музеями в своих странах

Национальный музей здравоохранения и медицины в Вашингтоне, который приобрел статус национального в 1989 году, также хранит богатейшие медицинские коллекции, отражающие развитие медицинских знаний и практики вплоть до начала XXI века. Основную часть его собрания составляют материалы по истории военно-медицинской службы американской армии⁹. Одной из наиболее известных и ценных является коллекция микроскопов, начало которой положил Д.Ш. Биллингс. Сейчас в фондах музея насчитывается свыше 600 микроскопов XVII—XX вв.¹⁰ Неизменный интерес у посетителей вызывают предметы, относящиеся к личности А. Линкольна: слепок с руки американского президента, сделанный после выборов 1860 года, части его черепа, пуля, которой он был убит, хирургические инструменты, использовавшиеся для ее извлечения. К разряду уникальных можно отнести также ампутированную ногу участника Гражданской войны в США 1861—1865 гг. генерал-майора Дениэла Сиклса, переданную в дар музею самим прославленным военачальником¹¹. Здесь же хранятся заспиртованные органы человека, показывающие различные состояния, вызванные ранением или заболеванием, в фондах музея представлены также медицинские инструменты. Особый зрительский интерес вызывают такие предметы, как камни, удаленные из желчного пузыря американского президента Д. Эйзенхауэра, и скелет первой обезьяны, побывавшей в космосе.

Оба музея стремятся использовать новейшие технологии в своей работе. На базе Национального музея здравоохранения и медицины в Вашингтоне создается база данных, где собраны материалы о коллекциях музея и его архивных фондах, доступ к которой смогут иметь все пользователи сети Интернет, что делает представленную информацию открытой для широкого круга исследователей. Тем самым музей совместно с представителями министерства обороны США и профессиональными медиками реализует долгосрочную программу, целью которой является демонстрация исторического развития медицины, в том числе военной, на всем протяжении ее существования. Кроме того, американской

стороной создается компьютерный каталог, включающий в себя исчерпывающую информацию о носителе исторических коллекций, хранимых в музее¹².

Подобная работа по созданию электронного каталога фондов ведется и в Военно-медицинском музее, для этой цели объединяются усилия специалистов в области программирования и музейного дела.

Колоссальный объем работы был проделан на базе музеев после окончания Второй мировой войны 1939—1945 гг. В первую очередь следует отметить научное обобщение опыта военной медицины за прошедший период. Прделанный научными сотрудниками труд и сегодня не потерял своей актуальности и востребован учеными всего мира, являясь образцом высочайшей квалификации специалистов, принимавших участие в его создании.

С первых дней существования Военно-медицинского музея научно-исследовательская работа стала определяющей в деятельности его основных подразделений. Это отвечало замыслу основателей музея — ведущих ученых-медиков с мировыми именами, которые видели в нем прежде всего научно-исследовательское учреждение с широким кругом изучаемых проблем, как «институт по изучению опыта Отечественной войны, а следовательно, и последующих войн»¹³. Постановлением Совета Министров СССР от 26 марта 1946 года труд научных сотрудников музея был приравнен к труду научных сотрудников Академии медицинских наук СССР — главного центра отечественной медицинской науки.

В 1946—1955 гг. на базе Военно-медицинского музея был создан колоссальный труд, не имеющих аналогов ни в российской, ни в мировой истории, — «Опыт советской военной медицины в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»¹⁴.

В США к середине XX века был накоплен значительный опыт составления медико-санитарных отчетов. В 1921—1929 гг. американскими военными медиками было подготовлено пятнадцатитомное издание: «Медицинская служба армии США во время мировой войны», где были затронуты различные аспекты деятельности военно-медицинской службы в период Первой мировой войны 1914—1918 гг. Еще

раньше, в 1870—1888 гг., на базе музея была издана «Медицинская и хирургическая история гражданской войны». Значительный вклад в создание данного труда внес основатель музея Уильям Хэммонд. В ходе кропотливой научной работы было исследовано более 400 тыс. умерших раненых и больных в годы Гражданской войны в США¹⁵. В подготовленном отчете содержались данные о различных боевых ранениях и заболеваниях, применявшихся методах лечения, а также подводились итоги деятельности военно-медицинской службы. Впоследствии работа в данном направлении была продолжена. Научно-исследовательская деятельность играет ведущую роль в структуре музея, что имеет глубокие исторические корни. В 1944 году вследствие расширения деятельности Национального музея здравоохранения и медицины в Вашингтоне (в то время — Армейского медицинского музея) был создан Армейский патолого-анатомический институт, включавший в себя 30 регистров. Первоначально институт являлся подразделением музея, а в 1946 году произошла существенная реорганизация, в результате которой музей стал отделом патолого-анатомического института, наделенным определенными самостоятельными функциями. Указанный факт, а также пример Военно-медицинского музея свидетельствуют о значительном внимании к научно-исследовательской работе со стороны руководителей обоих государств, проявившемся после окончания Второй мировой войны, и в первую очередь о стремлении обобщить опыт, накопленный военно-медицинской службой, для последующей его реализации как в военной, так и в гражданской сфере.

Вместе с тем необходимо отметить, что работа, проведенная на базе Военно-медицинского музея в 1946—1955 гг., имела во многом новаторский характер, так как подготовленные ранее отчеты, а также медицинские отчеты иностранных государств в подавляющем большинстве были основаны на анализе оперативных штабных документов медицинской службы, в то время как советскими специалистами впервые были проанализированы документы персонального учета раненых и больных, их истории болезни¹⁶.

При проведении научных исследований музеи активно используют фонды своих архивов, которые являются хранилищем уникальных материалов, накопленных за многие годы деятельности военно-медицинских служб двух стран.

Один из системообразующих элементов Военно-медицинского музея — его архив военно-медицинских документов, созданный

для решения фундаментальной задачи — сохранения и обобщения опыта военного здравоохранения и медицинского обеспечения войск. Ни одно государство мира не обладает таким крупным собранием медицинских документов, содержащих свыше 60 миллионов единиц хранения (15 км условных стеллажей) и отражающих деятельность отечественного здравоохранения в XX веке в военное и мирное время¹⁷. Особое место занимают материалы, характеризующие события Великой Отечественной войны.¹⁸

Музей выполняет важную государственную задачу по обеспечению социально-правовой поддержки ветеранов, инвалидов и участников войн и вооруженных конфликтов. С 1946 года в архиве обработано более 8 млн запросов, касающихся судеб участников Второй мировой войны 1939—1945 гг. Военно-медицинский музей работает в тесном контакте с уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, защищая права инвалидов, ветеранов, участников

ПОСТАНОВЛЕНИЕМ Совета Министров СССР от 26 марта 1946 года труд научных сотрудников музея был приравнен к труду научных сотрудников Академии медицинских наук СССР

рают библиотеки музеев. В их фондах хранится значительный комплекс литературы по различным аспектам медицины. В частности, в научной библиотеке Военно-медицинского музея содержится более 42 тыс. книг, в том числе около 1000 редких, 2000 диссертаций, 4000 авторефератов, 17 тыс. периодических изданий медицинского профиля, более 2000 научных работ сотрудников музея. Здесь разработан и создается электронный каталог изданий, хранящихся в фонде библиотеки, что обеспечит доступность информации для всех интересующихся. Подобная работа проводится и на базе библиотеки Национального музея здравоохранения и медицины в Вашингтоне, основы

енно-медицинского музея регулярно демонстрируются на многих выставках в России и за ее пределами, среди которых экспозиции, посвященные героическому подвигу военных медиков в годы Великой Отечественной войны: «На всю оставшуюся жизнь...», «Милосердие без границ», «Сила слабых» и другие. Он участвует в крупных общероссийских проектах — совместных выставках с Государственным историческим музеем в Москве, с Государственным Эрмитажем в Санкт-Петербурге, с Тюменским областным краеведческим музеем и т.д. Значительное количество выставок было организовано Военно-медицинским музеем за пределами России. В числе важных международных проектов подобного рода за последние годы следует назвать выставки: «Мировая война 1914—1918 гг.: Опыт — Воспоминание — Память» в Немецком историческом музее, «Блокада Ленинграда 1941—1944 гг. Досье» в Музее Берлин-Карлсхорст и ряд других, получивших широкий резонанс среди общественности и в средствах массовой информации.

Национальный музей здравоохранения и медицины в Вашингтоне за последнее время кардинально изменил облик своей экспозиции. Если ранее она была рассчитана на показ предметов, интересных для узкого круга посетителей, медиков, то теперь ориентирована на различные слои населения. В результате за последние годы значительно возрос интерес к этому музею. Ежегодно в нем бывает более 75 тыс. человек. В Национальном музее здравоохранения и медицины в Вашингтоне развернуты выставки, посвященные медицинскому периоду Гражданской войны в США, медицинской технике, анатомии и другим аспектам медицины и здравоохранения. Музей предлагает как специалистам, так и простым посетителям широкий спектр интересных программ, связанных с экспозиционной деятельностью²⁰. В 2003 году на базе музея была развернута выставка, посвященная военно-полевой хирургии США, где представлены материалы от Гражданской войны во Вьетнаме²¹.

Музеи осуществляют также проекты, позволяющие повысить квалификацию медицинских работников, проводят мероприятия, направленные на популяризацию медицинских знаний. В Военно-медицинском музее про-

НИ ОДНО ГОСУДАРСТВО мира не обладает таким крупным собранием медицинских документов, содержащих свыше 60 миллионов единиц хранения (15 км условных стеллажей) и отражающих деятельность отечественного здравоохранения в XX веке

воин и вооруженных конфликтов во всем мире; разрабатывает проблемы международного гуманитарного права¹⁹. В архиве Военно-медицинского музея хранятся материалы со сведениями о лечении более 500 тыс. иностранных граждан 45 национальностей (американцы, итальянцы, немцы, французы и др.). Он активно сотрудничает с Российско-американской комиссией по делам военнопленных и пропавших без вести. Это позволяет достичь одной из важнейших гуманитарных целей — сохранение памяти о военнослужащих, отдавших свою жизнь на полях сражений.

В архиве созданы уникальные компьютерные базы данных о раненых и больных, отражающие не только состояние здоровья военнослужащих, получивших боевую травму, но и характер оказанной им помощи на этапах медицинской эвакуации. Разработана научная концепция автоматизации основных видов деятельности архива, реализация которой позволит обеспечивать электронную связь и обмен информацией со многими медицинскими учреждениями страны.

Важную роль в проведении научно-исследовательской работы иг-

которой были заложены еще в первой половине XIX века.

Военно-медицинский музей и Национальный музей здравоохранения и медицины в Вашингтоне на всем протяжении своего существования выполняли и продолжают выполнять важную научно-просветительскую задачу, знакомя специалистов, а также широкие слои общественности с историей медицинской науки, отображая вместе с тем направления ее дальнейшего развития. Музеи осуществляют функции своеобразного проводника медицинских знаний в мировом масштабе. Тем самым достигается столь важная для развития цивилизации цель — сохранение преемственности с прошлым, а также формирование связей с будущим. Музеи активно сотрудничают с ведущими организациями и учреждениями в своих странах, имеющими различный статус и специализацию, что позволяет проводить важные программы и реализовывать крупномасштабные проекты во многих областях науки и культуры.

Музеи развертывают выставки, посвященные различным вопросам медицины. Так, коллекции Во-

В НАУЧНОЙ библиотеке Военно-медицинского музея содержится более 42 тыс. книг, в том числе около 1 000 редких, 2 000 диссертаций, 4 000 авторефератов, 17 тыс. периодических изданий медицинского профиля, более 2 000 научных работ сотрудников музея

водятся тематические занятия по широкому кругу вопросов, связанных с историей медицины: «История медицины России (с древнейших времен до наших дней)», «Военно-медицинский музей — хранитель и продолжатель традиций медицинских музеев города», «Российская военная медицина в XX в.», «Развитие российской военной медицины в начале XX в.», «Петербург в истории медицины», «На всю оставшуюся жизнь...», «История лейб-гвардии Семеновского полка» и другие. Здесь также читается курс лекций по теме «История медицины России». Тесное сотрудничество установлено с ведущими педагогическими центрами Санкт-Петербурга. Постоянными посетителями экспозиции, а также проводимых занятий являются курсанты Военно-медицинской академии, школьники, студенты медицинских учебных заведений Санкт-Петербурга, Москвы и других регионов России. Ежегодно с экспозицией, фондами музея знакомятся делегации иностранных государств, происходит обмен опытом с зарубежными коллегами, в рамках дискуссий и семинаров обсуждаются актуальные вопросы музееведения, локальные вопросы деятельности музейных коллективов.

Значительный опыт деятельности в музейной сфере, применение инновационных технологий позволяют проводить комплекс учебных мероприятий, направленных на формирование штата квалифицированных кадров. В частности, на базе Национального музея здравоохранения и медицины в Вашингтоне в рамках проводимой образовательной программы созданы курсы для подготовки музейных сотрудников. В состав музея входит отдел публичных программ и выставок, который занимается административной работой, связанной с выставками, образовательными программами, экскурсиями и т.п. С целью грамотной организации музейного дела, в первую очередь в отношении фондовой работы, отдел сотрудничает с правительственными организациями, профессиональными союзами, музеями и частными лицами²². Американский музей также проводит значительный комплекс мероприятий по работе со студентами,

школьными учителями. Для них на базе музея организован курс лекций по общей медицине²³.

Военно-медицинский музей и Национальный музей здравоохранения и медицины в Вашингтоне на протяжении многих лет объединяют тесные творческие связи. Музеи пополняют фонды библиотек научной литературой, участвуют в международных программах и гуманитарных проектах. В результате происходит интеграция музейной, а также медицинской общности двух стран в единое культурное и научное сообщество, что позволяет совместно решать важнейшие вопросы, обусловленные мировой конъюнктурой. Модель подобных отношений формируется под воздействием тех процессов, которые происходят на более высоком уровне. Во многом символическим является тот факт, что в ходе XXXVI Всемирного конгресса по военной медицине, состоявшегося в Санкт-Петербурге с 5 по 11 июня 2005 года, произошла передача полномочий президента Международного комитета военной медицины от помощника министра обороны США по здравоохранению В. Винкенвердера начальнику Главного военно-медицинского управления МО РФ — начальнику Медицинской службы Вооруженных Сил РФ генерал-лейтенанту медицинской службы И.Ю. Быкову²⁴.

Военно-медицинский музей и Национальный музей здравоохранения и медицины в Вашингтоне на всем протяжении своей истории демонстрировали способность трансформироваться в соответствии с требованиями времени, своевременно и творчески откликаясь на происходящие процессы. Перспективы дальнейшей совместной работы двух музеев представляются довольно оптимистичными. Залогом тому могут служить не только плодотворное сотрудничество на протяжении долгих лет, выработанные принципы взаимодействия при решении целого комплекса проблем, но и общие черты в развитии двух музеев, их исторические корни и последующий путь — путь сохранения и обобщения богатейших национальных традиций медицины своих стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Императорской Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) академии за сто лет. 1798—1898. СПб., 1898. С. 203.

² *Шабунин А.В.* Военно-медицинский музей 1943—1993. Исторический очерк. СПб., 1993. С. 13.

³ Armed Forces Institute of Pathology. Annual report. 2001. P. 329.

⁴ *Будко А.А., Иванова Л.Д.* Музей медицины России и ее военно-медицинской службы // История Петербурга. 2004. № 5(21). С. 53.

⁵ *Будко А.А., Мурга Л.М.* Хранитель исторических традиций российской военной медицины (К 60-летию Военно-медицинского музея МО РФ) // Воен.-медиц. журнал. 2002. № 10. С. 77.

⁶ *Будко А.А., Журавлев Д.А.* Персональные фонды профессоров Российской империи в Военно-медицинском музее МО РФ // Медицинская профессура Российской империи. М., 2005. С. 32, 33.

⁷ *Budko A.A.* Today's Activity of the Russian Federation Department of Defense Military Medical Museum // XXXVI World Congress on Military Medicine. International Cooperation in the Field of Military Medicine: Present and Future/ Scientific abstracts. SPb., 2005. P. 50.

⁸ *Будко А.А., Иванова Л.Д.* Военно-медицинский музей — главный хранитель исторических традиций российской медицины и ее военно-медицинской службы // Асклепий. 2005. № 1. С. 47.

⁹ Armed Forces Institute of Pathology. Annual report. 2003. P. 263.

¹⁰ Ibid. 1999. P. 350.

¹¹ Ibid. 2003. P. 259.

¹² Ibid. 2000. P. 363.

¹³ К 60-летию Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации // Воен.-медиц. журнал. 2002. № 11. С. 74.

¹⁴ Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. 1—35. М., 1949—1955.

¹⁵ Armed Forces Institute of Pathology. Annual report. 2003. P. 260.

¹⁶ *Шабунин А.В.* Указ. соч. С. 47—49.

¹⁷ *Смекалов А.В., Чигарева Н.Г., Юрко В.И.* Уникальное хранилище военно-медицинских документов // Воен.-истор. журнал. 2007. № 1. С. 58, 59.

¹⁸ *Будко А.А.* Музей можно по праву назвать медицинским Эрмитажем // Воен.-истор. журнал. 2002. № 10. С. 74.

¹⁹ *Budko A.A., Larkov A.A., Grebtsov V.P., Kholikov I.V.* The Russian Federation Department of Defense Military Medical Museum's International Activity as an Example of Constructive Co-Operation in Humanitarian Sphere // XXXVI World Congress on Military Medicine... P. 48, 49.

²⁰ Институт патологии вооруженных сил США (ИПВС): основные направления деятельности в начале XXI в. // Зарубежная воен. медицина. 2005. № 1—2. С. 39.

²¹ Armed Forces Institute of Pathology. Annual report. 2003. P. 258.

²² Зарубежная воен. медицина. 2005. № 1—2. С. 40.

²³ Armed Forces Institute of Pathology. Annual report. 2003. P. 263.

²⁴ *Белевитин А.Б., Ларьков А.А., Холиков И.В., Тапон В.К., Реутский И.А., Максимов О.Б.* Новые горизонты военно-медицинского сотрудничества // Воен.-медиц. журнал. 2005. № 7. С. 73—79.

**Полковник медицинской службы
А.А. БУДКО;
Д.А. ЖУРАВЛЕВ**

УЧРЕЖДЕНИЕ ЭМЕРИТАЛЬНОЙ КАССЫ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

17 АПРЕЛЯ 1859 года вышел высочайший указ, согласно которому одновременно с увеличением денежного содержания военнослужащих требовалось принять меры по обеспечению «существования в отставке заслуженных чинов военно-сухопутного ведомства и семейств их». В связи с этим предписывалось учредить особую эмеритальную кассу*, «из коей впоследствии могли бы быть назначаемы дополнительные пенсии и пособия к определенным по положению из Государственного казначейства»¹. Также повелевалось начать с 1 мая того же года установленный взнос в кассу в размере 6 проц. денежного довольствия. Для того чтобы это требование распространялось на всех служащих в военном ведомстве без уменьшения существовавшего содержания, была назначена сумма для взноса в эмеритальную кассу в виде прибавки упомянутых 6 проц. к тем

* Эмеритальная - от слова «эмеритура» (лат.), что означало заслуженный, т.е. заслуженная специальная пенсия, денежное пособие.

окладам, которые не увеличивались на основании указа.

Образование своеобразного вспомогательного финансового подразделения совпало с довольно частым обсуждением в государственных органах и печатных изданиях проблемы пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей, что обуславливалось рядом причин, в первую очередь ростом числа инвалидов, вдов и сирот в результате войн. Несовершенство же пенсионного обеспечения офицеров, уволенных с военной службы, объяснялось тем, что пенсии назначались лишь из окладов жалованья, которые повышались довольно редко. Увеличение сумм денежного довольствия шло в основном за счет роста столовых и квартирных денег и некоторых добавочных выплат, не влиявших на повышение пенсий. В результате многие офицеры после ухода из армии оказывались в бедственном положении, так как у них сохранялось не более одной четверти, редко половины прежде получаемых де-

нег. Также отмечалось тяжелое материальное положение вдов и детей умерших или погибших военнослужащих.

В связи с существенным ухудшением материального положения при увольнении многие офицеры не хотели покидать армию. Как отмечалось в одной из статей известного издания, «в числе наших старших офицеров есть очень много лиц, которые продолжают служить лишь потому, что выход в отставку поставил бы их в безвыходное в материальном отношении положение»². Акцентировалось внимание на том, что равнодушные власти к усовершенствованию пенсионного обеспечения приведет к нежеланию офицеров уходить в отставку, следовательно, карьерный рост по службе замедлится, а средний возраст офицерского состава увеличится, что соответственно скажется на боевой готовности войск.

Военнослужащие предлагали различные варианты совершенствования системы пенсионного обеспечения. Одни из

Размер пенсии генералам и офицерам из эмеритальной кассы в 1890 году

Таблица

Чины	Полный эмеритальный оклад пенсии	Разряд I (за 5 оплаченных лет)		Разряд II (за 12 оплаченных лет)		Разряд III (за 19 оплаченных лет)		Разряд IV (за 25 оплаченных лет)		Разряд V (за 30 оплаченных лет)		Разряд VI (за 35 оплаченных лет)
		I класс за 35 лет службы	II класс за 25 лет службы	I класс за 35 лет службы	II класс за 25 лет службы	I класс за 35 лет службы	II класс за 25 лет службы	I класс за 35 лет службы	II класс за 25 лет службы	I класс за 35 лет службы	II класс за 25 лет службы	I класс за 35 лет службы
Генерал	2145 **	864	536	1073	715	1341	894	1609	1073	1877	1251	2145
Генерал-лейтенант	1718	664	429	859	573	1073	716	1283	859	1503	1002	1718
Генерал-майор	1290	484	323	645	430	806	538	968	645	1129	753	1290
Полковник	863	323	216	431	288	539	359	647	431	755	503	863
Подполковник	645	242	161	323	215	403	269	484	323	564	376	645
Капитан	473	177	118	236	158	295	197	354	236	413	276	473
Штабс-капитан	435	163	109	218	145	272	181	326	218	381	254	435
Поручик	368	138	92	184	125	230	153	276	184	322	214	368
Подпоручик	345	129	86	173	115	216	144	259	173	302	201	345

Составлено по: Соловьев Н.И. Пенсии военным офицерским чинам и их семьям в России, Германии, Австрии и Франции. СПб., 1893. С. 173.

** В рублях серебром в год.

них считали целесообразным образовать фонд для оказания помощи семьям офицеров, убитых и уволенных из армии без пенсии. Этот фонд считался особенно необходимым для оплаты затрат на образование детей этих офицеров. В фонд предлагалось ежегодно вносить из денежного довольствия офицеров по 9 рублей, что позволило бы лишь в одном полку собрать 450 рублей, а по всей армии — 100 тыс. рублей³. Другие офицеры, соглашаясь с вычетом из денежного довольствия в такой форме, считали более рациональным использовать иной способ формирования этого фонда, выдавая на руки генералам и офицерам оклад (жалованье и столовые деньги), который зависел бы только от продолжительности их службы, а не от чина. Например, полковник и капитан при одинаковой продолжительности службы получали бы на руки одинаковый оклад. Разницу же между начисленным окладом по чину и выданными на руки деньгами следовало зачислять в запасной капитал для назначения пенсии⁴. Третьи настаивали на установлении за 25 лет службы такой пенсии, размер которой не намного отличался бы от получаемых офицером на службе оклада содержания. В этом случае офицеры изъявили бы желание уволиться из армии и освободили бы места для своих более молодых товарищей.

Вместе с утверждением 25 июня 1859 года положения об Эмеритальной кассе император Александр II даровал на первоначальное образование кассового фонда особое денежное пособие из Государственного казначейства в размере 7,5 млн рублей дополнительно к 825 тыс. рублей, выделенным для той же цели Военным министерством. Пособие существовало в виде 4-процентного бессрочного долга Государственному казначейству и составляло 300 тыс. рублей в год. Эти средства обеспечили возможность военно-сухопутному ведомству начать с 1 мая 1865 года выдачу пенсий и пособий из эмеритальной кассы, располагая для этого капиталом в 18 млн рублей. С тех пор капитал кассы ежегодно увеличивался⁵.

Для дальнейшего развития благотворительных действий эмеритальной кассы военно-сухопутного ведомства император, согласно решению военного совета от 10 февраля 1880 года постановил увеличить размер эмеритальных выплат, добавив к суммам этих пенсий, установленным в 1859 году, 17 проц. Таким образом, к концу XIX века эмеритальные пенсии стали в полтора раза больше выплачиваемых Государственным казначейством.

Средства вспомогательного финансового органа являлись его неприкосновенной собственностью. Ни под каким пред-

логом их нельзя было использовать, кроме как на пенсии и расходы по управлению накопленными капиталами и их хранению. Вместе с тем пенсии, выдаваемые из эмеритальной кассы, не лишали и не ограничивали прав получателей на начисление им других пенсий и пособий, предусмотренных законами, особыми уставами и постановлениями.

В эмеритальной кассе обязательно должны были участвовать получающие содержание по смете Военного министерства генералы, штаб- и обер-офицеры, гражданские чиновники, состоящие на службе в регулярных войсках, управлениях, учреждениях и заведениях военно-сухопутного ведомства, а также православные священнослужители, римско-католические капелланы и лютеранские дивизионные проповедники. Платежи же в нее вносили и периодически (шести-процентные вычеты и взносы с обязательных и добровольных участников эмеритальной кассы), и единовременно (трех-процентные вычеты с лиц, попавших в военное ведомство из других ведомств или из отставки, за их службу вне военного ведомства).

Первый вид периодических платежей производился из следующих видов денежного довольствия военнослужащих: основных и усиленных окладов, выплат по чинам, должностям

ХРОНОГРАФ

1 октября 1857 года из Кронштадта в первое кругосветное плавание паровых судов русского флота отправилась эскадра капитана 1 ранга Д.И. Кузнецова в составе шести судов. Корабли были построены в Архангельске и имели паровые машины мощностью 150—300 л.с.

4 октября 1967 года в Москве возле станции метро «ВДНХ» торжественно открыта Аллея героев космоса с памятниками С.П. Королеву, Ю.А. Гагарину, В.В. Терешковой, П.И. Беляеву, А.А. Леонову и В.М. Комарову.

5 октября 1737 года в с. Люблино (ныне Тверской обл.) родился Алексей Григорьевич Орлов, русский военный и государственный деятель, генерал-аншеф (1769). Службу начал солдатом лейб-гвардии Преображенского полка, в начале 1762 года — сержант. Активный участник дворцового переворота 1762 года, возведшего на престол Екатерину II (заставил императора Петра III подписать акт об отречении от престола); получил сразу чин генерал-майора. Не занимая крупных должностей, Орлов оказывал большое влияние на государственные дела. В 1768—1769 гг. разработал план экспедиции против Турции в Средиземное море и возглавил общее руководство по его

осуществлению. Во время Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. командовал эскадрами русского флота, перебазировавшимися из Балтийского в Средиземное море. С 1775 года — в отставке. Основал конный завод, где была выведена ценная порода лошадей — орловский рысак. При Павле I, находясь в опале, жил за границей. В 1801 году возвратился в Россию. Умер 5 января 1808 года.

5 октября 1917 года в д. Ровцово (ныне Парфеньевского р-на Костромской обл.) родился Николай Иванович Смирнов, адмирал флота (1973), Герой Советского Союза (1984). В ВМФ — с 1937 года. Во время Великой Отечественной войны воевал на Черноморском флоте. В послевоенные годы командовал подводными силами различных флотов, был заместителем командующего Черноморским флотом, заместителем начальника Главного штаба ВМФ. С 1969 года командующий Тихоокеанским флотом, с 1974-го — первый заместитель главнокомандующего ВМФ. Умер 8 июля 1992 года.

7 октября 1867 года родился Евгений Карлович Миллер, генерал от кавалерии (1919), участник Первой мировой войны, один из руководителей Белого движения на Севере, эмигрировал в 1920 году, с января 1930 года возглавлял Русский общевоинский союз (РОВС). В 1937 году захвачен органами советской разведки, доставлен в Москву, осужден и приговорен к смертной казни 11 мая 1939 года.

Все даты приводятся по новому стилю.

или особым повелениям императора и по распоряжению начальства; столовых денег по должностям, званиям или особым повелениям императора; добавочного жалования и добавочных к столовым денег. Второй — с участников эмеритальной кассы при их зачислении в военное ведомство. При этом допускалась рассрочка платежей на время до 5 лет с ежегодной выплатой не менее 1/5 общей суммы вычета.

Все деньги, поступающие в эмеритальные кассы, вкладывались в государственные процентные бумаги и шли на выдачу ссуд под аренды, пожалованные императором. Выбор процентных бумаг и условия выдачи ссуд под аренды определялись военным советом. Денежные операции по покупке процентных бумаг и по выдаче ссуд под аренды проводились только после распоряжения Государственного банка.

Средства эмеритальной кассы состояли из денежного капитала и доходов. Источниками доходов эмеритальной кассы служили: пожалованное императором пособие из Государственного казначейства; вспомогательные офицерские капиталы бывших военных поселений; проценты от ценных бумаг, приобретаемых на капитал кассы; ежегодное пособие из государственной казны ввиду увеличения налога на капиталы (с 1897 г.) — 1200 тыс. рублей.

РАВНОДУШИЕ властей к усовершенствованию пенсионного обеспечения приведет к нежеланию офицеров уходить в отставку, следовательно, карьерный рост по службе замедлится, а средний возраст офицерского состава увеличится, что соответственно скажется на боевой готовности войск

Право на пенсии из эмеритальной кассы получали лица, прослужившие на государственной службе не менее 25 лет и с выслугой 5 «платных лет», т.е. продолжительности вычетов или добровольных взносов в кассу. Размер пенсий зависел от трех факторов: воинского звания офицера, стажа военной службы (без льготного исчисления) и количества «платных лет».

Вначале обязательная военная служба для получения пенсии составляла, как уже упоминалось, 25 лет. Позднее, в связи с увеличением капитала кассы из-за выплаты в первые годы пенсий в небольших размерах и высоких процентов от хранения капитала в ценных бумагах, этот срок сократился до 20 лет. Однако в конце XIX века в связи с ухудшением дел кассы вновь вернулись к 25 годам обязательной военной службы.

Эмеритальные пенсии по числу лет на государственной службе разделялись на два класса, а по числу оплаченных

лет каждый класс подразделялся на разряды (см. таблицу). Пенсии по первому классу назначались лицам, отслужившим 35 и более лет, а также причисленным к раненым 1 класса или подвергшимся на службе в военном ведомстве тяжким болезням, лишаящим их всякой возможности продолжать какую-либо службу. Выплаты этого класса по числу оплаченных лет разделялись на шесть разрядов: I — от 5 до 12 оплаченных лет (3/8 полного эмеритального оклада); II — от 12 до 19 (4/8 того же оклада); III — от 19 до 25 (5/8 оклада); IV — от 25 до 30 (6/8 оклада); V — от 30 до 35 (7/8 оклада); VI — от 35 и более оплаченных лет (полный эмеритальный оклад).

Эмеритальные пенсии по второму классу назначались лицам, отслужившим от 25 до 35 лет, а также получившим на войне раны, мешающие продолжать службу, по которым увечные причислялись к раненым второго класса. Пенсии этого класса по числу оплаченных лет

8 октября 1907 года в с. Новоспасовка (ныне с. Осипенко Бердянского р-на Запорожской обл., Украина) родилась Полина Денисовна Осипенко, военный летчик, майор (1939), Герой Советского Союза (1938). Окончила Качинскую авиационную школу (1932), служила в истребительной авиации летчиком и командиром авиазвена. Установила 5 международных женских рекордов. Наиболее известны беспосадочные перелеты, совершенные в 1938 году по маршрутам: Севастополь — Архангельск (на гидросамолете было пройдено 2416 км за 10 ч); Москва — р-н Комсомольска-на-Амуре (24 — 25 сентября вместе с В.С. Гризодубовой и М.М. Расковой за 26 ч 29 мин было пройдено расстояние в 6450 км). Погибла 11 мая 1939 года при исполнении служебных обязанностей. Похоронена на Красной площади у Кремлевской стены. Ее именем названа улица в районе Ходынского поля Москвы.

11 октября 1902 года в г. Ефремове (ныне Тульской обл.) родился Владимир Михайлович Мясищев, авиаконструктор, генерал-майор-инженер (1944), Герой Социалистического Труда (1957), профессор (1947), доктор технических наук (1959), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1972). С 1936 года работал в отделе ЦАГИ, возглавляемом А.Н. Туполевым; занимался проектированием крыльев для самолета, созданного под руководством В.М. Петлякова, принимал участие в создании самолетов ТБ-1, ТБ-3, ТБ-4, затем был руководителем бюро по разработке

экспериментальных самолетов. С 1939 года возглавлял специальный КБ, в котором по его предложению был создан скоростной дальний высотный бомбардировщик ДВБ-102, имевший скорость до 620 км/ч, потолок 11,5 тыс. м, дальность 4000 км, бомбовую нагрузку до 4 т, но довести до серийного производства ДВБ-102 не удалось. В 1942 году Мясищев был назначен главным конструктором завода, производившего пикирующие бомбардировщики Пе-2. На этом посту много сделал для массового выпуска усовершенствованных бомбардировщиков для фронта. В послевоенное время под его руководством был создан бомбардировщик с четырьмя турбореактивными двигателями, в дальнейшем получивший наименование 201М, а затем бомбардировщик 103М. На модификациях этих самолетов наши летчики установили 19 мировых рекордов высоты и скорости полетов с грузом 10, 27, 55 т. Умер 14 октября 1978 года.

12 октября 1857 года в г. Тифлисе (ныне Тбилиси, Грузия) родился Роман Исидорович Кондратенко, генерал-лейтенант (1904). Окончил Николаевское инженерное училище в 1877 году и Академию Генерального штаба в 1886 году. После начала Русско-японской войны 1904—1905 гг. — начальник обороны сухопутного фронта крепости Порт-Артур. Успешно руководил отражением четырёх штурмов. Под его руководством были применены новые виды вооружения и средства поражения: ручные гранаты, минометы, но-

разделялись на пять разрядов: I — от 5 до 12 оплаченных лет (3/12 полного эмеритального оклада); II — от 12 до 19 (4/12 оклада); III — от 19 до 25 (5/12 оклада); IV — от 25 до 30 (6/12 оклада); V — от 30 до 35 оплаченных лет (7/12 оклада).

Семьям участников кассы пенсии назначались в следующих случаях⁶: если кормилец получил в отставке эмеритальную пенсию за установленную выслугу лет или же умер на службе по выслуге этого срока — по расчету того оклада, который получал или на который имел право муж или отец в день своей смерти; если кормилец не выслужил 35-летнего срока и получил в отставке эмеритальную пенсию в связи с тяжелыми ранениями и болезнями или имевший право на такую пенсию — из эмеритального оклада II класса, как бы за 25 лет, по действительному числу оплаченных лет, причем в случае выслуги участника кассы менее 5 «платных лет» эта пенсия назначалась из оклада, соответствующего 5 оплаченным годам; если кормилец убит на войне или умер на службе в военном ведомстве, не прослужив 25-летнего срока, — из эмеритального оклада II класса, по действительному числу оплаченных лет, причем в случае выслуги участника кассы менее 5 «платных лет» пенсия семьям назначалась из оклада, соответствующего 5 оплаченным годам.

Пенсии и пособия членам семей из эмеритальной кассы на-

ПРАВО на пенсии из эмеритальной кассы получали лица, прослужившие на государственной службе не менее 25 лет и с выслугой 5 «платных лет»

значались от пенсии мужа или отца (или которую они могли бы получить): вдовам — две трети пенсии, а при наличии детей — вся пенсия; одной дочери (сироте) или одному сыну (сироте) — половина пенсии.

О роли эмеритальной кассы в улучшении материального положения офицеров и их семей свидетельствуют показатели ее финансового положения и число лиц, получавших от нее помощь. В 1865 году к первой выплате из эмеритальной кассы капитал ее составил 18,6 млн рублей, причем доходы за этот год равнялись 2,4 млн рублей, а расходы всего 61,8 тыс. рублей. В конце XIX века, когда капитал достиг 116,5 млн рублей, пенсии получали 10,1 тыс. офицеров и 19 тыс. членов семей⁷.

Сведения о приходе, расходе и состоянии наличного капитала эмеритальной кассы велись канцелярией Военного министерства на основании существующих правил счетоводства и отчетности по её капиталу. Общий надзор за отчетностью и делами эмеритальной кассы осуществлял военный совет. Делами кассы управлял комитет во главе

с председателем, назначаемым из членов военного совета, которому присваивалось звание заведующего эмеритальной кассой военно-сухопутного ведомства. Назначался и увольнялся председатель решением императора.

Надзор за отчетностью заключался в рассмотрении составленного в канцелярии Военного министерства годового отчета и приложенных к нему сравнительных результатов по денежным оборотам кассы. Годовой отчет о деятельности кассы после его рассмотрения военным министром обязательно публиковался в печати. Каждое десятилетие касса проверялась специально создаваемой для этого комиссией. Результаты проверки докладывались военному совету, но решения по предложениям комиссии принимал император.

Примечательно, что просьбы офицеров о создании специального пенсионного фонда даже за их счет реализовывались в течение довольно длительного времени. С этой целью военным министром был образован комитет для выработки положе-

ХРОНОГРАФ

вые типы противопехотных мин, электризованные проволочные заграждения и т.д. Погиб 15 декабря 1904 года при артиллерийском обстреле форта №2. Похоронен в Санкт-Петербурге в Александро-Невской лавре.

13 октября 1827 года в ходе Русско-персидской войны 1826—1828 гг. русские войска под командованием генерал-лейтенанта И.Ф. Паскевича после семидневного штурма овладели г. Эривань (Ереван, Армения). В качестве трофеев взято 48 орудий и 4 знамени. Среди 3000 пленных находился комендант крепости Гассан-хан. За эту победу Паскевич награжден орденом Св. Георгия 2-й степени, а также удостоен титула графа Эриванского.

13 октября 1917 года в с. Бохот (ныне Монастырщинского р-на Смоленской обл.) родился Вадим Александрович Матросов, генерал армии (1978), Герой Советского Союза (1982). В пограничных войсках с 1938 года. Участник Великой Отечественной войны. С 1972 года — начальник Главного управления пограничных войск КГБ СССР. В 1984—1989 гг. — заместитель председателя КГБ СССР — начальник Главного управления Пограничных войск — начальник Пограничных войск. Умер 6 марта 1999 года.

14 октября 1892 года в с. Марковка (ныне пгт Луганской обл., Украина) родился Андрей Иванович

Еременко, Маршал Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1944), командующий рядом фронтов, а после войны — войсками нескольких округов. Умер 19 ноября 1970 года, похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

15 октября 1967 года в Волгограде на Мамаевом кургане открыт памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» (авторский коллектив под руководством скульптора Е.В. Вучетича и архитектора Я.Б. Белопольского). В центре ансамбля 52-метровый монумент Матери-Родины. У подножия кургана — монумент «Стоять насмерть», под ним — руины двух стен с рельефными композициями. За стенами-руинами расположена площадь Героев, на которой установлено 6 скульптурных групп, символизирующих мужество и героизм защитников города, и площадь Скорби со скульптурным изображением женщины-матери.

22 октября 1872 года родился Александр Александрович Незнамов, русский военный теоретик и историк. Участник Русско-японской и Первой мировой войн, генерал-майор (1915), с 1908 года — профессор Академии Генерального штаба. После Октябрьской революции перешел на сторону советской власти, служил в Управлении военных сообщений РККА. В 1918—1925 гг. — профессор Военно-инженерной академии РККА, одновременно участвовал в работе военно-исторической комиссии по ис-

ния об эмеритальной кассе. Проект положения в течение нескольких лет всесторонне и активно обсуждался, в том числе и в прессе. Было высказано немало критических замечаний и предложений по его совершенствованию. Прежде всего ставилась под сомнение целесообразность создания эмеритальной кассы, оспаривалась сама идея плодотворности этого органа для Военного министерства. В некоторых статьях, опубликованных в военной печати, высказывалось мнение о преимуществе сберегательных касс, когда все вложенные в кассу деньги да плюс проценты возвращались офицеру. Как другой путь обеспечения офицеров в старости рассматривалось страхование пожизненных пенсий частными обществами, куда офицер мог бы вносить часть своего жалования. Комитет, созданный для разработки положения об эмеритальной кассе, доказывал преимущества последнего по сравнению с другими способами улучшения пенсионного обеспечения офицеров и их семей, принятие которых, по их мнению, не дало бы значительного улучшения быта отставных военных.

Острой критике подверглись некоторые принципиальные установки положения о кассе. Особенно оспаривалось назначение пенсий лишь при выслуге не менее 25 лет. При увольнении

ранее этого срока пенсия не только не назначалась, но и произведенные офицерами взносы в кассу им не возвращались. Разработчики проекта положения считали выслугу в 25 лет основным принципом оказания помощи за счет средств эмеритальной кассы. Они исходили из того, что пенсии должны быть не очень малы, а чтобы этого достичь, пришлось установить 25-летнюю продолжительность военной службы, позволяющую накопить необходимый капитал. Этой же цели служило правило лишать уплатенных взносов тех, кто не дослужил до этого срока: комитет считал, что тот, кто увольнялся ранее 25 лет службы, мог еще трудиться и повышать свое материальное благосостояние. Невозвращенные из кассы взносы сравнительно молодых офицеров предусматривалось направлять на пенсионное обеспечение прослуживших установленный срок.

Второе правило, которое подверглось критике, — это установление размера пенсии не пропорционально количеству «платных лет». То есть за малое число лет нахождения в кассе пенсия назначалась в большем размере, чем причиталась бы при точно соответствующему количеству лет. Авторы положения считали, что выслуга в 25 лет и более — это основной фактор не только необходимости назначения пенсии, но и выпла-

ты такому офицеру солидной суммы, хотя по каким-либо причинам его членство в кассе было непродолжительным⁸.

Таким образом, во второй половине XIX столетия к пенсионному обеспечению военнослужащих и их семей помимо пенсий из государственной казны и инвалидного капитала добавился новый источник пенсионного обеспечения — капитал эмеритальной кассы, значительно улучшивший социальное положение отставных офицеров и их семей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Военный сборник. 1898. № 8. С. 487; Сборник приказов по военному ведомству за 1880 г. № 42.

² Военный сборник. 1898. № 8. С. 488.

³ Там же. 1864. № 11. С. 87.

⁴ Там же. 1887. № 10. С. 210.

⁵ Сборник приказов по военному ведомству за 1880 г. № 42.

⁶ В положении об эмеритальной кассе «членами семьи» считались только жена и дети. Другие родственники, даже проживающие вместе с участником кассы, не имели права на эмеритальную пенсию, за исключением матери, которой в некоторых случаях могла назначаться эта пенсия.

⁷ См.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. 1904. Т. XI. С. 729; Военный сборник. 1867. № 6. С. 107, 109.

⁸ Военный сборник. 1864. № 1. С. 120—145; № 4. С. 181—207; 1870 № 1. С. 105—133, 135—143.

Подполковник В.С. ЦАРИК

пользованию опыта Первой мировой войны (1919—1922) и комиссии по разработке уставов РККА (1922—1925). Внес заметный вклад в разработку тактики общевойскового боя, теории оперативного искусства. Умер 28 июня 1928 года.

24 октября 1897 года в Таганроге родился Кузьма Никитович Галицкий, генерал армии (1955), Герой Советского Союза (1945). В Красной армии — с 1918 года, участник Гражданской и Советско-финляндской войн. Во время Великой Отечественной войны — командир стрелковой дивизии, корпуса, заместитель командующего армией на Западном и Северо-Западном фронтах (июнь 1941 — март 1942). С сентября 1942 года — командующий 3-й ударной, а с ноября 1943 года и до конца войны — 11-й гвардейской армиями, последовательно входившими в состав войск Калининского, 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. Участвовал в приграничных сражениях 1941 года в Белоруссии, в Битве под Москвой, в Великолукской, Невельской, Городокской операциях 1942—1943 гг., в операциях по разгрому немецко-фашистских войск в Белоруссии (1944) и Восточной Пруссии (1945). После войны командовал войсками Особого (1945—1946), Прикарпатского (1946—1951) и Одесского (1951—1954) военных округов, Северной группой войск (1955—1958), войсками Закавказского военного округа (1958—1961). С 1962 года в отставке. Умер 14 марта 1973 года.

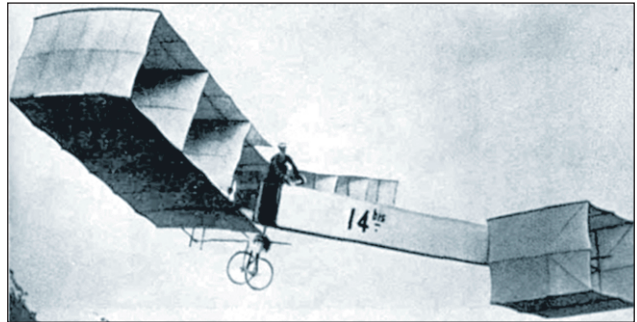
30 октября 1917 года в с. Молоково (ныне Молоковское р-на Тверской обл.) родился Николай Васильевич Огарков, Маршал Советского Союза (1977), Герой Советского Союза (1977). Участник Великой Отечественной войны, которую окончил в должности дивизионного инженера. После войны на различных должностях в штабах армий военных округов, с декабря 1965 года — командующий войсками Приволжского военного округа. С апреля 1968 — года первый заместитель начальника Генерального штаба ВС СССР, с марта 1974 года — заместитель министра обороны СССР, а с января 1977 года — начальник Генерального штаба Вооруженных сил — первый заместитель министра обороны СССР. С сентября 1984 года — главнокомандующий войсками Западного направления. В 1992 году назначен советником при Министерстве обороны РФ. Автор ряда военных трудов, председатель Главной редакционной комиссии «Советской военной энциклопедии». Умер 23 января 1994 года.

31 октября 1897 года издан императорский указ «О допущении по вольному найму в учреждения Морского ведомства лиц женского пола к работе по счетной и письменной части».

*Хронограф подготовлен
генерал-лейтенантом в отставке
Ю.А. ХВОРОСТЬЯНОВЫМ;
А.В. ОСТРОВСКИМ*

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МОРСКАЯ АВИАЦИЯ НАЧИНАЛАСЬ С АЭРОПЛАНА «АНТУАНЕТТ»

Одними из основателей авиации на Черноморском флоте и в морском ведомстве Российской Империи были офицеры-черноморцы Вячеслав Никанорович Кедрин¹ и Станислав Фаддеевич Дорожинский². Капитан 2 ранга В.Н. Кедрин, получивший университетское и военно-морское образование, самостоятельно освоивший воздухоплавание, исполнял обязанности начальника службы связи флота Черного моря и одновременно являлся председателем комитета Севастопольского аэроклуба³. Лейтенант С.Ф. Дорожинский в те годы заведовал Воздухоплавательным парком флота Черного моря⁴, история которого к тому времени насчитывала более десяти лет, а материальная база, состоявшая из воздушных шаров и змейковых аэростатов, была далеко не в лучшем состоянии. «Тихо и незаметно шла работа парка... и с трудом отстаивал он свое существование, на которое непрерывно покушались высшие чины морского ведомства, упорно отрицая значение воздухоплавания и во флоте, и вообще»⁵.

Аэропланы «Антуанетт»
1911 г.

ИМЕННО в такой неблагоприятной обстановке капитан 2 ранга В.Н. Кедрин, в подчинении которого находился Черноморский воздухоплавательный парк, обратился к командованию флота Черного моря с просьбой выделить средства на приобретение за границей аэроплана. Покупка была связана с большими сложностями не только по причине трудностей получения от флота «кругленькой» суммы денег, но и из-за ограниченного количества в мире летательных аппаратов тяжелее воздуха. Согласно статистическим данным, помещенным в журнале «Морской сборник», на 13 октября⁶ 1909 года в различных государствах мира насчитывалось 76 аэропланов (в России — всего лишь два) и несколько десятков самолетов находилось в постройке⁷.

Несмотря на многочисленные трудности, В.Н. Кедрин, получив поддержку главного командира Севастопольского порта вице-

адмирала И.Ф. Бострема, добился разрешения на приобретение за границей аэроплана для флота. Для этой цели во Францию, согласно предписанию начальника действующего флота Черного моря от 8 сентября 1909 года, был командирован лейтенант С.Ф. Дорожинский⁸.

Но приобрести самолет оказалось не таким простым делом. Французские предприятия были загружены многочисленными заказами, в первую очередь для французской армии. От Дорожинского или не принимали заказ, или предлагали длительный срок исполнения, который его не устраивал. В конце концов все же удалось наладить контакт с фирмой «Антуанетт»⁹, которая за 12 тыс. рублей, цена по тому времени весьма высокая, согласилась не только изготовить аэроплан, но и обучить С.Ф. Дорожинского летному мастерству¹⁰.

Третьего июля 1910 года Станислав Фаддеевич блестяще выдержал экзамены на звание пи-

лота-авиатора и получил диплом Международной авиационной федерации за № 125. Дорожинский стал пятым дипломированным летчиком Российской Империи, однако первым военным, причем не просто военным, а морским летчиком¹¹.

В начале сентября 1910 года моноплан «Антуанетт-4» в разобранном виде был доставлен в главную базу Черноморского флота — Севастополь. Несколько дней потребовалось на сборку и проверку аппарата на земле, полет был назначен на 29 сентября. В этот день на Куликовом поле, которое тогда было за чертой города, собралось огромное количество народа. Прибыл и начальник флота Черного моря вице-адмирал В.С. Сарнавский. Все ожидали нечто вроде чуда. Оно и произошло, правда, длилось не более 5 минут: взлетев и сделав два круга на высоте до 50 метров, Дорожинский приземлился. Так 29 сентября 1910 года стало днем первого в истории

русского флота полета на самолете, принадлежавшем Морскому министерству¹².

Затем полеты проводились почти ежедневно. 11 октября 1910 года Дорожинский поднялся в воздух с одним пассажиром, а 1 декабря — с двумя. Он поднимал аэроплан все выше и летал все дальше. Так, 6 декабря, взлетев в направлении на Херсонесский маяк, Дорожинский сделал поворот на Балаклаву, затем вернулся в район аэродрома и, убедившись в хорошей работе мотора, поднялся на высоту около 200 метров, пролетев над Южной бухтой, морским госпиталем, кораблями эскадры, и на высоте около 300 метров появился над Севастополем, пролетев над Нахимовским проспектом и Большой Морской. За этот смелый поступок группа граждан города поднесла лейтенанту Дорожинскому золотой памятный жетон, а вскоре за успехи в служебных делах он был пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени¹³.

В конце 1910 года в Севастополе была открыта Офицерская авиационная школа Отдела воздушного флота (ОВФ). Такое решение было продиктовано тем, что в Гатчинской воздухоплавательной школе под Санкт-Петербургом невозможно было осуществлять круглогодичную подготовку авиаторов.

Председателем совета школы назначили капитана 2 ранга В.Н. Кедрина, членами совета стали полковники М.М. Зеленский, С.А. Ульянин, подполковник А.З. Макутин, штабс-капитан Б.В. Матвеевич-Мацеевич, лейтенант Г.В. Пиотровский, поручики М.С. Комаров, Е.В. Руднев, делопроиз-

водитель А.В. Самойлов и первый русский дипломированный гражданский летчик М.Н. Ефимов.

Авиационный парк школы насчитывал 8 аэропланов: по два биплана «Фарман» и «Блерио XI 2 бис», два моноплана «Антуанетт», а также биплан «Соммер» и моноплан «Блерио»¹⁴. Отсутствие гидросамолетов хотя и являлось серьезным недостатком, но не стало препятствием для обучения летному делу флотских офицеров. Моряки учились летать на всех типах аэропланов авиационной школы, в том числе и на «Антуанеттах». Их дальнейшая судьба на Черноморском флоте сложилась следующим образом. Весной 1911 года В.Н. Кедрин подал рапорт на имя командующего флотом Черного моря, где высказал свои соображения по поводу создания в составе подчиненной ему службы связи авиационного отделения, на которое возлагалось бы ведение воздушной разведки вне видимости береговых постов, а также изложил основные положения о команде военно-морских летчиков Черноморского флота с обоснованием необходимого финансирования ее содержания. В итоге рапорт попал к морскому министру, который поддержал эти предложения¹⁵.

К тому времени в Севастопольской авиашколе имелось уже достаточное количество летательных аппаратов, поэтому Отделом воздушного флота было принято решение передать аэропланы «Антуанетт» № 1 и № 2 (заводские номера 204 и 206) в Воздухоплавательный (Черноморский) парк флота как непригодные для обучения¹⁶. Теперь всего на флоте было три таких крылатых машины. Флотское начальство приняло решение использовать самолеты «Антуанетт» для ведения воздушной разведки. Выполнять эти задачи пришлось возвратившимся на флот из Севастопольской авиашколы С.Ф. Дорожинскому и М.С. Комарову.

В июне 1911 года С.Ф. Дорожинский совершил 23 вылета, а в июле еще 26 полетов на моноплане «Антуанетт». Тогда же он предложил переоборудовать один из аэропланов «Антуанетт» в поплавковый вариант. Правда, опыт оказался неудачным. Позднее, в отчете Черноморского воздухоплавательного парка за 1911 год, заведующим парком поручиком М.С. Комаровым была сделана следующая запись: «В июне месяце были произведены опыты с аэропланом «Антуанетт» № 1 для взлета с воды, к аэроплану были приделаны поплавки, выделку которых взял на себя владелец столярного завода К.Э. Акстмот... По установке поплавков под аэропланом он был поставлен на воду и продержался на якоре всю ночь,

причем боковая остойчивость оказалась хорошей. По испытании боковой остойчивости было приступлено к испытанию продольной остойчивости на ходу, был пущен мотор, и аэроплан поплыл по воде, причем выяснилось: чем больше мотору давали оборотов, тем все более аэроплан зарывался передним поплавком в воду, на поверхности воды от вращения винта получалось разреженное пространство, вода небольшим воронкообразным столбиком направлялась вверх, подхватываемая винтом и рассеиваемая в пыль отбрасывалась на аэроплан, причем матерчатая наклейка концов винта отклеивалась и растрескивалась, почему приходилось прекращать действие винта. При разбеге по воде поплавки получали большое сопротивление движению, почему аэроплан получал малую скорость, недостаточную для взлета»¹⁷.

После убийства Дорожинского в очередную заграничную командировку, к полетам на черноморских «Антуанеттах» приступил Комаров, который за сентябрь—ноябрь 1911 года выполнил более 70 полетов¹⁸.

Все три колесных (сухопутных) самолета «Антуанетт» эксплуатировались черноморскими авиаторами до начала 1914 года, после чего они были списаны как выработавшие технический ресурс¹⁹.

Что касается гидросамолетов, то в Морском министерстве уже с 1911 года начали прорабатывать вопрос их приобретения. Вскоре они появились и на Черном море. «Прибытием в состав Черноморского флота летом 1912 года пяти гидроаэропланов было положено начало организации авиационного дела в морском ведомстве в целях применения его для боевой потребности флота»²⁰, — указывалось в докладе начальника Морского генерального штаба (МГШ) вице-адмирала А.А. Ливена от 18 января 1913 года в адрес морского министра адмирала И.К. Григоровича. Министр согласился с доводами начальника МГШ, написав на документе резолюцию «Согласен», тем самым узаконив приоритет создания морской авиации в морском ведомстве за черноморцами.

Некоторые исследователи считают основателями авиации в морском ведомстве России балтийцев²¹, но документы, отложившиеся в Российском государственном архиве Военно-морского флота, говорят об ошибочности таких утверждений²².

Что касается характеристики летной деятельности С.Ф. Дорожинского, то она несколько противоречива. Авиационная деятельность Станислава Фаддеевича исследователями отечественной морской авиации оценивает-

С.Ф. Дорожинский у аэроплана «Антуанетт»

1910 г.

В.Н. Кедрин
1910 г.

С.Ф. Дорожинский
1910 г.

ся в основном положительно. Так, после возвращения Дорожинского на Черноморский флот из второй командировки во Францию он был принят императором Николаем II, который вручил ему специально изготовленный ювелирной фирмой Фаберже платиново-золотой почетный нагрудный знак, что явилось официальным признанием выдающихся заслуг летчика в деле создания российской военно-морской авиации²³. Однако военно-морской летчик полковник в отставке А.М. Артемьев в своем труде «Морская авиация России» дает ему, как летчику, не совсем лестную характеристику. «Действительно, в мужестве Дорожинскому отказать трудно, но и неудачи его преследовали постоянно... Чтобы иметь более полное представление о летных навыках Дорожинского, обратимся к письму начальника школы авиации Отдела воздушного флота подполковника С.И. Одинцова морскому министру от 18 января 1912 года: «Близко зная всех летчиков морского ведомства, считаю, что ни поручик Комаров, совершенно не умеющий летать, ни лейтенант Дорожинский, слабо летающий, ни поручик Стаховский, также не имеющий достаточно опытности, ни капитан Александров не могут быть назначены начальниками отрядов». Это свидетельство того, что Одинцов не очень высоко оценивал профессионализм первых морских летчиков... Возможно, характеристика была не совсем объективной²⁴, — пишет ветеран авиации ВМФ.

Тем не менее Станислав Фаддеевич Дорожинский является первым военным и первым морским летчиком России, а также первым гидроавиатором нашей страны. И это нельзя не учитывать тем, кто занимается историей морской авиации России.

В 1912—1914 гг. отечественный Военно-морской флот стал ориентироваться уже исключительно на гидросамолеты, в чем и заключалось недопонимание руководством морского ведомства роли авиации берегового базирования в войне на море. И если в отношении Черноморского театра военных действий ориентировка на гидроаэропланы в большей степени в годы Первой мировой войны оправдалась, так как там преимущественно использовалась авиация корабельного базирования, то стремление балтийцев иметь в своем составе только гидросамолеты оказалось явной ошибкой, что особенно сказалось в кампании 1916 года, когда пришлось вести многочисленные воздушные бои с противником в балтийском небе за превосходство в воздухе на гидросамолетах М-9, плохо приспособленных для маневренного воздушного боя.

В итоге к началу Первой мировой войны морская авиация флота Черного моря представляла из себя в основном гидроавиацию. В соответствии с «Мобилизационной запиской Северного воздушного района службы связи Черного моря» от 31 июля 1914 года черноморская авиация к началу войны насчитывала в своем составе 16 летательных аппаратов тяжелее воздуха, в то время как всего в отечественной морской авиации насчитывалось 23 гидросамолета и самолета²⁵. Основу авиационного парка Морских сил Черного моря до начала войны составляли гидропланы американского производства «Кертисс».

В годы Первой мировой войны в черноморской авиации приоритет был отдан отечественным гидросамолетам и в первую очередь гидроаэропланам лодочного типа. Это произошло из-за возникших сложностей поступления авиационной техники из-

за границы, сознательного выбора в пользу мореходности у гидросамолетов и появившихся в России конкурентоспособных конструкторских бюро и авиазаводов, способных создавать соответствующие образцы отечественной морской авиатехники. Все значительные изменения в развитии авиационного вооружения и совершенствования бортового оборудования летательных аппаратов на Черноморском флоте произошло на гидросамолетах. Создание авианесущих кораблей значительно увеличило возможности использования морской авиации в интересах флота Черного моря и оказало определенное влияние на создание тактики морской авиации, в первую очередь как тактики корабельной авиации.

Но все это было позже, а тогда, в 1910—1911 годах, колесный моноплан французского производства «Антуанетт» сыграл свою историческую роль, став первым летательным аппаратом тяжелее воздуха в составе Российской императорского флота. Именно с сухопутного самолета «Антуанетт» берет свое начало славная история отечественной морской авиации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кедрин Вячеслав Никанорович (1869—1951) — капитан 1 ранга. Один из пионеров отечественной морской авиации, создатель и организатор морской авиации флота Черного моря. Основной разработчик первого официального документа отечественной морской авиации — Положения о службе авиации в службе связи (1914). Окончил Санкт-Петербургский университет (1892), Минный офицерский класс (1898), Артиллерийский курсы (1902) и Севастопольскую Офицерскую школу авиации ОВФ (1911). В декабре 1892 г. поступил вольноопределяющимся юнкером на Черноморский флот. Проходил службу в должностях командира роты 33-го Флотского экипажа, вахтенного начальника, ревизора и минного офицера на эскадренном броненосце «Синоп», крейсере первого ранга «Очаков», минных крейсерах «Казарский», «Гридень», эсминце «Жаркий», минном транспорте «Дунай», канонерских лодках «Уралец», «Донец», 2-го флагманского минного офицера штаба командующего практическим отрядом Черного моря, а с декабря 1907 г. возглавлял радиотелеграфную станцию в Севастополе. В 1908 г. назначен начальником наблюдательных постов и станций флота и портов Черного моря. С начала 1910 г. — первый начальник службы связи Черноморского флота (обязанности по этой должности исполнял до середины 1917 г.). В 1912 г. организовал на Черноморском флоте первое подразделение морской авиации России — команду военно-морских летчиков. В годы Первой мировой войны — с августа 1914 г. до марта 1915 г. — руководил черноморской авиацией. Награжден орденами Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 2-й степени с мечами, Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 3-й степе-

ни, французским орденом «Офицерский крест Почетного легиона», турецким орденом Муджири 4-й степени, медалями. В годы Гражданской войны служил в Белом флоте и в 1919—1920 гг. исполнял обязанности начальника службы связи Тихого океана. После 1920 г. выехал в США. Скончался в г. Санта-Барбара (штат Калифорния).

² **Дорожинский Станислав Фаддеевич** (1879—1960) — капитан 2 ранга. Первый дипломированный военный летчик России, первый морской авиатор и первый гидроавиатор отечественного военного флота. Окончил Морской кадетский корпус (1901), Учебный воздухоплавательный парк Военного ведомства (1904), Французскую авиационную школу (1910), Севастопольскую Офицерскую авиационную школу ОВФ (1911), Учебный отряд подводного плавания (1913). Учился в Александровской юридической академии, из которой, по причине болезни, был отчислен в 1908 г. С мая 1901 г. проходил службу на эскадренном броненосце «Синоп». В апреле 1904 г. назначен вахтенным начальником и производителем гидрографических работ на транспорте «Казбек». С июня 1908 г. — командир миноносца № 264. С октября 1908 г. по июль 1909 г. служил на линейном корабле «Святой Пантелеймон» и на транспорте «Березина». 17 июля 1909 г. возглавил воздухоплавательный парк флота Черного моря. В сентябре 1909 г. командирован в Париж для обучения летному делу. В июле 1910 г. завершил обучение в авиашколе Франции и стал первым отечественным военным летчиком. В годы Первой мировой войны участвовал в боевых действиях. В середине 1916 г. был назначен начальником Ботнического воздушного района службы связи Балтийского моря. С 1917 г. являлся начальником 2-й воздушной бригады воздушной дивизии Балтийского флота. В годы Гражданской войны служил в Белом флоте и был начальником Севастополь-

ского депо морских карт. В 1920 г. эмигрировал вместе с семьей из России. Проживал во Франции. Награжден орденами Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, медалями. Скончался в Ницце.

³ См.: Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 406. Оп. 9. Д. 1729. Л. 1, 2.

⁴ См.: РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 1186. Л. 2.

⁵ Воздухоплавательный парк Черноморского флота и его заведующий лейтенант С.Ф. Дорожинский // Севастопольский авиационный иллюстрированный журнал. 1910. № 1. С. 6.

⁶ Все даты в статье приведены по новому стилю.

⁷ См.: Морская хроника // Морской сборник. 1910. № 3. С. 16, 17.

⁸ См.: РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 1186. Л. 8.

⁹ Название самолета «Антуанетт» было дано в честь дочери главы фирмы — мадамзель Антуанетт Гастамбид. По проекту аэроплан «Антуанетт» имел монопланное крыло, длинный фюзеляж, крестообразное хвостовое оперение, толкающий винт и рули высоты. В августе 1909 г. пилотом Г. Латамом был поставлен рекорд для монопланов семейства «Антуанетт»: за 2 часа 13 минут он пролетел 155 километров. См.: *Соболев Д.А.* Рождение самолета: Первые проекты и конструкции. М.: Машиностроение, 1988. С. 150; *Он же.* История самолетов. Начальный период. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1995. С. 180.

¹⁰ См.: *Лаврентец В.И.* На заре русской авиации. М.: Центр, 2000. С. 77.

¹¹ Подробнее см.: *Герасимов В.Л.* Пионеры морской авиации // Морской сборник. 1991. № 8. С. 80—82; *Он же.* Первый военный летчик России // Ориентир. 2004. № 10. С. 58, 59; *Он же.* Отечественная морская авиация 1910—2005 гг. История и символика: Монография. Смоленск: Коллекция, 2006. С. 3, 5, 7;

Симоненко В.Г. Морские крылья Отечества. Историческая хроника. 1910—1917 годы. Севастополь: Издатель Кручинин Л.Ю., 2006. С. 24.

¹² См.: *Герасимов В.Л.* У истоков морской авиации России // Виктория — большой сбор. 2005. № 5. С. 33; *Герасимов В.Л.* Пионеры морской авиации // Морской сборник. 1991. № 8. С. 80.

¹³ См.: РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 1729. Л. 1.

¹⁴ См.: Воздухоплавательные аппараты школы авиации. Имущество школы // Севастопольский авиационный иллюстрированный журнал. 1910. № 1. С. 5.

¹⁵ См.: *Григорьев А.Б.* Альбатросы: Из истории гидроавиации. М.: Машиностроение, 1989. С. 28, 29.

¹⁶ См.: *Солодкий Т.С.* н их начиналось... // Аэромузей. 1991. № 1. С. 13.

¹⁷ Цит. по: *Григорьев А.Б.* Альбатросы: Из истории гидроавиации. М.: Машиностроение, 1989. С. 29.

¹⁸ См.: *Солодкий Т.* Указ. соч. С. 14.

¹⁹ См.: *Александров А.О.* Победы. Петери... Задачи, подразделения, начальствующий состав, летательные аппараты и вооружение морской авиации и воздухоплавания России, а также список побед и потерь с 1894-го по 1920 г. СПб., 2000. С. 33.

²⁰ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 47. Л. 50.

²¹ См., например: *Беляков А.И.* Санкт-Петербург, подаривший крылья России. СПб.: Издательство Буковского, 2003. С. 9.

²² См., например: РГА ВМФ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 14. Л. 155, 164.

²³ См.: *Симоненко В.Г.* Указ. соч. С. 31.

²⁴ *Артемьев А.М.* Морская авиация России. М.: Военное издательство, 1996. С. 21.

²⁵ См.: РГА ВМФ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 104. Л. 4.

**Полковник
В.Л. ГЕРАСИМОВ**

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИЗУЧАЮТ ВОЕННУЮ ИСТОРИЮ

Центр по изучению военной истории исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) был образован решением ученого совета факультета в марте 2003 года. Основная работа ведется на общественных началах силами студентов и сотрудников во внеурочное время. При центре работает студенческий поисковый отряд «Ингрия», образованный по инициативе студентов исторического и химического факультетов университета в марте 2000 года. В настоящее время в отряде насчитывается 27 человек, куда входят также студенты философского, физического, математического факультетов СПбГУ и студенты других вузов города. Отряд организует регулярные экспедиции (Вахты Памяти) на места боев (три в год, продолжительность 14 суток). Основным районом поиска является Кировский район Ленинградской области. Уже проведены 20 Вахт Памяти, в результате которых обнаружены останки 880 бойцов и командиров Красной армии с воинскими почестями погребены на военных мемориалах области. Найдено несколько десятков медальонов, 20 медалей, 1 орден, принадлежавших погибшим солдатам. Установлены фамилии павших воинов, выявлены их родственники. Благодаря регулярной помощи руководства университета отряд оснащен всем необходимым для

поиска и проживания в полевых условиях.

Один раз в два года центр проводит научные и научно-практические конференции — «Чтения по военной истории». В рамках «Чтений...» в апреле 2005 года прошла студенческая научно-практическая конференция «Великая Война — Великая Победа», посвященная 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. В ней приняли участие студенты Санкт-Петербурга, других регионов страны, а также ближнего зарубежья.

В апреле 2006 года центр провел конференцию «Битва за Ленинград: проблемы современных исследований». В декабре того же года в г. Тихвине состоялась научно-практическая конференция, посвященная 65-летию освобождения города от немецко-фашистских оккупантов. По материалам этих конференций планируется издать сборники статей.

Кроме того, центр занимается просветительской и педагогической деятельностью: организует экскурсии по местам боевой славы России, выступления перед студенческими и школьными аудиториями города, встречи с известными людьми (22 ноября 2004 г. в Петровском зале университета состоялась встреча с прославленным конструктором стрелкового автоматического оружия М.Т. Калашниковым), проводит традиционные лыжные походы, посвященные победе советских войск под Ленинградом, а также Дню защитника Отечества. Ежегодно в марте — апреле поисковый отряд «Ингрия» организует отчетные весенние фотовыставки по итогам прошедшего поискового сезона. Самые интересные из них: «Моя семья в годы Великой Отечественной войны», «Тебе с Россией вместе быть», посвященная военной славе России, «Из забвения...», приуроченная к очередной годовщине Победы.

Е.В. ИЛЬИН

«ПОСТОЯННО НУЖНО ИМЕТЬ ПОВЫШЕННЫЙ РЕЗЕРВ БОЕПРИПАСОВ»

О службе в Группе советских войск в Германии в 1966–1972 гг.

КАК-ТО я стал свидетелем разговора нового начальника ракетно-артиллерийского вооружения (РАВ) ГСВГ с командующим 2-й армией.

– Нужно выйти в указанный район – организуешь движение и выйдешь, – говорил Алексей Венедиктович Павленко молодому командарму. – Кончится горючее – возьмешь у противника. Оборвутся гусеницы у танков – починишь, перетянешь и как-нибудь доковыляешь. А вот если кончатся снаряды, то взять их будет неоткуда. Поэтому постоянно нужно иметь повышенный резерв боеприпасов. Командарм согласно кивал головой, полностью разделяя точку зрения бывалого вооруженца. Но легко сказать: «Иметь повышенный резерв боеприпасов». Создать же этот резерв ох как непросто!

Начать с того, что боеприпасы в войсках разложены «по полочкам», т.е. эшелонированы и содержатся в установленных нормах: при солдате (при орудии, в танке), в транспорте роты (батареи), батальона (дивизиона), полка и, наконец, в транспорте дивизии.

Чтобы решить задачу увеличения количества боеприпасов, нужно досконально знать войсковой организм и транспортные возможности. К примеру, в боеукладку танка больше одного боекомплекта не положишь. Солдат тоже на себе много не унесет. А вот при орудии запас снарядов можно увеличить вдвое, ведь теперь у артиллеристов мощные большегрузные тягачи. То же самое можно сказать и про роту. Известно, что в мотострелковой роте собственного автотранспорта нет, но зато ее личный состав совершает движение на бронетранспортерах. Вот здесь-то, в этом звене, и крылись не изученные пока резервы, так как бронетранспортеры в войсках повсеместно стояли порожняком, чем снижалась боеготовность подразделений и упускались их транспортные возможности.

Генерал Павленко с присущей ему энергией и целеустремленностью, знакомой мне по совместной службе еще в Киевском военном округе, принялся за решение многочисленных вопросов по наращиванию боеготовности войск, в том числе и за создание повышенных запасов боепитания. И начал он

именно с роты, т.е. с опытной загрузкой боеприпасов в бронетранспортеры.

– Вам поручается ответственное задание, – в один из дней сообщил мне начальник отдела, выполняя очередное указание начальника управления. – На Ютеборгском полигоне на базе 14-й гвардейской мотострелковой дивизии (мсд) провести опытную загрузку боеприпасов в бронетранспортеры всех типов и подготовить показательное занятие на эту тему.

Посылая меня на это задание, полковник Барковский убивал сразу двух зайцев: не отрывал от основной работы старших офицеров, а если бы я не справился, генералу Павленко можно было бы сказать, что, дескать, это же ваш бывший подчиненный, вы сами в свое время прислали его сюда. Однако работа оказалась интересной и крайне полезной для меня, так как позволила углубиться в самую гущу проблем пехоты, что потом мне очень пригодилось.

Уже за месяц до начала занятий я выехал в дивизию. К этому времени мне было присвоено очередное воинское звание инженер-майор, и я чувствовал себя более уверенно.

Открыв дверь кабинета начальника РАВ 14 мсд, я увидел расстеленную на полу во всю комнату схему загрузки боеприпасами автобата соединения. По схеме в буквальном смысле слова ползали на четвереньках подполковник и майор. При моем появлении первый из них приподнялся, демонстрируя свой высокий рост и добродушный взгляд голубых глаз из-под прямотакти сократовского лба.

– Подполковник Образцов, – назвал он себя, когда я представился ему и сообщил о цели своего приезда. – Вот ползаем по полу и уточняем «гармошку» загрузки автобата боеприпасами. Из-за неоднократных разгрузок все перепуталось, так что лучше весь транспорт сперва опустошить, а затем сделать новую упорядоченную загрузку.

Мы присели к столу, и я подробно доложил Образцову о предстоящей задаче. Хотя 14-я гвардейская и считалась «придворной», т.е. приближенной к штабу группы, причем ее один мотострелковый полк, так называемый королевский, стоял в самом Вюнсдорфе, хотя в дивизии привыкли к разным показам, тем не менее я полагал, что чем полнее и глубже начальник РАВ соединения пой-

мет замысел предстоящего занятия, тем инициативнее и охотнее он будет помогать мне – это ведь на его плечи ложилась дополнительная обуза.

– Технику мы начнем стягивать на полигон с завтрашнего дня, – сказал Образцов. – Несколько типов БТР подойдут и из других дивизий, указания даны. По всем вопросам прошу взаимодействовать с моим старшим помощником майором Коршуновым.

Майор Коршунов был тут же и внимательно слушал наш разговор.

Когда все организационные вопросы были утрясены, я полюбостествовал у подполковника Образцова: нет ли у него родства со знаменитым академиком.

– Да, это мой родной брат. Он – академик, а я – начальник вооружения. Бывает и такое, – улыбнулся он.

Через три дня все БТР были стянуты на полигон, и я расставил их вдоль длинной линейки по типам и по предназначению. С учетом интервалов и разрывов получилась шеренга длиной около ста метров.

В самый разгар расстановки приехал генерал Павленко. Я, еще издали увидев его высокую фигуру, поспешил ему навстречу, чтобы доложить о ходе подготовки занятия. Пройдясь вдоль шеренги бронетранспортеров, Алексей Венедиктович предупредил меня, что на этом занятии будут главком ГСВГ, командующие армиями и командиры дивизий, поэтому готовиться нужно очень тщательно. Я и сам понимал всю серьезность предстоящей задачи и добросовестно трудился на полигоне с утра до самого вечера.

Нужно сказать, что майор Коршунов хорошо помогал мне и безотказно выполнял все мои просьбы. Кроме того, в этом же гарнизоне стояла артиллерийская мастерская группового подчинения, которая также выполняла мои многочисленные просьбы по изготовлению подкладок, щитов, черчения схем и плакатов. После расстановки техники мы с Коршуновым начали саму укладку боеприпасов внутри БТР, используя для этого каждую нишу, каждую выемку, с тем чтобы ящики не мешали десанту. Прежде всего мы разграничили бортовые пулеметы и оружие десанта.

Удивительно, но на каждом типе БТР – разное количество патронных коробок к однотипным пулеметам. К примеру, на БТР-50П –

Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2006. № 10, 11; 2007. № 2, 7.

пять коробок общей емкостью 1250 винтовочных патронов, а на БТР-60ПА – их уже восемь общей емкостью 2000 патронов, и т.д.

Разобравшись с количеством коробок и пулеметных лент к бортовому оружию, мы перешли к вооружению десанта. Десант – это личный состав мотострелкового или пулеметного отделения, размещавшийся на БТР. Три дня ушло на раскладку боеприпасов внутри БТР, и когда все было готово, мы решили испытать загрузку вместе с десантом. Как условилось, с утра на полигон прибыл мотострелковый взвод с оружием и в полной экипировке. При виде солдат, навьюченных вещмешками, химвашиной, лопатками и оружием, я засомневался, что отделение вообще может разместиться в БТР. Тем не менее я разъяснил командиру взвода задачу и попросил подсказать, как лучше разместить и солдат, и ящики с боеприпасами. Командир взвода задачу понял и дал команду одному отделению на посадку в БТР. Когда солдаты расселись по местам, стали смотреть, что же получилось.

Одно дело загружать пустой БТР, а другое – с десантом: некоторые ящики выпирали и мешали солдатам, другие упирались им в спины или мешали ногам.

– Ехать на этом БТР – вам, – сказал я солдатам. – Вот и положите ящики с боеприпасами так, как вам удобнее.

Солдаты – сообразительный народ, сразу смекнули, в чем дело, и стали перекаладывать ящики с патронами и гранатами по-своему, как им сподручнее. К примеру, на БТР-60ПБ в нишу за задним сидением вошли два ящика гранатометных выстрелов да еще осталась небольшая промежутки, в середине которого поместился ящик с патронами, правда, несколько выступающий наверх. Но после переукладки, смотрую, эта самая выпирающая емкость вдруг оказалась смещенной.

– Почему вы переместили ящик на край? – заинтересовался я.

– Чтобы тут было удобнее спать, коль выпадет отдых, – услышал мудрый житейский солдатский ответ.

Часть ящиков все же никак не находила своего места, и их пришлось убрать. Когда все емкости с боеприпасами окончательно были уложены, я зафиксировал их размещение и размещение солдат на черновых схемах по каждому типу БТР. Получалось, что в бронетранспортер можно безболезненно загрузить 2–3 боекомплекта патронов и гранат на наличное вооружение.

Время за работой промелькнуло очень быстро, а нам оставалось еще произвести загрузку противотанкового взвода и решить вопрос со снаряжением пустых пулеметных коробок. Дело в

том, что, к примеру, на БТР-60ПБ были снаряжены только три коробки из восьми к пулемету ПКМБ. Остальные шесть снаряжались по полной готовности, для чего требовалось почти два ящика патронов. И так – ко всем пулеметам. Вот эти-то ящики, предназначенные для снаряжения коробок в особый период, мы решили положить на видное место, чтобы пехота в суматохе не забыла снарядить пустые пулеметные ленты.

Вооруженцы все эти «мелочи» должны четко знать и жестко контролировать, особенно в начальный период боевых действий, когда войска еще не отвыкли от мирной психологии. Забегая вперед хочу отметить, что именно снаряжением пулеметных лент мне пришлось заниматься в Афганистане в начальный период боевых действий, когда один из батальонов собрался на операцию с пустыми коробками.

Вечером я отнес в артиллерийскую мастерскую черновики схем, по которым чертежники принялись рисовать метровые плакаты. Здесь же одновременно изготавливались и щиты под эти плакаты.

На следующий день мы с майором Коршуновым занялись противотанковым взводом, на вооружении которого значились четыре комплекса ПТУРС и четыре гранатомета СПГ-9. Мы прикидывали и так и этак, чтобы разместить в двух бронетранспортерах и громоздкие ящики с оружием, и боеприпасы к нему.

Тогда-то появился генерал Павленко.

– Каждое отделение противотанкового взвода должно быть универсальным, – заметил он, осмотрев укладку. – Подобьют один БТР – на другом должны быть и ПТУРС, и СПГ-9.

Что тут скажешь? Мыковырялись, не думая об этом, а Алексей Венедиктович, принимая свое решение, исходил прежде всего из условий боя. Это дается только опытному вооруженцу, и пехота с благодарностью приняла умные подсказки.

– Нужно сделать выкладку боеприпасов и снаружи БТР, – сказал генерал, – чтобы наглядно было видно, сколько патронов и гранат мы разместили внутри.

Делать нечего, пришлось выкаладывать ящики с боеприпасами и снаружи БТР. Для этого я заказал в мастерской специальные подкладки, выкрашенные в желтый цвет, которые хорошо гармонировали с зелеными ящиками. Наконец все было готово, и дня за три до занятий опять приехал генерал Павленко.

– А как же участники занятия смогут осмотреть укладку боеприпасов внутри БТР? – спросил он.

– Вскрабакаются, – неуверенно предположил я.

– Как это вскрабакаются! – возмутился Алексей Венедиктович. – На занятиях будут присутствовать, как я уже предупреждал, главком, командармы, комдивы. Что же, по-вашему, они должны карабкаться? Садитесь в машину, едем в мастерскую. Нужно срочно изготовить подставку.

В мастерской генерал взял лист ватмана и принялся чертить эскиз подставки. Рука у него твердая, линии без всякой линейки получаются ровные, красивые. Я сидел в сторонке, соблюдая золотое правило: начальник работает – не мешай, начальник отдыхает – помогай.

– Чтобы завтра подставки были готовы! – Он протянул мне готовый чертеж подставки с детализацией и всеми размерами. – И вот еще что, – добавил, уже садясь в машину. – Нужно испытать загруженные БТР на плаву.

Эта неожиданная «вводная» смутила меня. Что означает «испытать БТР на плаву»? Это значит, что опять нужно делать загрузку дополнительного БТР, сажать в него солдат и... плавать.

– Ничего страшного, – успокоил меня майор Коршунов. – Завтра возьмем солдат и технику и испытываем. Здесь, на полигоне, есть большое озеро, так что далеко ехать не нужно.

Действительно, на следующий день все было готово, и мы начали плавать. Испытание прошло успешно: центровка не нарушена, БТР на воде с полной загрузкой держался устойчиво.

Наконец наступил долгожданный день занятия. На полигоне собрались человек триста командного состава, которых распределили на несколько групп. Первой, где находился главком, докладывал сам генерал Павленко, а мне и прибывшему нам на помощь майору Опалеву следовало давать пояснения и отвечать на вопросы остальных участников занятия. К моему разочарованию, все, к чему так напряженно и долго готовились, закончилось в течение какого-нибудь часа. Некоторые же участники так и вовсе пробежали мимо подготовленных объектов, не вникая, как показало, в суть дела. А я ведь потратил на это целый месяц.

Однако генерал Павленко остался очень доволен занятием. Уезжая вечером с полигона, он посадил нас с Опалевым в свою «Волгу».

– Мы приблизили боеприпасы к бойцу, создали повышенные запасы патронов и гранат в роте – самом ответственном звене, – рассуждал он, излагая нам, видно, не однажды выверенную мысль. – При этом не сковали этими запасами маневренность войск, так как оптимально использовали грузоподъемность БТР. Вот и главком утвердил схемы загрузки. Теперь нам остается лишь издать соответствующую директиву войскам и контролировать ее выполнение.

Хорошее настроение начальника передалось и нам, мы сидели с Опалевым и поддакивали. За разговором незаметно доехали до Вюндорфа и после месячной командировки я наконец очутился дома. Но расслабиться не удалось.

На следующий день лишь только я, придя в отдел и взяв два своих больших чемодана с документами, успел зарегистрировать и разложить по папкам секретную почту, как позвонил дежурный.

– Вас вызывает генерал, – передал он.

– Нужно срочно размножить в уменьшенном виде схемы размещения боеприпасов и личного состава в бронетранспортерах, показанные вчера на занятиях, – поставил мне задачу Алексей Венедиктович. – Помогут вам в этом топографы, с ними я договорился.

Делать нечего, исполнил самые срочные бумаги, принялся за кропотливую чертежную работу.

Я, конечно, старался, но когда с готовыми схемами пришел в топотдел, оценку своего труда получил неожиданную:

– Ах ты, разбойник, ах ты, бандит, – напустился на меня полусушня, но с долей профессиональной обиды высокий стройный подполковник из топотдела, просмотрев мои схемы. – Почему не проработал уголки? Тебя чему учили в академии? Иди доработай схемы, а потом будем разговаривать.

Вскоре мои схемы были готовы и разошлись по войскам, и мне, встречаясь с ними в полках и в дивизиях, приятно было сознавать свое авторство.

В августе начальник управления решил познакомиться с нашими складами боеприпасов, остановив свой выбор на групповом складе Мокрена. Этот объект отличался от других тем, что был разделен на две половины: одна часть принадлежала нам, другая – Народной армии ГДР. После осмотра нашего хозяйства генерал решил ознакомиться и с немецкой стороной. Сравнение по некоторым пунктам было явно не в нашу пользу. Нашим складом командовал подполковник Ищенко, у немцев – капитан; у капитана должностной оклад оказался больше, чем у подполковника; у гэдээровского начальника имелись служебная машина типа нашего газика для обиходных поездок и «представительская» – «Вартбург»; средств капитану отпущено достаточно, чтобы содержать складское хозяйство в образцовом состоянии, подполковник вынужден был «скарденничать». Резко отличалось от нашего на немецком складе и хранение находившегося здесь, кроме боеприпасов, стрелкового оружия. Каждый автомат лежал в «персональной» пенопластовой коробке в полном комплекте в специальном гнезде. Такой способ хранения привел генерала в восторг:

– Вот это мобилизационная готовность! – восхищался он. – Быстро выдал автомат – и все дела, тем более что номер автомата проставлен снаружи упаковки.

Прошло некоторое время, и генерал Павленко принял теперь уже за боеукладку танков.

– Патроны образца 1943 года, гранаты Ф-1 и пиротехнические средства по нормам боекомплекта нужно хранить в каждом танке в специальной гермоупорке, – наставлял он нас. – Для этих целей сначала нужно изготовить макет этой гермоупорки, а дальше будет видно.

Вскоре макет гермоупорки, изготовленный по его инициативе из прозрачного плексигласа и полностью снаряженный учебными боеприпасами, был выставлен на всеобщее обозрение. Он получился кубической формы, представляя собой ящик с размером ребра около 25 сантиметров. Внутри при помощи арматуры и специальных перегородок плотно уложены десять гранат Ф-1 в комплекте с запалами к ним; сто двадцать 7,62-мм патронов и 12 патронов к 26-мм сигнальному пистолету разных огней. Генерал остался доволен макетом.

– Но прежде чем двигаться дальше, то есть ставить эту гермоупорку на поток, – сказал он, – этот вопрос нужно согласовать с ГРАУ. – Остановившись взглядом на мне, добавил: – Поедете в Москву, отвезете туда макет, а заодно захватите и пенопластовую упаковку к автомату, что мы взяли у немцев. Пусть посмотрят.

В Москве не все наши идеи поддержали, но основное, чего мы добились, это того, что Главное ракетно-артиллерийское управление не возражало против гермоупорки. Такое известие очень обрадовало генерала Павленко. Остальное уже зависело от его предприимчивости. На заводах Германии немцы вскоре изготовили по нашей заявке необходимое количество жестяных коробок с крышками и внутренней арматурой, так что нам оставалось только снаряжать их, герметизировать, пломбировать и по мере готовности отправлять в войска. Вся эта работа была поручена складу боеприпасов в Топхине под руководством капитана Фролова. Месяца три Владимир Яковлевич трудился над снаряжением этих коробок, зато проблема была снята, и теперь в каждом танке был полный боекомплект боеприпасов.

Через некоторое время главнокомандующий приказал провести инспекцию отдельных танковых полков и батальонов прикрытия границы. Задача этих частей состояла в том, чтобы по тревоге выйти к границе и стать вдоль нее цепочкой, так, чтобы получилась шеренга танков, отстоящих друг от друга на 50–100 метров.

Для инспекции была назначена комиссия в составе оператора, танкиста, вооруженца, автомобилиста и мобработника. Возглавлял комиссию полковник-оператор, а от нашего управления назначили меня. Нужно сказать, что для этих частей прикрытия госграницы было установлено пять боекомплектов снарядов, поэтому мне нужно было проверить фактическое их наличие, состояние и условия хранения. Оператор проверял секретные позиции танков, пути выхода к ним, сектора обстрела и т.д., танкист, естественно, занимался танками, а автомобилист смотрел, можно ли наличным транспортом по тревоге поднять запасы боеприпасов и выложить их на грунт на позициях. По замыслу танки с этих позиций никуда двигаться не должны.

Начали мы с севера Германии и, постепенно продвигаясь на юг, поочередно инспектировали танкистов. Процедура проверки шла по одной и той же схеме: заслушивание командира, изучение документов и учетных данных, проверка фактического положения дел и краткое подведение итогов.

В частях прикрытия госграницы я впервые увидел танки, побывавшие неоднократно в бою: на броне видны вмятины и шрамы от прямых попаданий снарядов, на броневых листах наплывы и подтеки спешной сварки. Эти танки-ветераны, танки-воины резко отличались своим внешним видом от наших «мирных» — ухоженных и «вылизанных» машин, и я иногда подолгу стоял перед ними, пытаясь мысленно представить тот огненный ад, через который они прошли.

Проверку танкистов мы закончили почти через месяц.

Осенью прошла очередная замена офицеров, и в наше управление прибыли из Киева много моих бывших сослуживцев: начальник 2-го отдела полковник Григорий Алексеевич Горобцов и старшие офицеры подполковники Филипп Константинович Константинов, Борис Никитович Алехин, Георгий Владимирович Ренке, Виктор Григорьевич Папиренко, а также старшие офицеры 4-го и 7-го отделов подполковники Иван Фомич Саенко и Леонид Сергеевич Сумников. В связи с этим у меня опять появилась теплившаяся давно надежда перейти во 2-й отдел и заниматься там более знакомым мне делом – ракетами «земля-земля». Однажды я с такой просьбой напрямую обратился к полковнику Горобцову. Он не отказал, но ничего и не пообещал, так что я продолжал трудиться в 6-м отделе.

*Полковник в отставке
А. П. ПАВЛОВ*

КУРСКИЕ ПОИСКОВИКИ ПРОДОЛЖАЮТ УСТАНОВЛИВАТЬ ИМЕНА ПОГИБШИХ ЗЕМЛЯКОВ

ВОЙН без пленных не бывает: истина, подтвержденная тысячелетиями человеческой истории. Как известно, И.В. Сталин не был с этим согласен. Так, в СССР еще перед войной появилась установка, отраженная в Уголовном кодексе РСФСР 1938 года, что за сдачу в плен врагу, не вызывавшую боевой обстановкой, предусматривалась высшая мера наказания — расстрел с конфискацией имущества¹.

С началом Великой Отечественной войны юридические формулировки в отношении советских военнослужащих, попавших в плен, были ужесточены приказом № 270 от 16 августа 1941 года, который требовал «железной рукой карать» не только военнослужащих, попавших в плен и оставшихся в живых, но и членов их семей². Между тем в плен, по немецким данным, попали 5 млн 734 тыс. 528 советских военнослужащих³ (на 1 февраля 1945 г.), из них 3,3 млн погибли — 57 проц. от общего числа пленных советских солдат и офицеров. Для сравнения: из числа военнопленных наших западных союзников погибли только 4 проц. Правда, многие отечественные военные историки находят это число завышенным, считая, что за годы войны в плен попали 4 млн 59 тыс. советских военнослужащих и от 500 тыс. до 1 млн военнообязанных и призывников, захваченных противником в пути следования, т.е. до того, как они стали солдатами. Из этого количества примерно 1 млн 200 тыс. погибли в плену⁴. Сообщение Чрезвычайной Госкомиссии СССР о гибели в плену 3,8 млн человек, сделанное на Нюрнбергском процессе, по уточненным впоследствии данным, включало в себя не только военнослужащих, но и гражданских лиц, которых фашисты в нарушение международных правовых норм содержали в лагерях военнопленных, концлагерях и зверски уничтожали вместе с частью военнопленных⁵.

При этом долгое время существовало мнение, что, особенно в 1941—1942 гг., большая часть советских военнопленных немецкими военными властями не регистрировалась, следовательно, смерть многих из них не была зафиксирована документально⁶: их просто зарывали в общих могилах. Это, кстати, подтверждается целым рядом документов. Так, в

«Распоряжении об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных» от 8 сентября 1941 года говорилось: «Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии. Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле в духе разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом привита ему в кровь и плоть. Он ведет ее всеми имеющимися в его распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами. Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение как с честным солдатом, в соответствии с Женевским соглашением»⁷.

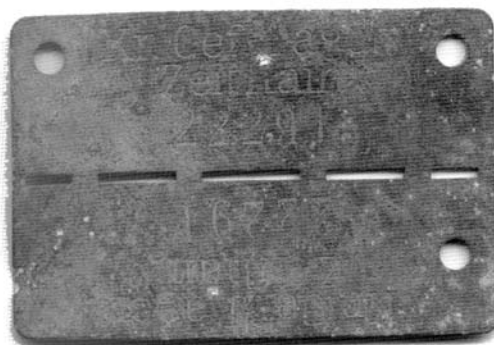
Особые команды СС с согласия военного командования бесконтрольно уничтожали советских военнопленных в лагерях, располагавшихся в районах военных действий. Особой секретной директивой главной ставки фюрера от 12 мая 1941 года «Об обращении с захваченными в плен политическими и военными русскими руководящими работниками» и другими приказами предписывалось уничтожение всех партийных и советских работников, евреев, всех, кто мог представлять потенциальную угрозу «Великой Германии». Политические руководители в войсках (комиссары) не считались пленными и должны были уничтожаться самое позднее в транзитных лагерях и ни в коем случае не эвакуироваться в немецкий тыл⁸.

Отметим, что у советского правительства была возможность облегчить участь красноармейцев, попавших в немецкий плен. Но СССР, начиная с 1941 года, отвергал все попытки Международного Красного Креста (МКК) помочь советским пленным, и в 1943 году вообще прекратил с ним отношения. Это полностью развязало руки СС, СД и гестапо: счет погибшим в лагерях советским военнопленным пошел на миллионы⁹. Однако все ли они, как ранее счи-

талось, исчезли с лица земли бесследно?

СОСЕНИ 1999 года в Германии начался важный этап в изучении судеб советских военнопленных. После большой подготовительной работы на заседании «Совместной германо-российской комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений» было принято решение поддержать проект «Советские и немецкие военнопленные и интернированные. Изучение истории Второй мировой войны и послевоенного периода». Данная работа проводится по поручению федерального правительства Германии, которое совместно с правительствами земель Саксония, Нижняя Саксония, Северный Рейн-Вестфалия и при поддержке Народного Союза Германии по уходу за военными могилами реализует и финансирует этот проект¹⁰. Объединение Саксонские мемориалы, Центр документации (г. Дрезден) с 1999 года осуществляют общее руководство проектом, основная цель которого — установление судеб советских военнопленных, находившихся в лагерях на территории рейха, и передача их родственникам сведений о жизни этих людей и местах их захоронения. Откуда же исполнители проекта могут получить подобную информацию? Вопреки бытующему мнению, выяснилось, что практически все советские военнопленные, по крайней мере те из них, которые были доставлены на территорию немецкого рейха, а скорее всего и большинство тех, кто находился в

**Опознавательный жетон № 22291
неизвестного советского военнопленного
Цайтхайн, 1941 г.**

В апреле 2004 года в Москве состоялась презентация второй книги по этой проблеме с названием «Во имя живых помнить о погибших», где речь идет об уже осуществленном проекте по установлению судеб советских офицеров, а также о начатой работе с карточками на солдат и сержантов.

В результате работы по второму проекту в апреле 2005 года вышел двухтомник «Цайтхайн — Книга Памяти советских военнопленных», в котором указаны имена более 5000 военнопленных, умерших в лагере Цайтхайн в Саксонии²¹.

Персональные карточки более чем на 700 тыс. человек, возвратившихся из германского плена, были переданы в архив Министерства государственной безопасности СССР. Эти документы после окончания проверки рассылались в региональные управления МГБ по местам проживания возвратившихся из плена военнослужащих. В настоящее время более 380 тыс. карточек хранятся в 24 территориальных органах Федеральной службы безопасности РФ.

В мае 2002 года федеральный министр внутренних дел Германии О. Шили обратился к ФСБ России с предложением о проведении совместной работы с объединением Саксонские мемориалы по установлению судеб советских военнопленных, содержащихся в годы войны на территории Германии. Проект был поддержан, и архивисты ФСБ приступили к практической работе. Следующим шагом стало подписание в январе 2003 года рабочего договора между российской корпорацией «Электронный архив» и объединением Саксонские мемориалы. В соответствии с взятыми по договору обязательствами эта компания проводит скани-

рование карточек, предоставляемых Управлением регистрации и архивных фондов ФСБ России, и формирует банк данных на советских военнопленных²².

Участникам проекта «Советские и немецкие военнопленные и интернированные» предстоит выяснить судьбы миллионов советских военнопленных. Они также ведут работу в России, Украине и Беларуси по выяснению судеб около 4 млн военнопленных и интернированных немцев, находившихся на территории Советского Союза. А ведь из них тоже далеко не все вернулись домой.

По выяснению судеб и мест захоронений советских военнопленных в Германии с 1996 года работает группа российских и немецких специалистов. При этом используются документы Центрального архива Минобороны РФ, Центрального архива ФСБ РФ, Центрального архива КГБ Республики Беларусь, архива Службы безопасности Украины²³.

В базу данных занесена информация более чем на 480 тыс. советских военнопленных со сканированными документальными приложениями. Будем надеяться, что в скором будущем вся информация по погибшим на фронтах и в плену будет объединена в единую базу данных.

В феврале 2006 года представитель Народного Союза Германии по уходу за военными могилами В. Штроек передал администрации Курской области списки, полученные от объединения Саксонские мемориалы, на 4000 курян, погибших в фашистском плену. Благодаря этому в курской Книге Памяти удалось исправить данные на 1100 человек и найти родственников 109 погибших воинов²⁴.

В сентябре 2006 года в Курске прошла международная встреча ветеранов Второй мировой войны, в которой приняли участие ветераны из России, Беларуси, Украины и Германии, курские поисковики, представители Народного Союза Германии и объединения Саксонские мемориалы. В рамках встречи прошли семинар «Примирение: поиск взаимопонимания» и вручение копий архивных документов 51 семье погибших военнопленных²⁵.

На сегодняшний день центром «Поиск» установлено место дислокации в 1941—1943 гг. 33 лагерей советских военнопленных на территории нынешней Курской области²⁶. Хроника событий такова. В июне 1994 года в г. Курске, на ул. Пирогова, на месте лагеря военнопленных объединением поисковиков «Долг Родины» были найдены останки 7 человек²⁷. Через год экспедиция отряда «Поверка» (г. Курчатова) в д. Халино Курского района, где пленные обслуживали немецкий аэродром, обнаружила останки 15 человек и один металлический медальон STALAG 308 (VIII E) № 59496 (ныне он хранится в областном краеведческом музее). 15 июня 1995 года на территории воинской части в д. Халино состоялось захоронение останков со всеми воинскими почестями²⁸. Затем поисковым отрядом «Пограничник» (г. Щигры) были проведены экспедиции на территорию Пригородненской школы (там в годы войны находился лагерь), где удалось обнаружить останки 17 военнопленных. Позже их перезахоронили в с. Пригороднем Щигровского района на мемориале «Скорбящая мать»²⁹.

Летом 2002 года поисковым отрядом ассоциации «Военные ме-

Раздача баланды

Фотокопия с рисунка А.В. ПАХОМОВА

Больные военнопленные на земляных работах на территории лагеря № 304

Зарисовка с натуры бывшего военнопленного А.В. ПАХОМОВА

мориалы» (г. Москва) на месте лагеря «DU-LAG-231» (по архивным данным ФСБ) в Касторненском районе были найдены останки 24 военнопленных, позже переданных для захоронения Центру «Поиск».

В тех же местах 3—18 июля 2003 года и 5—28 июля 2004 года были проведены две Всероссийские Вахты Памяти, в которых, кроме курских поисковиков, приняли участие коллеги из Астрахани, Нижнего Новгорода, Москвы, Свердловской области. Удалось обнаружить и эксгумировать останки еще 222 военнопленных, которых перезахоронили в п. Касторное (198 человек) и в п. Новокасторное (48 человек)³⁰.

За три года работ в Касторненском районе были найдены 5 металлических медальонов с номерами DL 171 № 1024, 1113, 1145 (два медальона оказались сильно поврежденными).

В марте 1990 года при возведении гаражей в Курске по улице Кавказской строители обнаружили останки людей. Позже поисковиками клуба «Военная археология» г. Курска в этих местах проводились пробные раскопы, в ходе которых было найдено большое количество человеческих останков³¹. В результате опроса местного населения, изучения архивных данных и проведенных поисковых работ выяснилось, что в Знаменской роще в период оккупации города производились расстрелы мирных жителей, в том числе детей, военнопленных и ополченцев, содержащихся в лагерях в районе Ближних и Дальних парков³². Здесь же в 1941—1943 гг. хоронили военнопленных, умерших в госпиталях. На сегодняшний день известны фамилии десяти из них³³.

В июле—августе 2005 года и в июле 2006 года в рамках проведения Вахт Памяти поисковики работали на территории г. Курска. В Знаменской роще были эксгумированы останки 2218 человек, а в 4-м военном городке, где был лагерь, — 81 человека. Нашли также три металлических медальона с номерами STALAG 308 (VIII E) № 58591 и № 60107 (третий медальон требует экспертизы). В д. Халино Курского района были обнаружены останки 87 человек и 12 медальонов (номера STALAG 308 (VIII E) № 58478, 58891, 58975, 59662, 61154, 61410, 61459, 61698, 61775, 62419, остальные прочитать не удалось). По этим материалам 16 июля 2006 года в 4-м военном городке, на месте лагеря военнопленных, была торжественно открыта мемориальная доска. 22 августа 2005 года и 22 августа 2006 года все найденные останки были захоронены³⁴ на мемориале в парке г. Курска «Соловьиная роща».

В результате архивного поиска удалось выяснить, что регистрация многих военнопленных прово-

дилась зачастую не после отправки в пределы третьего рейха, а уже в лагерях, созданных на оккупированных территориях. Так, по медальонам удалось установить, что в 4-м военном городке располагался немецкий стационарный лагерь STALAG № 308 (VIII E), а в д. Халино — его филиал. Но по литературе известно, что лагерь с таким номером находился в Нойхаммере, в Нижней Силезии (ныне Свентошув в Польше)³⁵. Вполне возможно, часть лагерной администрации Нойхаммера была командирована для создания лагеря военнопленных в Курске и привезла с собой медальоны своего лагеря. Известны также факты, что вновь прибывшим в лагерь присваивались номера, которые имели погибшие ранее узники. Так, в декабре 1943 года в отделение лагеря в Освенциме — Биркенау были помещены 12 тыс. советских военнопленных. Когда они умерли, присвоенные им номера от № 1 до 12 000 вместо погибших получили другие военнопленные³⁶.

Таким образом, курские поисковики совместно с соответствующими организациями Германии проделали значительную работу по увековечению памяти военнопленных, погибших на территории области, установили новые места захоронений военнопленных в Курске, Поньрях, Касторном и других местах. Российско-германское сотрудничество в этом направлении продолжается.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ерин М. Российские историки о судьбе советских военнопленных в нацистской Германии // Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны. Дрезден — Минск, 2004. С. 23.

² Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 15. Л. 4.

³ Штрайт К. Солдатами их не считали. Вермахт и советские военнопленные. 1941—1945. М.: Прогресс, 1979. С. 5—7, 86, 99, 104; Дугас А., Черон Ф. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994. С. 399—402.

⁴ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях, военных конфликтах. Статистическое исследование / Под ред. Г. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. С. 338, 339.

⁵ Гарева М. О. мифах старых и новых // Воен.-истор. журнал. 1991. № 4. С. 48.

⁶ Мюллер К.-Д. У истории есть лицо // Во имя живых помнить о погибших. Дрезден, 2003. С. 24.

⁷ Иванович К. «Существовавшие до сих пор правила... отменяются» // Воен.-истор. журнал. 1991. № 11. С. 38, 41.

⁸ СС в действии. Документы о преступлениях СС. М.: Прогресс, 1969. С. 510, 511.

⁹ Косенко О. Советские военнопленные в Германии. 1941—1945 гг. // Воен.-истор. журнал. 2006. № 7. С. 23.

¹⁰ Вайсс К. Достоинство человека неприкосновенно // Во имя живых... С. 8.

¹¹ Мюллер К.-Д. Совместные стремления Германии и России выяснить судьбы своих военнопленных // Книга памяти умерших

советских военнопленных. Кладбище Хаммельбург. Бавария. Кассель, 2002. С. 11, 12.

¹² Отто Р. Советские военнопленные в немецком плену — забытая история // Советские и немецкие военнопленные... С. 95.

¹³ Максимова Э. У могил войны. Непраздничные заметки накануне 9 мая // Известия. 1999. 7 мая.

¹⁴ Овчинников В., Чувашин С. Это нужно живым // Книга памяти умерших советских военнопленных... С. 17, 18.

¹⁵ Казакова Е. Электронная база данных «Советские военнопленные»: новые возможности исследования // Советские и немецкие военнопленные... С. 127.

¹⁶ Максимова Э. Мы узнаем, как звали неизвестных солдат. Проект, оплаченный Министерством культуры ФРГ, начал осуществляться // Известия. 2000. 23 сентября.

¹⁷ Книга памяти умерших советских военнопленных. Кладбище Хаммельбург. Бавария. Кассель, 2002. 152 с.

¹⁸ Овчаренко Е. Канцлер Федеративной Республики Германии дарит нашему Президенту книгу // Комсомольская правда. 2002. 11 апреля.

¹⁹ Цуканов И. Читая Книгу Памяти // Курский край. 2002. № 7—8. С. 36—42; Книга Памяти Курской области. Т. 14. Курс: ФГУИПП «Курск», 2003. С. 10—34, 256.

²⁰ Мюллер К.-Д. У истории есть лицо // Во имя живых... С. 32.

²¹ Цайтхайн — Книга Памяти советских военнопленных: В 2 т. Дрезден, 2005.

²² Христофоров В. Молчаливые свидетели трагедии войны // Во имя живых... С. 12—15.

²³ Советские воинские захоронения в Германии. Кассель, 2006. С. 7, 8.

²⁴ См., напр.: Александрова В. Один из трех тысяч // Городские известия. 2006. 21 февраля; Сафоненко Н. Советским военнопленным возвращаются имена // Хорошие новости. 2006. 9 мая; Пусть возвратятся имена // Курская правда. 2006. 18 мая; Сафоненко Н. Установлена судьба пропавшего без вести куриянина // Хорошие новости. 2007. 20 марта.

²⁵ Встречаются ветераны четырех государств // Городские известия. 2006. 23 сентября; Славяне и немцы зла не помнят // Курская правда. 2006. 27 сентября.

²⁶ Цуканов И. Военнопленные в Курской области // Курский край. 2006. № 7—8. С. 39—42.

²⁷ ГАОПИКО. Ф. 5560. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

²⁸ Там же. Д. 28. Л. 1—3; Д. 32. Л. 4—6.

²⁹ Там же. Д. 31. Л. 34, 44; Д. 37. Л. 1, 4.

³⁰ Вахта Памяти // Курская правда. 2003. 23 июля; Полещук О. От имени жизни // Вести (Касторное). 2003. 25 июля; Весенко В. Обрели покой // Вести (Касторное). 2004. 28 июля; Вахта Памяти // Курская правда. 2004. 29 июля.

³¹ ГАОПИКО. Ф. П-5560. Оп. 1. Д. 94. Л. 9, 10; Кудрявцев С. Без срока давности // Молодая гвардия. 1990. 31 марта.

³² Государственный архив Курской области. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 263. Л. 78—80.

³³ Вас помнит мир спасенный. Т. 2. Курск, 1990. С. 84—87.

³⁴ См., напр.: Саушкина Е. В Знаменской роще нашли захоронение // Хорошие новости. 2005. 7 июня; Нарыкова А. Тысяча останков в Знаменской роще // Друг для друга. 2005. 27 июля; Останки погибших перезахоронены с почестями // Курская правда. 2005. 24 августа; Глухих О. Пока стучат сердца живых // Городские известия. 2006. 24 августа; Сафоненко Н. В Соловьиной роще перезахоронены жертвы войны // ТВ Хорошие новости. 2006. 29 августа.

³⁵ Нагель Й. Управление по делам военного плена вермахта // Цайтхайн — Книга Памяти советских военнопленных. Т. 1. Дрезден, 2005. С. 41.

³⁶ Книга Памяти Саратовской области. Т. 11. Саратов: РПИ «Детская книга», 1997. С. 97.

И. П. ЦУКАНОВ

«МЫ ДОШЛИ ДО ЧЕРТЫ, ЗА КОТОРОЙ ГИБЕЛЬ ГОСУДАРСТВА»

Н.А. МОНАСТЫРЕВ

После «Краба» меня назначили на «Кашалот», совершенно новую, только что выстроенную подводную лодку, старшим офицером. Но я решил, что не останусь здесь долго, надеясь получить вскоре уже в свое личное командование одну из купленных правительством в Америке других лодок типа АГ. Они в разобранном виде уже к нам прибыли и собирались в Николаеве. Так как «Кашалот» был точной их копией, только вдвое больше, то пребывание на нем позволяло мне досконально изучить его с тем, чтобы, придя на АГ-25, чувствовать себя увереннее.

«Кашалот» в море появлялся редко. Первый выход мы сделали у своих берегов с целью освоиться. Затем осуществляли охрану крымского побережья. Выйдя из Севастополя, получили радио от «Тюленя». Оказывается, он имел бой с турецким военным транспортом, которым командовали германские офицеры, и взял его в плен.

Этот бой был единственным в своем роде за всю войну и не лишен известного интереса. Турецкий транспорт был вооружен двумя орудиями, причем одно было крупнее пушек «Тюленя». Встреча с вражеским судном произошла ночью. «Тюлень» пустил дизеля и электромоторы, чтобы развить самый большой ход и не дать транспорту уйти, отрезая его все время от берега. Наконец, когда у лодки оставалось всего несколько снарядов, ей удалось одним из них подбить орудие противника, а другим повредить машину. Транспорт загорелся и остановился. Его экипаж частью бросился за борт, спасаясь вплавь, частью пытался спустить шлюпки. Командир «Тюленя», видя, что противник больше не стреляет, подождя поближе, высадив на призовое судно вооруженный караул. Оставшиеся на транспорте командир и офицеры были взяты в плен. Наши специалисты быстро исправили повреждения в его машине и повели в Севастополь под конвоем «Тюленя». Командир же последнего был достойно награжден государем императором, получив Георгиевский крест. Мы все искренне радовались за наших товарищей, проявивших много мужества в этом бою. Кроме того, это событие несколько оживило Черноморский театр военных действий, поскольку неприятельские корабли почти ничем себя не проявляли. Даже немецкие подводные лодки перестали появляться в море. Думаю, что причиной такой бездеятельности нашего врага было то, что нами умело минировался выход в Черное море из Босфора. Это очень стесняло неприятеля, потерявшего на минах несколько своих подводных лодок.

Словом, к концу 1916 года военное

положение в Черном море, впрочем, как и на Балтике, было совершенно благоприятным для нас. К тому же и «Краб» напомнил о себе благой вестью. Оказывается, последние походы и приключения на нем не остались бесплодными и причинили врагу достаточный ущерб потоплением нескольких его судов на выставленных нами минах. За это офицеры и команда получили военные награды, в том числе и я. Мне вручили Георгиевское оружие (кортик) с надписью «За храбрость», присужденное Думой кавалеров Георгиевского оружия. Это решение было утверждено государем императором.

Между тем наступила зима с ее штормовой погодой. Скучновато было бродить по пустынному бурному Черному морю в надежде встретить приятельский корабль. Серые дождливые дни так коротки, а ночи так длинны и темны, что с нетерпением ожидаешь конца похода, когда можно будет вернуться в Южную бухту.

С началом 1917 года Черноморский флот продолжал нести свою службу, при этом его, казалось, не коснулись политические события, происходившие в то время в стране. Внешне все продолжало оставаться так же, как и было раньше: никаких бунтов и даже нарушений дисциплины на судах.

Но вот грянула Февральская революция в Петрограде. Как только были получены первые сведения о ней, командующий флотом вице-адмирал Колчак объехал все корабли и береговые команды, призывая к спокойствию и выдержке. Его авторитет удержал команды в повиновении, благодаря чему удалось предупредить убийства офицеров и жестокости, имевшие место на Балтийском флоте.

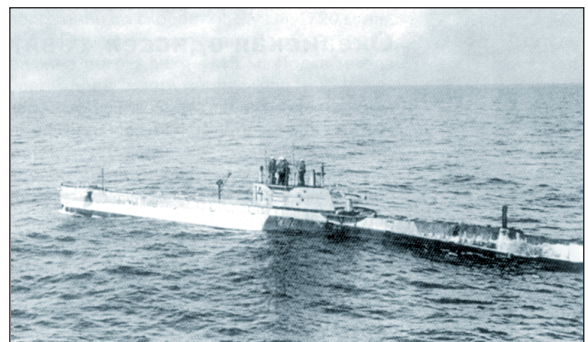
Как раз в это смутное и тревожное время я, временно откомандированный с «Кашалота», ушел в море на «Нерпе», более двух недель не получая никаких новостей. По возвращении, в середине марта, проходя мимо Константиновской батареи, на которой постоянно виделась издали начертанная большими буквами привычная надпись «Боже царя храни!», заметили зачеркнутое слово «царя».

Да и город встретил нас не свойственным ему убранством — был весь покрыт национальными флагами, перевернутыми красной полосой вверх. Ошарашили и новости: государь император отрекся от престола, вслед за ним — и его брат великий князь Михаил. Страной правят Временное правительство и какой-то Совет рабочих и солдатских депутатов. Резали глаза и кололи в сердце разнuzданное поведение и неряшливый вид матросов, снующих повсюду, страшная грязь на корабельных палубах. Словом, то, на чем держались дисциплина и порядок, куда-то рушилось, разом уничтожая стройную организацию, столь нужную в военном деле. Образовавшиеся с разрешения правительства судовые комитеты, в состав которых входили выбранные командой матросы и офицеры, вмешивались во все, вплоть до управления кораблем и руководства военными действиями, фактически лишая офицеров возможности командовать и руководить. Сплошь и рядом случалось так, что прежде чем тому или иному кораблю выйти в море, он должен был дожидаться соответствующего решения судового комитета, долго и нудно обсуждавшего целесообразность боевого выхода. Стали появляться случаи издевательства над офицерами: их заставляли мыть палубу, грузить уголь и прочее.

Появились на флоте и сепаратные тенденции. Так, некоторые корабли подняли украинские флаги вперемежку с красными — большевистскими и черными — анархистскими флагами.

Весной я ушел с «Кашалота», получив назначение на достраивающуюся в Николаеве подводную лодку «Орлан». На ней должен был пребывать недолго, чтобы затем перейти на находившийся там же и в том же состоянии «Буревестник». Но все произошло еще быстрее, чем я предполагал. Поскольку революционная команда «Орлана» поначалу встретила меня, как говорится, в штыхы, мотивируя свой отказ видеть меня на лод-

ПЛ А-3,
бортовой № 14
(бывшая АГ-25)

Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2007. № 5, 9.

**Капитан 2 ранга
М.А. Кितिцын,
командир
ПЛ «Тюлень»**

лину и военную обязанность, была вынесена окончательная резолюция в мою пользу, т.е. меня просили остаться на лодке и служить, я, поблагодарив за честь, решительно отказался. На «Буревестнике» повторилось почти то же самое, но я на этот раз должен был остаться по личной просьбе командира.

В Николаеве я провел около месяца, пока «Буревестник» достраивался. Замечал, как флот окончательно рушился и физически, и морально, чему способствовали мало чем оправданные решения Временного правительства. Так, в конце апреля оно издало приказ об изменениях в форме одежды: вместо традиционных погон морские офицеры обязаны были носить нашивки на рукавах, а на фуражке вместо кокарды — золотой герб с серебряным якорем на красном поле. Этот приказ был получен в Николаеве накануне 1 мая, когда должны были произойти всяческие манифестации, митинги и прочее. Причем нововведение вступало в силу именно к этому дню. Но поскольку промежуток времени втиснулся всего в несколько часов, то не все офицеры смогли выполнить приказание, оставшись в прежнем виде. С них срывали погоны, их всячески оскорбляли. Самозащита с их стороны вызвала дикую расправу со стороны хулиганов.

Так в разговорах, митингах и развличениях революционного характера проходило лето. Матросы Черноморского флота забыли о войне и воинском долге. Суда изредка выходили в море, и за все лето было лишь несколько боевых эпизодов, не имевших особого значения.

К этому времени я уже командовал подводной лодкой «Скат», входившей в состав 4-го подводного дивизиона, базировавшегося на Балаклаву. Моя команда пришла с Дальнего Востока и резко отличалась от про-

чих. Это были люди здравомыслящие, не поддававшиеся веянию революционных элементов, дисциплинированные и стойкие. Мне не пришлось с ними плавать долго, но я вспоминаю об этих плаваниях с большим удовольствием. Это было светлое пятно на черном фоне революционного времени. Возможно, такой резкий контраст по сравнению с разнузданностью, царившей на других кораблях, а точнее — повсеместно, принуждал меня уподобляться утопающему, хватающемуся за соломинку. Я, к примеру, пытался прибегнуть к помощи печатного слова, посылал в журнал «Морской сборник», издававшийся Адмиралтейством, статью. В ней вместе с призывом к правительству о срочном принятии на флоте последовательных разумных и решительных мер прозвучало и вполне обоснованное предупреждение. «Мы дошли до черты, — писал я, — за которой гибель государства. Это не слова, а горькая истина, которую теперь должен знать каждый».

Вскоре общему безумию начала подвергаться и команда «Ската». Я чувствовал, что больше не могу командовать ею, и решил уйти. Причем не только с лодки, но и вообще с флота.

Мои мысли устремились к Дону, куда начали стекаться противники революционной неразберихи.

После ухода со «Ската» мне удалось получить от начальника дивизиона отпуск на две недели, и я уехал из Балаклавы в Севастополь. Случилось это за три дня до того, как все права на командование перешли к комитетам.

Вечером 15 декабря я сел вместе с женой на госпитальное судно «Петр Великий», которое случайно шло в Батум. При входе в порт нашим глазам представилось необычное зрелище: все пристани были усеяны толпами солдат. Едва наш пароход успел подойти, как они ринулись на него. Серая масса буквально захлестнула корабль. Это были части Кавказской армии, бросившей фронт и расходившейся по домам. То же самое происходило и на железной дороге по пути в Тифлис. Мы с большим трудом втиснулись в вагон. В купе, в котором обычно могли поместиться 8 человек, нас набилось вдвое больше.

В Тифлисе еще царили относительный порядок и известное спокойствие. Было много военных в старой форме. В это время здесь действовало так называемое Кавказское краевое правительство, состоящее из социалистов, но преданных России и рассматривающих себя как нечто временное, долженствующее быть смененным по водворении по-

рядка в стране настоящим всероссийским правительством. О сепаратизме в то время не говорили и тенденция к нему была очень слаба.

Месяц спустя я решил вернуться в Севастополь, пользуясь тем, что из Батума шел транспорт в Крым. Сфабриковал сам себе удостоверение с вымышленным именем и с печатями какой-то автомобильной армейской роты, вместе с женой пустился в обратный путь. По дороге я узнал, что выпущен декрет о вольнонаемной команде во флоте, и стал считать себя таким образом освобожденным от военной службы.

В Феодосии, куда зашел транспорт, я встретил старшего лейтенанта Н., который предупредил меня о том, что мне появляться в Севастополе нельзя, так как меня там ищут, и что мне грозит расстрел. Не теряя времени и приняв все меры предосторожности, мы отправились за город к одним знакомым. Хутор, где они жили и где мы нашли прибежище вместе с двумя юнкерами, находился в трех верстах от города, куда я иногда наведывался, облачившись в солдатскую шинель.

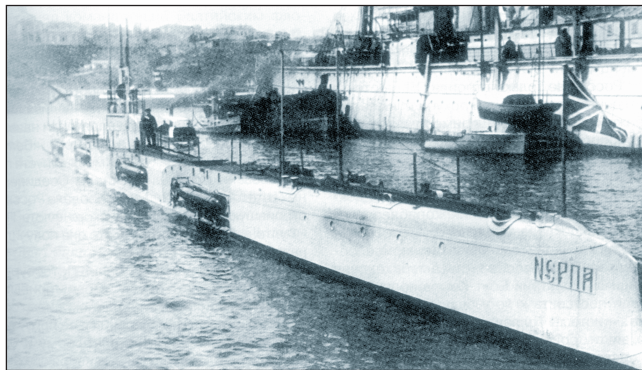
В Феодосии, которая была совершенно отрезана от внешнего мира и питалась только слухами, самыми разнообразными и противоречивыми друг другу, во второй половине апреля 1918 года наступило некоторое затишье. Все чаще и упорнее стали носиться слухи о том, что в Крым идут отряды гайдамаков,двигающихся с Украины. О немцах не говорили совершенно, и поэтому у всех было убеждение, что на днях мы увидим украинские войска. Но два дня спустя улицы города наводнили германские войска, а на другой день утром я уехал в Севастополь. Когда поезд проходил по берегу Южной бухты, я увидел германский флаг на русских судах, покинутых, мертвых. Щемящая тоска, невыразимая боль в сердце и чувство незаслуженного оскорбления овладели мною. Поначалу, оккупировав Крым, немцы по отношению к остаткам нашего флота проявляли определенную сдержанность. Так, из оставшихся в Севастополе русских военных судов взяли два малых миноносца и две подводные лодки. На последних, как ни странно, они никак не могли погрязнуть. Мне неоднократно приходилось видеть их попытки это сделать с помощью крана, который концами поддерживал лодку. Картина была довольно комичная. Из этих попыток ничего не вышло, и все кончилось лишь несколькими выходами в море в надводном положении.

В конце же сентября они совершенно внезапно, без всякого предупреждения и против данного обещания заняли своими командами наши корабли, пришедшие из Новороссии, удалив весь русский личный состав корабельного отряда. Через три дня на этих кораблях были подняты германские военные флаги. Правда, всем этим дело и кончилось с окончанием войны. Разве что несколько раньше немцы очистили до основания портовые кладовые, не оставив ни килограмма металла, ни одной корабельной принадлежности.

Во время германской оккупации морским начальником, около которого группировались русские морские офицеры, был контр-адмирал Клочковский, бывший начальник

**ПЛ «Тюлень»
входит в
Севастополь,
ведя на буксире
захваченную
турецкую шхуну
1916 г.**

ПЛ «Нерпа»

подводной бригады. Он считался в этот период времени украинским морским представителем в Севастополе. Роль его была, конечно, мало значащая, но к нему все обращались в случае нужды, так сказать, по преемственности военного начала.

В это же время в Севастополе образовалась группа морских офицеров-подводников, которая имела тайную организацию и цель которой заключалась в том, чтобы в удобный момент захватить одну из плавающих подводных лодок — «Тюлень» и уйти на ней на Кавказ, к Добровольческой армии. Дело вели осторожно, чтобы не привлечь подозрения немцев. Когда почти все уже было готово, совершенно неожиданно контр-адмирал Клочковский вызвал к себе предполагаемого командира «Тюленья» капитана 2 ранга Погорецкого, сообщив ему, что германское командование передает подводные лодки русским морским офицерам и просит занять их в этот же вечер. Так как почти весь состав был у нас подготовлен, то мы немедленно явились на «Тюлень», уже покинутый германским составом. С невыразимой радостью мы ступили на свое старое «пепелище», правда, наполовину уничтоженное, и с поспешностью принялись за работу. Через день у нас уже работали машины и велась зарядка аккумуляторов. Другие суда были также возвращены и укомплектовывались малочисленным, сборным составом, по преимуществу из офицеров.

Между тем германские войска покидали Севастополь. На смену им должна была вскоре прийти союзная эскадра. В октябре первым объявился английский легкий крейсер «Кантерберри» с миноносцем. Это были разведчики. Много надежд возлагало на приход союзников утомленное, наивное русское население. Действительность же оказалась иной. Через несколько дней по приходу союзники заняли русские военные корабли, подняв на них свои флаги, а горсточка русских морских офицеров, оставшаяся верной идеям совместной борьбы до конца, принуждена была сойти на берег. Даже греки, которые ничего, кроме плохого, не сделали за время войны для союзников, взяли два наших миноносца. Почему то и они в качестве победителей пришли в Севастополь. Не ждали этого русские офицеры. Это было тяжким моральным ударом для всех. Только сплоченная небольшая группа подводников отстояла свой подводный дивизион, и ни одна из лодок не ока-

залась в руках чужаков. Когда французы, к примеру, вознамерились захватить «Тюлень», который был в о з р о ж д е н нашими руками, то встретили такое отчаянное сопротивление с нашей стороны, что должны были ретироваться. Отступили и англичане перед угрозой потопить лодки в случае насилия. Впрочем, они все же сумели унести с лодки некоторые детали и намеренно испортить незначительную часть аккумуляторов. Тем не менее мы все таки оставались под известным контролем. Так, когда нам захотелось первый раз выйти в море, на пробу, нам на всякий случай прислали английского морского офицера, очевидно, опасаясь того, что мы вдруг что-нибудь предпримем против союзных кораблей.

Наступила весна 1919 года. К этому времени большевики заняли Украину, по уходу отсюда немецких войск, и продвигались к Крыму. Союзное морское командование, которое мало разбиралось в обстановке, создавшейся в России, но явно опасалось большевиков, решило покинуть Севастополь. В апреле выяснилось, что и нам придется оставить его, так как средств к защите Крыма от наступающих красных войск не было. При помощи транспортов были отведены на буксире некоторые миноносцы и подводные лодки «Утка» и «Буревестник». Все большие суда, не способные двигаться, остались в Севастополе. При этом на них по приказанию английского командования были взорваны машины, а оставшиеся подводные лодки «Кит», «Нарвал», «Кашалот», «Орлан», «Краб», АГ-21 и четыре малые были выведены англичанами в море и утоплены на большой глубине. Крепостные орудия подорвали французы.

После полудня 16 апреля мы вышли из Севастополя, имея на борту «Тюленья» жен и детей. К счастью, погода была хорошей, и наши пассажиры прекрасно перенесли переход. В море встретили крейсер «Кагул» под флагом адмирала Саблина, который держался в море, ожидая прохода всех вышедших из Севастополя судов. Город и порт были запержены женщинами, ушедшими из Крыма, которые располагались повсюду, даже на улицах, из-за неимения помещений. Для наших дам и детей были устроены временные помещения на подводных лодках «Утка» и «Буревестник». Ко времени нашего прихода в Новороссийск он уже был прочно занят Добровольческой армией, двигающейся с боями на север России. Ставка и центр управления находились в Екатеринодаре, где имел место пребывание генерал Деникин, главнокомандующий армией. По мере развития успехов армии положение крепло и давало некоторую уверенность в будущем. Поэтому вскоре после прибытия в Новороссийск оставшиеся суда

Черноморского флота стали приводиться в порядок и укомплектовываться составом. Состав этот был по преимуществу из учащейся молодежи и казаков. С трудом офицерам удавалось их хоть чему-нибудь научить и примитивно «натаскать» для элементарного обслуживания кораблей, для ухода за механизмами и аккумуляторами. Со временем кое-как все наладилось. Через шесть недель уже был создан дивизион подводных лодок в составе «Тюленья», «Буревестника» и «Утки». Я получил в командование «Утку» и всю свою энергию и любовь вложил в то, чтобы в самый короткий срок привести ее в надлежащий вид. С помощью подобранных мною офицеров это нам удалось сравнительно быстро, и через две недели «Утка» могла выйти в море.

В это время Добровольческая армия вместе с казачьими войсками Дона и Кубани занимала весь Северный Кавказ, продвигаясь на юг России, с опорой на англичан. Те снабжали ее части продовольствием, оказывали им при их продвижении по побережью огневую поддержку со стороны моря корабельной артиллерией. Конечно, делалось это не ради прекрасных глаз, а главным образом за нефть, которую англичане забирали на Кавказе в изобилии. При этом находившаяся в тылу Добровольческой армии Грузия, разгрыбая из себя самостоятельное государство, недоброжелательно относилась к русским добровольческим войскам, тоже находя поддержку у тех же англичан.

В июне 1919 года, когда весь Крым снова был занят войсками Добровольческой армии, суда флота перешли в Севастополь. Я же на «Утке» зашел на несколько часов в Ялту, чтобы дать своей молодежи, вкусившей впервые «прелесть» морского перехода, хотя бы кратковременный отдых. И только после этого отправились в Севастополь, где в Южной бухте нас ожидало наше разрушенное «подводное гнездо». Мы принялись восстанавливать его буквально на развалинах. Средств же на поддержку флота отпускалось мало, поскольку почти все шло на армию. На флот смотрели как на дорогую и пока ненужную игрушку. Главным образом поддерживались транспорты и вспомогательные, вооруженные суда, которые должны были действовать на реках и в Азовском море. Боевые же корабли едва поддерживались. Впрочем, как вскоре выяснилось, и такая поддержка стала невозможной, поскольку Добровольческая армия начала терпеть серьезные поражения от красных войск на Украине. К январю 1920 года ее остатки совместно с казачьими частями отступили на Дон, а в марте выяснилось, что и Кавказ должен был быть оставлен.

В это время «Утка» была послана в Новороссийск. Туда же двигалась отступающая армия с надеждой быть переброшенной в пока еще крепко державшийся Крым. Порт был загроможден транспортом и военными судами англичан и французов. За время стоянки меня посылали несколько раз в Геленджик для поддержки одной сухопутной части, обороняющейся против так называемых зеленых, многочисленных шайки которых действовали в горах, окончательно расстраивая тылы нашей армии.

Никогда в жизни не забуду картину, которую нам пришлось видеть в

последние дни в Новороссийске, куда к 12 марта прибыла большая часть отступающей Добровольческой армии. Транспорты, в большой спешке перегруженные войсками, так же спешно направлялись в Феодосию. Их там разгружали, после чего они снова шли в Новороссийск. Поскольку транспортов не хватало, английские и французские корабли брали на себя целые полки. Так продолжалось 13-го, 14-го. Часть войск, видя, что свободных судов уже нет, двинулась в горы. Улицы города и пристани порта были завалены брошенными повозками, автомобилями, телегами. То там, то здесь вспыхивали пожары, усиливалась стрельба.

Моя «Утка» к этому времени уже вышла из порта.

С эвакуацией остатков Добровольческой армии генерал Деникин передал свою власть генералу Врангелю, продолжавшему держаться в Крыму. Положение же этого клочка суши было безнадежно, а оборонявшие его войска неизбежно ожидала судьба Добровольческой армии.

К моменту прихода к власти генерала Врангеля командующим флотом был адмирал Герасимов, больше ученый, чем флотоводец. Начальником штаба у него был капитан 2 ранга Рябинин, человек неглупый, но, видимо, не понимавший положения. У командования армии возникло подозрение о возможности «коммунистического заговора» на кораблях. Адмирала Герасимова генерал Врангель отстранил от должности, а капитана 2 ранга Рябинина разжаловал и выслал из Крыма. После этого настала очередь «раскрывать монархический заговор», в котором заподозрили уже меня, подвергнув вместе с другими морскими офицерами аресту.

Заключенных по этому делу оказалось десятка два. Все мы после четырехсуточной отсидки были собраны в помещении гауптвахты, где посланный от главнокомандующего офицер сообщил нам, что генерал Врангель приглашает нас сейчас же к себе во дворец. По дороге из разговора с командиром дредноута капитаном 1 ранга Шубертом и капитаном 2 ранга Ч. я уяснил, в чем дело. Оказалось, что несколько молодых офицеров по легкомыслию, если не сказать больше, действительно составили заговор с целью объявить императором старшего лейтенанта герцога Лейхтенбергского, князя Романовского. Они устраивали собрания с целью организовать монархическое восстание на флоте. Это была просто мальчишеская затея, в которой никто из командиров, да и вообще из флотских офицеров не участвовал. Но заговорщики сами от себя составили списки командиров судов, которые, по их мнению, примут участие в восстании. Это и послужило поводом к нашему аресту.

В конце концов все разъяснилось быстро, и нам было приказано вернуться к своим обязанностям. Молодежь же, которая готовила мантию новому императору, была попросту снята с кораблей и послана на фронт сражаться. Тем и кончился «монархический заговор».

Значение же флота в этот период усилилось. В течение лета неоднократно производились десантные операции в Азовском и Черном мо-

рях. Кроме того, целый отряд судов в составе дредноута «Генерал Алексеев», крейсера «Генерал Корнилов», миноносцев и вспомогательных судов был послан в Тендровский залив для действий против Очакова и Одессы. Лично мне с «Уткой» приходилось много плавать, выполняя всяческие боевые задания, пропадая в море неделями.

О характере подобных заданий, а также непростой обстановке, в которой приходилось действовать, можно судить, к примеру, по выдержке из одного из моих многочисленных докладов с «Утки», совершавшей плавание с 14 по 27 июня 1920 года.

«В 12 ч. 40 мин снялся с якоря и пошел в Батум...»

По приходе в Батум стал на якорь рядом с миноносцем «Жаркий» и транспортом «Маргарита». Явился к вице-адмиралу Г. и генералу Д. В Батуме стояли английский дредноут «Император Индии» под флагом адмирала Сеймура, «Аякс», миноносцы Ф-22, Ф-35, американские миноносцы 213, 214, итальянская канонерка и много английских транспортов. С адмиралом Г. сделал визит адмиралу Сеймуру. Мое личное впечатление было таково, что приход подводной лодки не был приятным для англичан. За всяким моим движением в порту следили, как будто чего-то боясь. Раз ночью на лодку даже явился офицер с английского миноносца, посланный командиром с какой-то целью. Я дал ему понять, что визит несвоевременен и чтобы он успокоил командира.

По моему приходу в Батум обстановка складывалась следующим образом: англичане [до этого] предполагали уйти 8 или 10 июня, передав Батумскую область грузинам. Последние находились около Чаквы. Аджарцы, не желавшие находиться под властью грузин, беспокоили последних постоянными нападениями. С юга турецкие войска подходили к городу и находились от него в 15 верстах. Вообще обстановка складывалась таким образом, что Батумская область могла оказаться в турецких руках.

К нам, русским, нигде не было заметно некорректного отношения со стороны населения. 22 числа получил приказание от адмирала Г., старшего морского начальника, принять нефть и смазочное масло. За время моего пребывания транспорт «Маргарита» грузил остатки русского имущества и небольшое количество войск.

Согласно приказанию в 0 ч 20 мин 24 июня снялся и вышел на рейд. В 10 ч снялся и вышел в море. 25 июня в 18 ч отделился от отряда и пошел в Ялту. На следующий день вышел в Севастополь, куда и прибыл 27 июня, в 20 ч. Всего пройдено 1050 миль и израсходовано 660 пудов нефти и 90 пудов смазочного масла».

Между тем положение нашей армии становилось все тяжелее и тяжелее. Большевики перебросили с польского фронта, который перестал существовать, массу войск на Крымский полуостров. Наступившие ранние морозы покрыли льдом Сиваш, и красные получили возможность по льду ворваться в Крым по образовавшемуся широкому фронту. К концу октября выяснилось, что дальнейшая оборона становится невозможной, и генерал Врангель приказал готовиться к эвакуации.

Утром 27 октября я получил приказание выйти в Ялту, в окрестности которой появились зеленые. Со мной вместе вышла подводная лодка АГ-22, которая осталась на позиции. Я должен был ее там сменить на следующий день. К вечеру по городу стали ходить слухи, что наши войска сдерживают с трудом страшный натиск красных и что наши части местами отступают. Слухи становились все настойчивее и тревожнее. Поздним вечером пришедший транспорт привез мне секретный пакет, в котором содержались приказание об эвакуации и ее план. Затем по прямому проводу из штаба я получил приказание немедленно следовать в Феодосию, где принять в казначействе деньги, и полным ходом вернуться в Севастополь.

Приняв несколько мешков денег, я полным ходом пошел в Севастополь. Ночью мне встретились несколько транспортов, идущих в порты полуострова для эвакуации войск. Утром 30 октября я вошел в Южную бухту, которая представляла собой необычайное зрелище. Масса народа с вещами толпилась на берегу, стремясь попасть на транспорты, стоявшие у берега. Эвакуация шла полным ходом. Приказ главнокомандующего гласил, что каждому желающему предоставляется право выехать, но каждый должен рассчитывать на себя, так как правительство лишено средств. Поэтому первое, что я хотел сделать, это отпустить команду, которая не пожелала идти с лодкой. Опросив всех, я отпустил 12 человек. Считаю, что переживаемый момент является чрезвычайно опасным, я приказал офицерам, отпуская их по очереди на берег для перевозки семейств и погрузки их на транспорты, оставаться на лодке и иметь особенное наблюдение за механизмами. Не теряя времени, мы начали принимать из кладовых все, что было необходимо для долгого и неизвестного плавания. Вскоре выяснилось, что транспорты были переполнены, и нужно было взять наши семьи с собой. Уже к вечеру две семьи в количестве 17 женщин и 2 детей перебрались на лодку.

Сдав привезенные мною деньги в штаб, я получил приказание идти к Босфору и поднять перед входом в него французский флаг на стеньге, так как Франция принимала флот под свое покровительство. Выйдя на Северный рейд, я остался ждать окончательного приказания о выходе и остаток дня употребил на приведение в порядок лодки, распределение багажа, которого оказалось так много, что им пришлось заполнять балластные цистерны.

Утром 1 ноября напыл густой туман, рассеявшийся к 9 часам. Корабли медленно, один за другим выходили в море. Последний раз перед нами сверкнули в лучах солнца кресты церквей и исторические, дорогие русскому сердцу памятники. Прощай, родной Севастополь, прощай, колыбель Черноморского флота.

*Публикация
Г.Г. МОНАСТЫРЕВОЙ
(Окончание следует)*

СУДЬБА ЧЕТВЕРТОГО СЫНА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

Великие князья на военной службе

ПОСЛЕДНИЙ сын императора Павла, великий князь Михаил Павлович (28.01.1798–28.08.1849) раньше всех своих братьев оказался связан с армией. В день его рождения последовал высочайший указ, в котором говорилось, что его высочество Михаил Павлович назначается генерал-фельдцейхмейстером и шефом гвардейского артиллерийского батальона¹. А в 1805 году он уже надел тот же мундир, что и его подшефные лейб-гвардейцы.

Воспитывался Михаил вместе с Николаем и беззаветную преданность и любовь к нему сохранил до конца жизни. Воспитывавший братьев генерал-лейтенант М.И. Ламздорф, сам человек довольно грубый, отсутствие своих педагогических качеств компенсировал приказами, угрозами, даже телесными наказаниями. Так что такие понятия, как гуманизм, а заодно гуманитарные и естественные науки, несмотря на желание матери, на всю жизнь остались для братьев на втором плане. Зато склонность к «экзерцирмейстерству и капральству» Михаил проявлял с раннего детства².

По достижении 19 лет воспитание Михаила Павловича закончилось. Для расширения практических познаний о жизни его в 1817 году направили в путешествие по России, затем — по Западной Европе. Возвратившись в Санкт-Петербург, Михаил Павлович получает назначение командиром 1-й бригады 1-й Гвардейской пехотной дивизии (полки лейб-гвардии Преображенской и Семеновской) и шефом лейб-гвардии Московского и ряда других полков. Тогда же он официально приступил и к исполнению обязанностей генерал-фельдцейхмейстера, одновременно принял на себя командование лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригадой³. А вскоре последовало одно из значительнейших событий в истории отечественной артиллерии: по докладу Михаила Павловича в Петербурге в 1820 году

Все даты приводятся по старому стилю.

создается Учебная артиллерийская бригада с целью обучения фейерверкеров (унтер-офицеров артиллерии), а при ней — Артиллерийское училище для подготовки офицеров⁴.

Официальное открытие училища состоялось 25 ноября 1820 года. Его начальником и командиром Учебной бригады стал замечательный русский артиллерист, один из создателей первых образцов отечественного ракетного вооружения генерал-майор (впоследствии — генерал-лейтенант) А.Д. Засядко. Училище состояло из трех юнкерских и двух офицерских классов. В 1849 году, после смерти Михаила Павловича, училище получило название Михайловского. В 1855 году на базе офицерских классов училища была создана Михайловская артиллерийская академия⁵. Новое учебное заведение осталось в ведении главного начальника Военно-учебных заведений.

В 1821 году по инициативе Михаила Павловича при Санкт-Петербургском арсенале для подготовки квалифицированных мастеров учреждается Техническая школа, а в 1830-м при Охтинском пороховом заводе — учебное заведение «для образования мастеров и подмастерьев порохового, селитренного и серного дел»⁶.

Кроме того, также по инициативе Михаила Павловича, в 1820—1830-х гг. учрежден целый ряд школ (батареинных, дивизионных, окружных) для подготовки грамотных нижних чинов артиллерии.

ХЛАДНОКРОВНО и мужественно действовал Михаил Павлович 14 декабря 1825 года. Сначала, отправившись в казармы Гвардейской конной артиллерии, восстановил порядок среди волновавшихся нижних чинов, а затем, проследовав в казармы подшефного лейб-гвардии Московского полка, вывел в расположение верных присяге войск на Сенатской площади солдат-москвитин, не желавших принимать участие в бунте. Затем Михаил получил под командование часть войск, стоявших между Конногвардейским

**Великий князь
Михаил Павлович**
Неизвестный художник,
середина XIX в.

манежем и Исаакиевским собором. Во время стрельбы картечью по мятежникам великий князь командовал одним орудием, расположенным у манежа лейб-гвардии Конного полка. Впоследствии 4 орудия 1-й легкой роты 1-й Гвардейской артиллерийской бригады, которые вели огонь на Сенатской площади, были пожалованы брату новым государем. Позже их передали Артиллерийскому училищу.

В декабре 1825 года Михаил был введен в состав Государственного совета, а также назначен генерал-инспектором по инженерной части⁷. В этом назначении видна большая симпатия Николая по отношению к брату — ведь император вручал ему под команду свои любимые инженерные войска!

Великий князь получил также еще ряд ответственных военных назначений: он фактически возглавлял Гвардейский корпус, командиром которого числился находившийся в Варшаве Константин Павлович, в 1831 году стал начальником Управления Пажеским корпусом, сухопутными кадетскими корпусами и Дворянским полком, а в 1844-м — главнокомандующим Гвардейским и Гренадерским корпусами. Кроме того, с 1832 года Михаил Павлович — почетный президент Императорской военной академии. В 1836 году великий князь назначается главным попечителем Чесменской военной богадельни; был председателем комитетов по составлению пехотного устава и описанию обмундирования и вооружения войск русской армии⁸.

**Великий князь
Михаил Павлович**

С портрета Ж.-Д. МЮНРЕ, 1810 г.

**Великий князь
Михаил Павлович**

Художник О.А. КИПРЕНСКИЙ, 1815 г.

Надо отметить, что в русской артиллерии под его руководством произошли серьезные преобразования.

В 1838—1845 г. шло перевооружение артиллерии, появились специальные горные орудия, единороги и мортиры, совершенствовались прицельные приспособления и боеприпасы⁹.

НЕМАЛО сделал Михаил Павлович для военно-инженерного ведомства и военно-учебных заведений. За время его руководства помимо улучшения старых было сооружено 10 новых крепостей и 135 отдельных укреплений, совершенствовалось обучение инженерных офицеров и унтер-офицеров, дальнейшее углубление получили физическая и практическая подготовка кадетов, улучшилось их содержание. Заме-

тим, что Михаил с особенной любовью относился к кадетам; после его кончины в его бумагах обнаружили рукопись с таким названием: «Прощание с моими детьми военно-учебных заведений». Это «Прощание» по приказу Николая I с 1850 года выдавалось в копии каждому кадету, произведенному в офицеры, и текст его был, кроме того, выгравирован на бронзовых досках под бюстами Михаила Павловича в столовой Дворянского полка (впоследствии — Константиновского артиллерийского училища) и в Императорском зале Михайловского артиллерийского училища¹⁰.

Как командир крупных войсковых соединений Михаил Павлович совершил несколько боевых походов. В Русско-турецкую войну 1828—1829 гг., командуя Гвардейским корпусом, отличился при осаде и штурме Браилова, а также в сражении под Шумлой. За осаду и взятие Браилова Михаил Павлович был удостоен ордена Св. Георгия 2-й степени, а кроме того, в качестве особой награды получил 6 отбитых у турок пушек. За эту кампанию его наградили также серебряной медалью.

В 1830—1831 гг. Михаил принял участие в Польской кампании, отличившись при штурме Варшавы и блокаде крепости Модлин. За Польшу великий князь получил золотое оружие с алмазами и надписью «За храбрость», звание генерал-адъютанта и один из ключей от модлинской крепости¹¹.

Несмотря на искреннюю любовь к военному делу, Михаил Павлович имел чрезмерное пристрастие к мелочам «фрунтовой» службы. В сочетании с его вспыльчивым характером это давало порой весьма печальные результаты, так что остужать пыл великого князя иногда приходилось даже императору¹².

28 августа 1849 года Михаила Павловича не стало: он умер от инсульта по дороге в Варшаву. Его имя помимо Артиллерийского училища было присвоено 1-й батарее лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады и старшей роте 2-го кадетского корпуса (в Санкт-Петербурге), а также открывшемуся в 1845 году в Воронеже кадетскому корпусу.

Еще раз оглядываясь на жизненный путь сыновей императора Павла Петровича, видишь, что, несмотря на их противоречивость и сложность их характеров и многие допущенные ошибки, они как люди военные достойно служили Отечеству. Всех их отличала большая личная храбрость и забота о солдате. А главным отрицательным качеством, также объединяющим всех братьев, было увлечение мелочами службы и парадной муштрой.

Михаил Павлович

Художник Дж. ДОУ, 1824 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 год // Артиллерийский журнал. 1852. № 4. С. 1.

² Федорченко В.И. Императорский Дом. Российская империя в лицах. Выдающиеся сановники: энциклопедия биографий. В 2 т. Красноярск: Бонус; М.: Олма-Пресс, 2000. Т. 1. С. 69, 70.

³ Туманов В.Е. Августейший генерал-фельдцейхмейстер // Бомбардир. 2000. № 11. С. 31.

⁴ Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 год // Артиллерийский журнал. 1853. № 1. С. 191—193.

⁵ Сухорученко В.С. Кузница бомбардирских кадров // Бомбардир. 2000. № 11. С. 4—11.

⁶ Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 год // Артиллерийский журнал. 1853. № 1. С. 196—198.

⁷ Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия. 1797—1917. Библиографический справочник. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. С. 232, 233.

⁸ Федорченко В.И. Указ. соч. С. 70.

⁹ Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 год // Артиллерийский журнал. 1852. № 4. С. 1—54; № 5. С. 55—130; № 6. С. 131—166; 1853. № 1. С. 167—235; № 2. С. 237—274; Отечественная артиллерия: 600 лет / Под ред. маршала артиллерии Г.Е. Перельского. М., 1986. С. 21, 27, 28.

¹⁰ Марков А. Кадеты и юнкера // Кадеты и юнкера. Кантонисты. М., 2001. С. 7.

¹¹ Кузьмин Ю.А. Указ. соч. С. 199.

¹² Шильдер Н.К. Император Николай Первый: его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1997. С. 39, 40.

Е.И. ЮРКЕВИЧ

РУССКАЯ ВОЕННАЯ КНИГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Вторая половина XVIII столетия, ознаменованная блистательными победами русского оружия во времена правления Екатерины II, была также временем динамичного развития в России книжного дела и активного внедрения книги в систему военного образования, обучения и воспитания войск. Провозглашенный Екатериной II принцип «кто умнее, тому и книги в руки» позволил раскрыться авторскому таланту многих военных деятелей, ученых и просветителей, оставивших след в истории русской военной книги.

ПОСТУПАТЕЛЬНОМУ развитию военного книгоиздания благоприятствовали идеи просвещения и меры, принимавшиеся правительствующим Сенатом и руководством военного ведомства по совершенствованию подготовки офицеров для армии и флота в военно-учебных заведениях. В середине столетия при создававшихся кадетских корпусах учреждались типографии, что объяснялось «настоятельнейшей потребностью в печатных учебных руководствах»¹. Созданному в 1752 году Морскому шляхетскому кадетскому корпусу была передана в полном составе типография Морской академии с двумя ручными печатными станками. В 1764 году при новом директоре корпуса И.Л. Голенищеве-Кутузове типография претерпела организационные изменения и число печатных станков увеличилось вдвое². В 1757 году распоряжением правительствующего Сената была учреждена типография в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе «для печатания ко обучению находящихся при том корпусе унтер-офицеров и кадет книг и прочего, к воинским обрядам принадлежащего»³. В 1759 году по представлению генерал-фельдцейхмейстера графа П.И. Шувалова правительствующий Сенат указал завести при артиллерии и фортификации «особ-

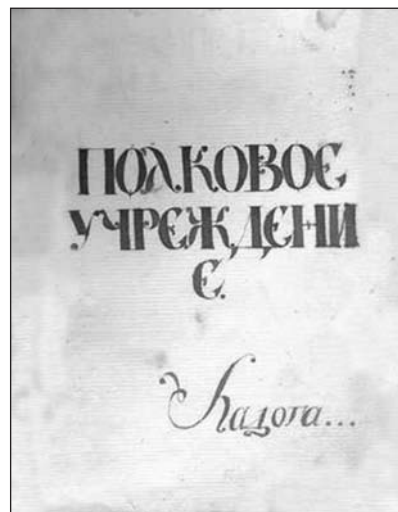
ливую типографию для печатания нужнейших по артиллерийскому и инженерному корпусам сочинений и книг, переведенных на российский диалект с других языков, на таком же основании, как при Сухопутном шляхетском кадетском корпусе учинена»⁴.

Типографии, созданные при военно-учебных заведениях, готовивших офицеров для флота и армии по родам войск, выполняли двойную функцию: печатали учебные пособия для обучающихся и выпускали специальные военные труды для соответствующих военных ведомств. В числе типографий учебных заведений, выпускавших военные книги, следует назвать и учрежденную в 1756 году типографию Императорского Московского университета, часто выполнявшую заказы по выпуску книг военной тематики.

Однако потребность армии в печатной продукции возросла настолько, что Екатерина II в первый же год своего правления утвердила 16 апреля 1763 года доклад Военной коллегии о формировании при ней Военной типографии, главное назначение которой состояло в печатании офицерских патентов, указов Военной коллегии и рассылке их в части войск⁵. Позднее функции типографии по выпуску военных изданий значительно расширились. Принятые меры позволили увеличить выпуск военных книг: если в 1750-е годы в России выпускалось 3–5 военных изданий в год, то в 1762–1763 гг. книг военной и военноморской тематики печаталось не менее 10 ежегодно, а в 1764 и 1766 годах их число с учетом повторных изданий возросло до 20 названий⁶.

Военное книгоиздание второй половины XVIII века отличалось приверженностью основам отечественного книгоиздания, заложенным в начале века Петром I, и в то же время восприимчивостью русской военной мысли к прогрессивным зарубежным идеям своего времени.

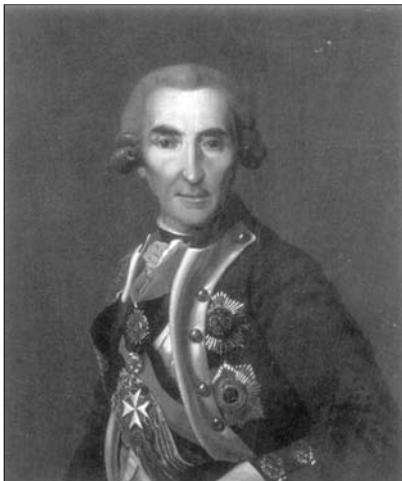
Существенный толчок развитию военного книгоиздания дала Военная комиссия, учрежденная Екатериной II для подготовки новых воинских уставов. Ее возглавил генерал-фельдмаршал П.С. Салтыков. Инструкция, данная Екатериной Салтыкову, состояла из 33 пунктов и требовала прежде всего не колебать «старого основания», т.е. принципов военного строительства и нравственных основ, заложенных Петром I. Об этом красноречиво свидетельствовали многократные переиздания его уставов. За время правле-

Суворов А.В.
Полковое учреждение.
Титульный лист рукописного экземпляра
Вторая половина XVIII в.

ния Екатерины II с 1762 по 1796 год «Устав воинский...» 1716 года переиздавался десять раз, «Устав морской...» 1720 года – девять, трижды переиздавался «Артикул воинский с кратким толкованием и с процессами...». Значительными по тем временам были и тиражи этих изданий: в 1776 году «Устав воинский...» напечатан количеством 2686 экз., «Устав морской...» в 1777 году – 1582 экз., а тираж «Артикула воинского...» в 1778 году составил 1686 экз. В последующие годы тиражи переиздававшихся уставов составляли от 300 до 600 экземпляров.

При разработке новых уставов Военная комиссия, следуя указаниям императрицы, исходила из того, что «сила войска состоит не во многом числе оно, но от содержания его в дисциплине, от хорошего его научения, доброго содержания и верности, наибольшим же ко всему основанием признается язык, вера, обычай и родство»⁷. С 1763 по 1766 год комиссией были разработаны «Пехотный строевой устав» (1763), «Устав воинский о конной экзерции» (1763), «Инструкция полковничья пехотного полка» (1764), «Инструкция конного полка полковнику» (1766), «Дополнительные главы к генеральному уставу о полевой службе» (1765), «Об учреждении егерского корпуса» (1765). Эти уставы оставались действующими в

И.Л. Голенищев-Кутузов

Неизвестный художник,
с оригинала Д. ЛЕВИЦКОГО

Морской атлас конца XVIII века

Издан в 1800 г. под руководством
И.Л. Голенищева-Кутузова

продолжение всего царствования Екатерины II. «Пехотный строевой устав» переиздавался пять раз, «Устав воинский о конной экзерции» – трижды. Несколько переизданий выдержали обе полковничьи инструкции, последний их выпуск датирован 1826 годом⁸.

Известный военный деятель XIX века, историк и юрист П.О. Бобровский отмечал, что «Пехотный строевой устав» воспринял систему «Фридриховского боевого порядка, которому отдавала предпочтение вся Европа...», а «Инструкция полковничья...», по его мнению, воспроизводила «идею Петра I о нравственном элементе в воспитании солдата как главным условием для достижения успеха в бою» и «открывала деятельному и сведущему командиру полка свободное поле для развития военного образования»⁹.

Творческое заимствование передовых идей в военном деле и их развитие в практике боевой подготовки русских войск с учетом национального «нравственного элемента» нашли свое отражение в военных произведениях известных полководцев екатерининской эпохи. В их числе – П.А. Румянцев, А.В. Суворов, М.И. Кутузов, П.И. Панин и другие военачальники, в чьей жизни и военной деятельности постоянное общение с книгой в целях самообразования занимало важное место. Написанные ими военные труды стали результатом не только практического военного опыта, которым они обладали, но и следствием скрупулезной проработки фундаментальных военных сочинений своего времени.

П.А. Румянцев, по свидетельству Д.Н. Бантыш-Каменского, даже под шумом военных бурь посвящал чтению большую часть дня. «Вот мои учителя», – говорил он, указывая на книги¹⁰. Его первым авторским опытом стало написанное в 1761 году «Учреждение, данное от генерал-поручика и кавале-

ра Румянцева в корпус, под главною командою его состоящий, для согласного во всех случаях произведения службы». Основные положения «Учреждения...» получили развитие в «Обряде службы», составленном им в 1770 году. Рассылая его в полки, Румянцев приказывал: «Полковым командирам рекомендовать накрепко своим штаб- и обер-офицерам подтвердить, дабы мною изданный «Обряд службы» не довольно прочесть, но и всегда в крепкой памяти иметь, для лучшего же знания иметь всегда в кармане при себе»¹¹. В сентябре 1776 года «Обряд службы» был принят в качестве официальной инструкции и разослан Военной коллегией во все дивизии с рекомендацией «основываться всему войску единогласно на помянутом «Обряде службы»¹².

Новаторские начинания П.А. Румянцева и его опыт по написанию инструкций для обучения войск были развиты и продолжены А.В. Суворовым. Биографы полководца отмечают, что блестящее знание военной практики сочеталось у него с высокой общей культурой. Еще с юношеского возраста его очень привлекали к себе история и литература, но особый интерес вызывали книги военного содержания, имевшиеся в библиотеке отца, уделявшего много внимания военному образованию сына. Например, о занятиях по фортификации Суворов позднее писал так: «Покойный батюшка перевел способ Вобана с французского на русский язык и при ежедневном чтении и сравнении с оригиналом сего перевода изволил сам меня руководствовать к познанию сей столь нужной и полезной науки»¹³.

Биограф будущего генералиссимуса И.Ф. Антинг отмечал, что А.В. Суворов «в свободное время заставляет себя что-нибудь читать. Журналы и ведомости занимают его много»¹⁴. Придавая большое значение книге в самообразовании военного человека, Суворов личным примером показывал,

что «начальникам всех степеней необходимо непрерывное образование себя науками с помощью чтений»¹⁵. Своему крестному сыну А. Карачаю, который по ходатайству Суворова был зачислен поручиком в один из полков, он писал: «Любезный мой сын Александр! По званию военного человека вникай прилежно в сочинения Вобана, Кугорна, Кюрасса, Гюбнера; учишь отчасти богословию, физике и нравственности. Внимательно читай Евгения, Тюреня, записки Юлия Кесаря, Фридриха Второго, первые части Роленовой истории...»¹⁶.

К числу первых авторских опытов А.В. Суворова исследователи относят молитвенник и коротенький катехизис, составленный во время его командования полком в г. Ладоге для обучения нижних чинов Закону Божию¹⁷. Деятельная натура и ясный ум Суворова наложили отпечаток на манеру письменного изложения им мыслей. «Слог его короток и мужествен, – писал И.Ф. Антинг, – в выборе же выражений столь верен, что почти никогда написанного не меняет и не поправляет»¹⁸. Из сочинений военной тематики наибольшую известность получили «Полковое учреждение» и «Наука побеждать». «Полковое учреждение» было написано Суворовым в 1764–1765 гг. в виде дополнения к руководящим документам для офицеров Суздальского полка, которым он командовал с 1763 по 1769 год. «Полковое учреждение» представляло собой наставление для офицеров и унтер-офицеров по организации обучения и воспитания подчиненных, караульной, внутренней и лагерной служб. В нем на основе обобщения опыта Семилетней войны 1753–1756 гг. изложены передовые для того времени требования к строевой и тактической подготовке, основанные на принципе «учить войска тому, что необходимо на войне». От ротных офицеров и грамотных капралов Суворов требовал, чтобы «Полковое учреждение» они имели всегда при себе вместе с «Пехотным строевым уставом».

Долгие годы этот документ, реконструированный в различных вариантах, был известен как «Суздальское учреждение», его оригинал отсутствовал, что затрудняло восприятие текста. Лишь в 1938 году сотрудником Артиллерийского исторического музея Т.И. Воробьевым была обнаружена рукопись, озаглавленная «Полковое учреждение», и после тщательной научной экспертизы, подтвердившей принадлежность рукописи перу Суворова, она была опубликована отдельным изданием в 1949 году¹⁹ (о «Науке побеждать», написанной в конце XVIII в., будет сказано ниже).

Памятниками военных изданий времен Екатерины II стали командирские сочинения русских генералов и офицеров, изложенные обычно в виде инструкций и наставлений. В числе первых таких работ следует назвать «Наставление от предводителя Второй армии вой-

ску, ему порученному...»²⁰, составленное П.И. Паниным в 1769 году, в период действий русских войск в Польше, и его же «Наставление от предводителя Второй армии, генерал-аншефа, сенатора и кавалера графа Панина войску, ему врученному, на предводительство в наступательные действия против войска турецкого», написанное в 1770 году, в период Русско-турецкой войны. В своеобразной публицистической форме изложил взгляды на военную службу отставной бригадир Ф.И. Дмитриев-Мамонов, опубликовав в начале 1770-х годов «Эпистола от генерала к его подчиненным, или Генерал в поле с своим войском» и «Правила, по которым всякий офицер следуя, военную службу с полным удовольствием продолжать может».

Кодексом нравственного воспитания солдата и детальным сводом требований к его обучению стала «Инструкция ротным командирам», составленная в 1774 году командиром 1-го гренадерского полка С.Р. Воронцовым. В том же году командир Санкт-Петербургского легиона С.М. Ржевский в «Наставлении, каким образом в будущем лагере производить учение, как в пехоте, так и в кавалерии Санкт-Петербургского легиона» изложил свои взгляды на методику лагерного обучения смешанных войсковых соединений. Требования к военной службе в русской армии и ответственность офицеров за обучение и воспитание подчиненных раскрыл Р.И. Мейендорф в своем сочинении «Опыт некоторых рассуждений о воинстве вообще и особливо о устройении исправного полку в наставление молодым офицерам», составленном в 1777 году на основе собственного опыта 13-летнего командования пехотным полком. Основные особенности подготовки егерей получили отражение в специальном наставлении М.И. Кутузова «Примечания о пехотной службе», когда он был командиром Бугского егерского корпуса.

Выполнив скрупулезный сравнительный анализ авторских инструкций и наставлений второй половины XVIII века, Н.Г. Рогулин сделал вполне обоснованный вывод, что все они базировались на прочном исходном основании «Устава воинского» 1716 года, «Пехотного строевого устава» 1763 года и «Инструкции полковничьей пехотного полка» 1764 года. Никто из авторов не оспаривал положений действующих уставов, а лишь дополнял и уточнял их применительно к условиям службы и задачам подготовки войск²¹. Кроме того, военные авторы, имея целью оказать помощь молодым офицерам в их командирском становлении, разъясняли необходимость постоянного совершенствования в науках, подчеркивая, в частности, роль книги в самообразовании и овладении военным делом. Так, например, подполковник Г.П. Ржевский (племянник автора «Эпистола...» С.М. Ржевского) в сочинении «О част-

ных должностях в полку» писал: «Чтение книг славнейших воинов древних и новых открывает глаза во все пространство науки; ибо научается тут офицер всячески, как из великих примеров, так и из погрешностей полководцев; а с прибавлением к сему полезному чтению других нужнейших наук, как-то: математики, истории, географии и прочая, достигает до высоких степеней военной науки, выходит тотчас из посредственности и, снимая потом в ратном поле плоды трудов своих, доходит до безмерной славы и получает имя великого мужа и защитника Отечества»²².

Вершиной литературного творчества славной плеяды военачальников второй половины XVIII века стало творение суворовского гения – «Наука побеждать». Замышлявшаяся А.В. Суворовым как инструкция по тактическому обучению войск, она была составлена им не сразу, а выработывалась постепенно и в окончательном виде сложилась к 1795 году²³. В этом наставлении раскрыты основы полевой выучки войск, содержатся поучения солдатам о знаниях и качествах, необходимых им в бою и повседневной службе. Военный историк А.А. Керсновский назвал «Науку побеждать» катехизисом, подобного которому не имеет и не будет иметь ни одна армия в мире и который «в своей философской основе изумительно полно отражает дух русской православной культуры»²⁴. Динамичность стиля этого произведения создает впечатлительные «атаки словом». Суворов народным языком, в кратких образных выражениях изложил не только сущность обучения и воспитания солдата, но и сущность всего военного искусства. Облеченные в привычную для русского солдата форму пословиц и поговорок, суворовские заветы не утомляли внимания, поражали воображение и легко запоминались. Особенно характерен в этом отношении второй раздел «Науки побеждать» с подзаголовком «Разговор с солдатами их языком», который неоднократно издавался как самостоятельное произведение под названием «Словесное поучение» или «Катехизис». Этот «Катехизис» велено было ежедневно читать солдатам, а офицерам и унтер-офицерам приказано было знать наизусть²⁵.

Говоря о военных сочинениях екатерининской эпохи, следует учитывать, что не все они тиражировались печатным способом. Многие из них существовали в рукописном виде и использовались в пределах тех воинских соединений и частей, которыми командовал (или в которых служил) автор. Эти произведения были органической частью увеличивавшегося военно-книжного массива второй половины XVIII столетия, основную долю которого составляли уставы, военно-научные сочинения, учебные книги и официально-документальные издания. Этот совокупный книжный массив демонстрировал устойчивую тенденцию, а

именно: упрощение позиций национальной военной книги. Авторы научных сочинений и учебных пособий, активно используя содержащиеся в иностранной военной литературе передовые идеи и внедряя свои труды в практику обучения и воспитания войск, последовательно формировали научный базис для военного образования и развития отечественной военной науки.

Наиболее очевидно эта тенденция проявилась в выпуске книг по артиллерии, военно-инженерному и военно-морскому делу. Анализ печатных изданий артиллерийской тематики показывает, что, начиная с 1760 года, после выхода в свет книги «Практика единого...»²⁶ П.И. Шувалова, труды русских авторов стали более значимыми в практике обучения артиллеристов. В 1762 году типографией Московского университета было напечатано «Начальное знание теории и практики в артиллерии с приобщением гидростатических правил. Собранное капитаном артиллерии Михаилом Даниловым». После издания в 1766 году трудов французского профессора математики Белидора «Новый курс математический для артиллеристов и инженеров» и «Французский бомбардир, или Новый способ, как целно бросать бомбы» капитаном И.А. Вельшевым-Волыновым были написаны и изданы в 1767 году «Артиллерийские предложения для обучения благородного юношества Артиллерийского и инженерного шляхетного корпуса». В 1795 году артиллерист майор А.И. Маркевич перевел с немецкого и опубликовал с добавлениями две части сочинения П. д. Антони «Физико-математические исследования артиллерии, в коих состав, свойства и действия пороха рассматриваются и многими основательнейшими опытами доказываются...», а в конце века им было написано собственное сочинение «Новые легчайшие и вернейшие способы ставить диоптры и мушки на артиллерийских орудиях и наводить оныя на градусы; с приобщением рассуждения о прицеливании орудий, высоте и виде мушек и диоптров на оных», напечатанное по высочайшему повелению в 1799 году.

Аналогичная тенденция наблюдалась и в выпуске книг по военно-инженерному делу. Наряду с переводными сочинениями европейских инженеров в 1765 году появилась напечатанная в типографии Сухопутного шляхетского кадетского корпуса книга И.Ф. Картмазова «Начальных оснований фортификации часть первая, сочиненная для учащегося инженерству юношества». В 1766 году при Московском университете было напечатано сочинение И. Вейдлера «Военная архитектура, или фортификация, переведенная с латинского языка магистром Дм. Аничковым». А в 1787 году Д.С. Аничков, надворный советник и профессор Московского университета, опубликовал собственный труд

«Начальные основания фортификации, или военной архитектуры, служащие в пользу и употребление российского юношества, упражняющегося в математических науках, собранные из разных авторов с приобщением гравированных фигур на семнадцати досках». В конце века приобрели известность и употребление в военно-учебных заведениях труды ученого-математика Е.Д. Войтяховского, среди которых – «Полная наука военного управления, или фортификации...»²⁷, издававшаяся в 1790, 1798, 1809 и 1814 гг. Труды Д.С. Аничкова и Е.Д. Войтяховского имели приложениями словари военных терминов, что повышало значимость этих трудов как учебных пособий и способствовало формированию основ отечественной военно-энциклопедической литературы.

Постоянно расширялся выпуск книг морской тематики, что обусловливалось возрастанием роли флота в реализации задач военной политики России, потребностями развивающейся военно-морской науки и практики. С назначением в 1764 году директором Морского шляхетского кадетского корпуса И.Л. Голенищева-Кутузова в подготовке будущих офицеров флота произошли положительные перемены. В том же году для обучения кадет типографией училища были напечатаны переведенное Голенищевым-Кутузовым с французского на русский язык «Искусство военных флотов, или Сочинение о морских эволюциях...»²⁸ и «Бугерово новое сочинение о навигации, содержащее теорию и практику морского пути» в переводе профессора майора Н.Г. Курганова. Он же перевел и подготовил к изданию в 1773 году сочинение А. Северьена «О точности морского пути, или Искусство, как измерять на море ход корабля, и описание о вооружении французских военных судов, с прибавлением о теории правления кораблем». А в 1774 году при Императорской Академии наук вышел в свет труд Б. де Вильгюе «Наука морская...»²⁹. Готовя к изданию эту книгу, Н.Г. Курганов не ограничился лишь переводом ее на русский язык. Он исключил из труда Вильгюе все устаревшее, добавил к четырем переведенным частям оригинала пятую часть, содержащую новые сведения по вопросам морской тактики, кораблеводства и вооружения кораблей, а также исторический очерк развития кораблестроения и морской словарь³⁰. Самостоятельный капитальный труд Курганова, закрепивший за ним репутацию специалиста по приморской фортификации и береговой обороне, вышел в свет в 1777 году под названием «Книга о науке военной, содержащая в себе умозрение и деяние о укреплении всяких полевых и приморских мест; о нападении и обороне крепостей и гаваней; с описанием бывших знатнейших атак и с присовокуплением наук о перспективе и словаря инженерного»³¹.

В последнее десятилетие XVIII ве-

ка проявился талант еще двух деятелей русского флота, будущих адмиралов – А.С. Шишкова и Г.Г. Кушелева. Шишков, хорошо знавший французский, немецкий, итальянский и английский языки, в 1793–1795 гг. перевел очень объемный и содержательный труд профессора навигации и корреспондента Парижской академии Ш. Ромма «Морское искусство, или Главные начала и правила, научающие искусству строения, вооружения, правления и вождения кораблей...», а в 1795 году в типографии Морского шляхетского кадетского корпуса был напечатан составленный Шишковым «Трехязычный морской словарь на английском, французском и русском языках в трех частях». В 1799–1800 гг. им опубликованы два сборника исторических материалов со списком кораблей российского флота и журналами плаваний русских флотов, эскадр и судов. Г.Г. Кушелев, следуя сложившейся традиции, перевел в 1788 году с французского на русский язык труд Н. Озана «Военный мореплаватель, или Собрание разных на войне употребляемых судов с показанием, каким образом военные флоты должны быть устроены для сражения, также для атаки неприятельских или защищения своих портов», сделав к нему дополнения и присовокупив военно-морской словарь, а в 1797–1799 гг. издал собственный труд в двух частях: «Рассуждение о морских сигналах, служащих к поражению военных флотов и ключе, скрывающем оные от сведения неприятельского».

Все это подтверждает, что во второй половине XVIII века военное книгоиздание в России поднялось на качественно новый уровень. Военная книга стала важным фактором развития военной науки и практики, эффективным средством обучения и воспитания войск.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Типография Морского министерства (Исторический очерк) // Мор. сборник. 1899. № 4. С. 174.

² Там же. С. 176.

³ Российский государственный Военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 314. Оп. 1. Д. 45. Л. 16.

⁴ Столетие Военного министерства. 1802–1902. СПб., 1903. Т. 1. Ч. 1. С. 17.

⁵ Памятка Военной типографии Императрицы Екатерины Великой. 1763–1913. СПб., 1913.

⁶ Сведения обобщены по существующим печатным каталогам и электронному каталогу «Русская книга гражданского печатного XVIII века (1708–1800)». См.: http://www.nlr.ru:8101/rilin/ruslbr_v2.php.

⁷ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 3. Л. 179.

⁸ Столетие Военного министерства. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. С. 69.

⁹ Цит. по: *Роголин Н.Г.* «Полковое учреждение» А.В. Суворова и пехотные инструкции екатерининского времени. СПб., 2005. С. 8.

¹⁰ *Ваньши-Каменский Д.Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов: В 4 ч. Ч. 2. СПб., 1840. С. 43.

¹¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (РО РГБ). Ф. П.А. Румянцева. Д. 3730.

¹² Столетие Военного министерства. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. С. 104.

¹³ Русский биографический словарь. Т. 20. СПб., 1912. С. 90.

¹⁴ Цит. по: «Твой есмь аз». Суворов / Сост. М.Г. Жукова. М., 1998. С. 35.

¹⁵ См.: Воен. сборник. 1911. № 11. С. 126.

¹⁶ Цит. по: *Михайлов О.* Суворов. М., 1978. С. 305. Об упоминаемых Суворовым именах: «Евгений» — австрийский полководец Евгений Савойский, «Тюрень» — французский полководец А. Тюрени, «Юлий Кесарь» — древнеримский полководец и император Юлий Цезарь. «Роленава история» — «Повесть о Роланде», эпическое произведение о подвигах франка Роланда, сподвижника Карла Великого.

¹⁷ *Гершельман С.* Нравственный элемент в руках Суворова // Воен. сборник. 1892. № 5. С. 93.

¹⁸ Цит. по: «Твой есмь аз». С. 88.

¹⁹ Подробнее см.: *Роголин Н.Г.* Указ. соч. С. 10–23.

²⁰ Полное название: «Наставление от предводителя Второй армии войску, ему порученному, каким образом поступать по расположению на зимние квартиры, к заграждению границ, в предохранение ему вверенных, при случае неприятельского приближения и нападения на учрежденные кордоны, как форпостам, так линиию, а позадь оной и из войск расположенными».

²¹ *Роголин Н.Г.* Указ. соч. С. 127.

²² Там же. С. 126.

²³ Сведения о внедрении ее в практику обучения войск относятся к марту 1796 г. См.: Суворов А.В. Походы и сражения в письмах и записках. М., 1990. С. 363.

²⁴ *Керсновский А.А.* История русской армии: В 4 т. Т. 1. М., 1992. С. 166.

²⁵ Рассказы старого воина о Суворове. Кн. 1. СПб., 1847. С. 8.

²⁶ Полное название: «Практика единорогов, изобретенных артиллерии генерал-фельдцейхмейстером и кавалером, графом Петром Ивановичем Шуваловым, и преимуществ их перед прежними артиллерийскими орудиями, кратко описанное в вопросах и ответах для употребления в артиллерийских школах».

²⁷ Полное название: «Полная наука военного управления, или фортификации, содержащая в себе начальные основания, с приобщением двадцати трех расположений укрепления тринадцати знатнейших европейских инженеров, в пользу и употребление юношества и упражняющихся, сочиненная артиллерии штык-юнкером и партикулярным в Москве благородного юношества математики учителем Ефимом Войтяховским».

²⁸ Полное название: «Искусство военных флотов, или Сочинение о морских эволюциях, содержащее в себе полезные правила для флагманов, капитанов и офицеров, с приобщением примеров, взятых из знатнейших происшествий на море за пятьдесят лет, изданное иезуитом Павлом Гостом, профессором математики Королевского училища в Тулоне».

²⁹ Полное название: «Наука морская, сиречь Опыт о теории и практике управления кораблем и флотом военным, что с французской книги перевел и с присовокуплением к тому многих потребных изъяснений и действ издал Николай Курганов, майор и математических и навигацонных наук профессор».

³⁰ Подробнее см.: История отечественной военно-энциклопедической литературы. М., 1980. С. 29–31.

³¹ Книга имела второе название «Книга: Морской Инженер, то есть теория и практика о укреплении напольных и приморских мест, о защищении флотов в укрепленных гаванях и о бывших знатнейших атаках многих портов, с присовокуплением науки о перспективе, о напасти и обороне разных крепостей и словаря инженерного. Для учащихся сему издал Николай Курганов, майор, математических и навигацонных наук профессор. В Санкт-Петербурге, 1777 года».

*Полковник запаса
С.Н. ЛЮТОВ*

• В ЗАРУБЕЖНЫХ АРМИЯХ •

БУРГУНДСКИЕ ОРДОНАНСОВЫЕ РОТЫ. 1470-1477 гг.

К концу XV века в Европе образовалось сильное и мощное Бургундское государство (Бургундия), представлявшее серьезный противовес французской короне в деле централизации Франции. Территория Бургундии составляла свыше 120 тыс. км² с населением более 2 млн человек¹. С 15 июня 1467 года во главе Бургундии стал граф Шароле, вошедший в мировую историю под именем герцога Карла Смелого².

О военной организации Бургундского государства и тактике войск известны лишь некоторые отрывочные сведения общего характера³.

ВСООТВЕТСТВИИ с требованиями эпохи, до 70-х годов XV столетия войско Бургундского государства составляли рыцари⁴ (ленное ополчение) и милиция (буржуазное ополчение), собиравшиеся по призыву сюзерена (бургундского герцога) на определенный срок. Намников бургундские герцоги до Карла Смелого, как правило, не содержали⁵. К тому же территориальный рост государства происходил в основном не военным, а мирным путем (заключение брачных контрактов, получение наследств и др.). Поэтому бургундское войско до Карла Смелого как правило участвовало лишь в подавлении бунтов в северных, наиболее богатых, владениях Бургундии: Фландрии, Брабанте, Голландии, Зеландии.

Недостатки милиции были очевидны: собиралась на определенный период;

ее боевая дисциплина была сомнительной, поскольку, опираясь на законы, существующие в ее местности, в самый ответственный момент военных действий могла бросить поле боя. Недостатки ленного ополчения также имели место. Прежде всего знаменитая недисциплинированность рыцарей, часто думавших во время сражения не о борьбе за стратегические цели, а о том, как найти достойного противника для поединка, сразиться с ним и захватить его в плен, чтобы впоследствии получить за него выкуп.

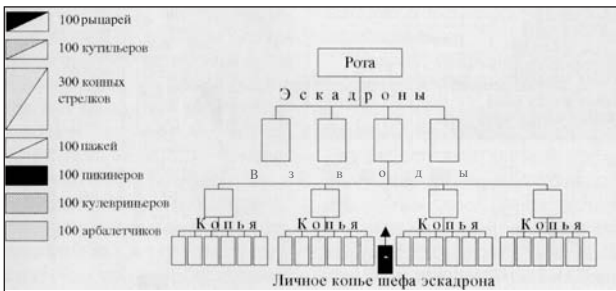
Среди главнейших причин, повлиявших на желание Карла Смелого сформировать регулярную армию, помимо недостатков военной организации милиции и ленного ополчения, необходимо отметить следующие. Во-первых, герцог намеревался создать обширное и мощное королевство под названием Великая Лотарингия — новое государственное образование площадью в 190 тыс. км² от Северного моря до Средиземного между Францией, Германией и Италией⁶. Во-вторых, ему было необходимо обезопасить себя со стороны начинавшей возрастать мощи французского короля Людовика XI, энергично принявшего за централизацию Франции и угрожавшего владениям Карла Смелого, чьи земли частично юридически принадлежали французской короне.

Начало созданию бургундского постоянного войска было положено 20 мая 1470 года, когда Карл Смелый собрал ассамблею Генеральных штатов* с целью разрешить финансирование ордонансовых рот (compagnies d'ordonnance) по образу французских, созданных ордонансами Карла VII в 1431 и 1445 гг. Генеральные штаты, не без

Кондуктор бургундской ордонансовой роты со знаменем Св. Георгия
1473–1477 гг.

*Генеральные штаты — сословно-представительное учреждение, созывавшееся бургундским герцогом главным образом для получения от дворянства, духовенства и бюргерства согласия на сбор налогов

Организация бургундской ордонансовой роты по Сен-Максименскому ордонансу 1473 г.

споров, вотивровали создание денежного фонда на содержание 800 «копий»⁷. В дальнейшем французские ордонансовые роты существовали за счет особого налога — талья.

Однако первые бургундские «копья» появились только после 24 апреля 1471 года, когда Карл Смелый потребовал от Генеральных штатов создания уже 1250 «копий» (около 10 тыс. человек). Выплаты денежного содержания «копьям» в силу т.н. первого ордонанса (Абвильского) от 31 июля 1471 года должны были начаться 2 августа того же года.

В 1474 году бургундский герцог имел в распоряжении до 2200 «копий» (около 11 тыс. человек), в то время как Людовик XI к имеющимся в 1473 году 2094 «копьям» добавил 415 «экстраординарных», а в начале 1476 года имел уже 2846 «копий», сведенных в 40 ордонансовых рот; в начале 1478 года количество «копий» Людовика XI составило 4142. Для сравнения: Неаполь сумел содержать едва тысячу «копий», Бретонское герцогство — не более 400, а Милан — сотню «копий», без лучников. К середине 70-х годов XV века Карлу Смелому удалось собрать под своими знаменами 6250 конных воинов, в то время как у короля Франции находились 8000 конных бойцов⁸.

По Абвильскому ордонансу (31 июля 1471 г.) бургундская ордонансовая рота под командованием кондуктора (conducteur, conductier, conductier) должна была состоять из 100 «копий». Одно «копье» включало семь человек: один рыцарь, трое лучников, один кулевриньер⁹, один арбалетчик и один пикинер (трое последних — пешие бойцы). Кроме того, рыцарь мог за собственный счет иметь кутильера¹⁰ и пажа (не младше 17 лет). В период Бургундских войн число пикинеров увеличилось до трех, кулевриньеров — до восьми. Несмотря на то, что кутильер не состоял на прямом жаловании герцога, он также играл важную роль в сражениях Карла Смелого¹¹.

Ордонансовая рота делилась на 10 десятков по 10 «копий». Каждый десяток во главе с десятским (dizenier) подразделялся на два взвода¹² (chambre) неравного состава. Кондуктор находился в числе рыцарей первого десятка, где он был непосредственным начальником, а также начальником первого взвода своего десятка.

Впоследствии структура ордонансовых рот неоднократно перерабатывалась и была окончательно установлена по Сен-Максименскому ордонансу (октябрь 1473 г.)¹³. В дальнейшем бургундские ордонансовые роты формировались в силу именно этого документа.

Состав «копья» оставался тот же, включая пажа и кутильера, но в него теперь могли входить волонтеры (volontaires) — лица, обучавшиеся воен-

ному ремеслу. Их количество нередко превышало основной состав «копья» в два раза.

Рота в 100 «копий» делилась на четыре эскадры или эскадрона (escadre), каждая из которых делилась на 4 взвода, а взвод состоял из 5—6 рыцарей (вместе с командиром) и своим составом «копья»; всего в одной эскадре вместе с начальником насчитывалось 25 рыцарей.

Дисциплинарные требования были одинаковыми как для конных воинов, так и для пеших. На марше пехотинцы сводились в отдельные отряды и имели командира (из рыцарей); 300 лучников формировали четыре эскадры (батальон) по 75 лучников, каждой из которых командовал тоже рыцарь.

Кроме того, к каждой ордонансовой роте придавался хирург, интендант, трубачи и один военный чиновник (commissaire du trésorier des guerres).

Кондуктор (командир ордонансовой роты) назначался герцогом из числа самых опытных рыцарей сроком на один год. При торжественной церемонии назначения в своем дворце герцог вручал кондуктору жезл, обитый голубым бархатом и завернутый в белый шелк, а также копии своих ордонансов, наставлениям которых кондукторы обязаны были следовать; принимая жезл, новички присягали герцогу на верность¹⁴. В случае смерти кондуктора герцог немедленно назначал нового. Если такое назначение приходилось на первое полугодие, кондуктор считался командиром ордонансовой роты только до конца этого года; если на второе полугодие, то продолжал командовать ротой и следующий год.

Сразу же после своего назначения кондукторы были обязаны «учинить смотр роте»: уточнить ее численность, проверить данные отчета своего предшественника о подчиненном личном составе.

Два начальника эскадр выбирались непосредственно из роты, среди рыцарей, третий назначался кондуктором, а четвертый — герцогом. Обычно последний и был помощником и заместителем (lieutenant) кондуктора ордонансовой роты, хотя командир роты имел право взять в свои заместители любого из четырех командиров эскадр. Их кандидатуры утверждались герцогом.

В течение четырех дней после своего назначения начальник эскадры был обязан назначить командиров взводов из рыцарей¹⁵.

Кондуктор ордонансовой роты, как и весь ее командный состав, имел полную власть над своими подчиненными в мирное и военное время. Он мог наказывать командиров эскадр и даже смещать со своего поста тех из них, кого сам же и назначал, но в обязательном порядке сообщив герцогу о мотивации решения и назвав ему имя того человека, который более подходил на эту должность. Если кондуктор был не доволен командиром эскадры, назначенным герцогом, он мог отстранить его от должности, но только герцог решал судьбу этого рыцаря. Также и начальники эскадр имели право смещать начальников взводов, только в этом случае роль герцога исполнял кондуктор. Командиры эскадр могли наказывать и смещать командиров взводов.

Большой властью в военное время обладал старший офицер военной полиции — маршалский прево (prévôt des maréchaux), который следил за порядком и был ответственен перед самим герцогом или его главным помощником. В ведении маршалского прево находились гражданские и уголовные дела.

Ордонансовые роты комплектовались лицами, которых должны были выставлять подчиненные герцогу земли в соответствии с определенной им «раз-

● В ЗАРУБЕЖНЫХ АРМИЯХ ●

Карл Смелый

нарядкой». В отличие от набора во французские ордонансовые роты, герцог — редкое дело для того времени — разрешил принимать в роты также «всех способных мужчин»¹⁶.

Набором в роту воинов занимался ее командир — кондуктор. Кандидаты на ту или иную вакансию должны были знать воинское ремесло, иметь «доброе поведение» и необходимый возраст, чтобы переносить тяготы несения воинской службы. Окончательное решение о приеме в роту принимал герцог после проведенного им смотра. Затем следовал ритуал принятия присяги. Кондуктору строго-настрого запрещалось принимать человека, уже проходившего службу в одной из других ордонансовых рот или — на это обращалось осо-

бое внимание — исключенного из роты за проступок. Перед заключением контракта (engagement) кондуктор выяснял у воина его прошлое, проверяя полученную информацию.

В полномочия кондуктора входило и право предоставления отпуска. Однако если ордонансовая рота стояла там, где располагался герцог или кто-то из лиц высшего командного состава, предварительно требовалось получить разрешение у него. Если воин не возвращался вовремя из отпуска, он терял причитавшееся ему жалование за каждый день нахождения в отпуске и за каждый день опоздания.

В случае дезертирства начальник обянан был докладывать «наверх» (в ином случае ему грозил штраф в размере 8-дневного жалования), и дезертира объявляли в розыск. Дезертирство в военное время каралось смертной казнью через повешение (hart).

Для контроля за личным составом, проверки вооружения, снаряжения и экипировки регулярно проводились смотры. Часто герцог приказывал проводить «экстраординарные» (внеплановые) смотры. Поводов было достаточно, например, кондуктора представляли по списку больше людей, чем было в действительности: жалование платили после смотра, и, соответственно, можно было поживиться за счет «мертвых» душ.

К июлю 1471 года одному рыцарю (с 3 лошадьми) в месяц выплачивалось 15 франков 32 гроша, что соответствовало 38,6 г золота; для сравнения, французский рыцарь получал денежный эквивалент 36,7 г золота. Бургундские рыцари, занимавшие командные посты, получали соответствующую прибавку к жалованию: кондуктор — 100 франков в месяц, десятник — 9 франков и т.д. Лучники имели жалование в 5 франков, кулевриньер и арбалетчик — по 4 франка, пикинер — 2 патарда (60 солов в месяц или 3 франка).

Ордонанс от 1473 года произвел некоторые изменения в денежном содержании бургундских воинов: рыцарь стал получать 18 франков (46,56 г золота; французский уже получал 34 г.) лучник (или арбалетчик) — 3 сола в день (французский — 17 солов)¹⁷.

В этом же ордонансе расписывалось распределение захваченных у врага трофеев. Кондуктор имел право на двадцатую часть добычи, захваченной воинами его роты, командир взвода — на сороковую часть, но только если он лично участвовал в захвате.

Карл Смелый придавал большое значение дисциплине и порядку в своем войске. Однако основные дисциплинарные правила, существовавшие в нем были скопированы в подавляющем большинстве случаев с французских ордонансовых рот¹⁸.

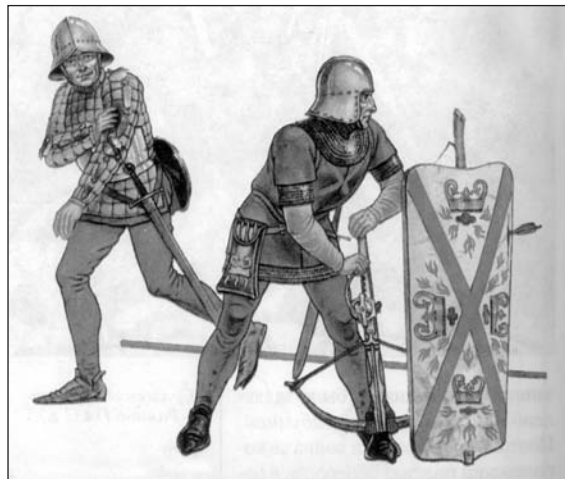
Меры наказания носили материальный характер¹⁹. Так, если кто-то опоздал на место построения, то лишался дневного жалования, поступавшего на счет командира взвода. Если у опоздавшего была уважительная причина, то он терял лишь половину указанной суммы. За совершение грабежа во время движения по дружественной Бургундии стране воин лишался 8-дневного жалования, которое поступало в равной доле кондуктору и тому, кто сообщил ему об этом проступке. Если кто-то совершил насилие в отношении мирного населения враждебной Бургундии области, у мародера, если он кавалерист — отбирали лошадь и удерживали жалование до тех пор, пока он не покупал новую лошадь; на пехотинца накладывался крупный денежный штраф.

Тем не менее грабеж на захваченной территории допускался: все церковное имущество должно было поступить в собственность войска, а не в личное владение. К женщинам и детям противника следовало относиться с уважением; насилие против них каралось смертью. Войскам под страхом самых суровых наказаний запрещалось «ругаться, сквернословить при упоминании Бога, Святого Евангелия и религии»²⁰. Во время похода за каждой ротой могли следовать не более 30 женщин, причем никто не имел права претендовать на то, чтобы какая-либо женщина принадлежала только ему²¹.

Сложно проследить, как соблюдались все эти предписания Карла Смелого на практике, но по крайней мере известно, что по вопросам дисциплины, пусть даже на теоретическом уровне, бургундские ордонансовые роты стояли выше французских.

Важное место в повседневной жизни бургундских рот должны были занимать «учения для всех конных и пеших воинов», но, судя по всему, регулярно они не проводились²².

Ордонансы Карла Смелого детально описывали экипировку и вооружение воинов, приобретавшиеся за их счет²³. Рыцарь должен был иметь доспехи, защищавшие грудь, спину, низ живота, руки и ноги. Голову защищал салад (род шлема) с

Пехотинцы бургундского герцога Карла Смелого

Бургундские артиллеристы и кулевриньеры в форме одежды XV века ведут обстрел вражеских позиций

Современная реконструкция

горловой защитой (salade à gorgerin), украшенный белыми и голубыми перьями. Из оружия нападения – копье, длинный меч («легкий и негнущийся»), кинжал (cousteau) и булава.

Из трех лошадей у рыцаря одна боевая — в конском доспехе (baldes), который могли делать из железных полос, позолоченной меди, или из вареной кожи, в зависимости от средств рыцаря, с боевым седлом (selle de guerre) и наголовником для лошади (chanfrein). Наголовник украшался белыми и голубыми перьями. Две другие лошади пред-

назначались для кутильера и пажа.

Кулевриньер должен был носить салат с горловой защитой, малый хауберт, бригантину²⁴, защиту для рук (manches d'acier) и сражаться мечом.

У лучника, имевшего лошадь, из оборонительного снаряжения были салат с горловой защитой без забрала, короткая кольчуга (petit paletot de haubergie); возможно, бригантина, или жак²⁵. Главным оружием лучника являлся лук (или арбалет) с колчаном на 30 стрел, а также длинный прямой меч и обоюдоострая дага (род кинжала). Кроме того, лучник должен был носить сапоги (hauseaux или hausettes) без длинных мысков с короткими шпорами.

В качестве защитного вооружения у кутильера имелись бригантина, или жак, или малый хауберт, или доспех²⁶, «произведенный в Германии»; салат с горловой защитой, на правой руке — наручи и железные перчатки с пальцами, защищенными железными чешуйками или пластинками, нашитыми на холст или кожу (gantellets), а также защитное вооружение для ног (harnois sur les jambes). Сверху кутильер носил голубую с белым куртку и красным крестом Св. Андрея (покровителя герцогства Бургундии) на ней. Кутильер был вооружен «добрым мечом» и обоюдоострой дагой, висевшей справа на поясе; иногда — легкой короткой пикой (полукопьем) и глефой²⁷.

Арбалетчики-кранекинье²⁸, кулевриньеры и пикинеры носили бригантины или доспех, как у кутильера, а также салат с горловой защитой и были вооружены мечом, как лучники. Арбалетчики, соответственно, имели еще и арбалет.

Как в любом войске, в бургундских ордонансо-

ВОЕННЫЙ АНТИКВАРИАТЪ

ЦАРСКАЯ РОССІЯ · СССР · ГЕРМАНИЯ

- Сабли, кортики
 - Награды, медали
 - Военная форма
 - Военные авто и мото
- 1800 - 1945 гг.

КУПИМ ДОРОГО!

Тел. 694-0-700 226-3-801

Ул. ТВЕРСКАЯ 20, 3-Й ЭТАЖЬ, ОФИС № 316

● В ЗАРУБЕЖНЫХ АРМИЯХ ●

вых ротах существовали многочисленные штандарты, корнеты и флажки²⁹. Личные штандарты (*enseigne*) имели: кондуктор (свой цвет в каждой роте, размер 120x360 см); корнет (*cornette*) начальника эскадры (его цвет соответствовал цвету штандарта кондуктора, 47x278 см). На корнете командира 1-й эскадры была вышита золотом буква «С» (начальная буква от имени Карл — «Charles»); две буквы «С» — у командира 2-й эскадры и т.д. Флажок (*bannerole*) командиров взводов по цвету соответствовал цвету штандарта кондуктора и отличался вышитой на нем помимо буквы «С» еще и цифры, располагавшейся под буквой: у командира 1-го взвода — одно «С» и под ней — цифра «I»; у командира 2-го взвода — две буквы «С» и внизу — цифра «II» и т.д. У пеших воинов, собиравшихся в отдельные отряды во время похода или сражения, существовали свои флажки: гидон (*guidon*) и пеннон (*pennon*).

То, что Карл Смелый перенял основную военную организацию ордонансовых рот у французских королей, ничуть не умаляет его таланты, поскольку ни одна военная организация второй половины XV века не могла предложить большей степени сплоченности и эффективности (по сравнению с ленным ополчением и милицией). Вместе с тем бургундский герцог привнес в организацию своих ордонансовых рот новые оригинальные черты³⁰. Самое характерное отличие бургундских ордонансовых рот состояло в попытках проведения учений войск в мирное время, чего в иных европейских войсках той эпохи не существовало вообще.

В процентном соотношении бургундские ордонансовые роты составляли меньшую часть от всей численности армии, с которой Карл Смелый ходил в походы в Германию, Лотарингию и Швейцарскую конфедерацию. Большую часть бургундского войска составляли милиция Фландрии, Артуа, союзники бургундцев и наемники, т.е. войско было неоднородным как по своему составу, так и по этническому признаку³¹.

Однако к военным действиям бургундские ордонансовые роты, несмотря на многие положительные и новаторские элементы, оказались подготовлены слабо. После последнего ордонанса 1473 года они приняли участие в осаде Нейса (август 1474 г. — июнь 1475 г.), закончившейся неудачно для Карла Смелого, в сражении против войск германского короля и императора Священной Римской империи Фридриха III (24 мая 1475 г.), потерпели поражения в сражениях при Грансоне (2 марта 1476 г.), Муртене (22 июня 1476 г.) и Нанси (5 января 1477 г.), где и погиб основатель ордонансовых рот — герцог Бургундский.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Gaussin P.-R.* Louis XI: le roi méconnu. Paris, 1976. P. 84.

² **Карл Смелый** (1467—1477). Последний бургундский герцог, под властью которого находились герцогство Бургундия, графство Бургундия (Франш-Конте), герцогство Люксембург.

³ *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. М., 1996. Т. 1; *Разин Е.А.* История военного искусства. СПб., 1994. Т. 2; *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1997. Т. 3; *Контамин Ф.* Война в Средние века. СПб., 2001.

⁴ Речь идет о *hommes d'armes* (букв.: вооруженные люди). Данное словосочетание часто переводится в современной российской исторической литературе как «кавалерист», поскольку эти «вооруженные люди» (дворяне), как правило, действовали в конном строю. Думается, вместо термина «кавалерист» (вызывающее ассоциацию, например, с драгунами, гусарами, кирасирами) более логичным было бы использовать употребительное и общеизвестное выражение, имеющее прямое отношение к описываемой эпохе — «рыцарь» (к тому же средневековые не знали деления кавалерии на тяжелую и легкую).

⁵ *Коммин Ф.* Мемуары. М., 1986. С. 17; *Контамин Ф.* Указ. соч. С. 190.

⁶ *Gaussin P.-R.* Op. cit. P. 265.

⁷ «Копье» (*lance garnie* или *lance fournie*) — основная организационная единица ордонансовых рот. Свое название она получила от копья — основного оружия тяжеловооруженного всадника (рыцаря).

⁸ *Contamine Ph.* Guerre, état et société à la fin du Moyen-Âge. Paris-Mouton-La Haye, 1972. P. 284, 285, 289, 303, 304; *Gaussin P.-R.* Op. cit. P. 190; *Histoire militaire de la France*. Т. 1. Paris, 1992. P. 218—220; *Le Puy Ладюри Э.* История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV (1460—1610). М., 2004. С. 79; *Контамин Ф.* Указ. соч. С. 191.

⁹ Кулевриньер (*coulevrinier*) — пеший или конный воин, вооруженный кулевриной. Кулевриньеры, появившиеся в начале XV в., с 1480 г., получив на вооружение аркебузу, стали называться аркебузирами. Кулеврина — ручное огнестрельное оружие раннего типа аркебузы; калибр составлял 12,5—22 мм, вес — 5—28 кг. В России кулеврину называли пищалью.

¹⁰ Кутильер (*coutillier*, или *coustillier*) — пехотинец во французских ордонансовых ротах (XIV—XV вв.), вооруженный кутилье (*couittle*, или *coustille*), под которым иногда подразумевался короткий и широкий меч. В бургундских ордонансовых ротах кутильер мог быть и конным.

¹¹ *Guillaume H.G.* Histoire de l'organisation militaire sous les ducs de Bourgogne. Paris, 1848. P. 120—124; *La Marche O. de.* Mémoires. Paris, 1883. Vol. 4. P. 83; *Contamine Ph.* Op. cit. P. 279, 280.

¹² Здесь и далее следует понимать названия организационных единиц (рота, взвод) не в современном толковании, а с учетом исторической специфики.

¹³ *Guillaume H.G.* Op. cit. P. 121, 122; *Contamine Ph.* Op. cit. P. 486.

¹⁴ *La Marche O. de.* Op. cit. P. 84—86.

¹⁵ *Guillaume H.G.* Op. cit. P. 123, 124.

¹⁶ Цит. по: *Contamine Ph.* Op. cit. P. 368.

¹⁷ *Ibid.* P. 635. Патард (*patard*) — серебряные деньги, бывшие в употреблении с конца XV в. во Фландрии и Брабанте (входивших в состав Бургундского государства) и герцогстве Бургундия. Соль (*sol*) — древняя французская денежно-счетная единица. В XVIII в. это слово трансформировалось в *су* (*sou*).

¹⁸ *Boutaric E.* Institutions militaires de la France avant les armées permanentes. Paris, 1863. P. 314.

¹⁹ *Guillaume H.G.* Op. cit. P. 127, 128, 134.

²⁰ *Dépêches des ambassadeurs milanais sur les campagnes de Charles-le Hardi, duc de Bourgogne (1475—1477)*. Т. 2. Paris-Genève, 1896. P. 158.

²¹ *Дельбрюк Г.* Указ. соч. С. 325; *Contamine Ph.* Op. cit. P. 451, 452.

²² *Контамин Ф.* Указ. соч. С. 234; *Дельбрюк Г.* Указ. соч. С. 325, 326; *Guillaume H.G.* Op. cit. P. 163.

²³ *Ibid.* P. 130—132; *Contamine Ph.* Op. cit. P. 279, 659; *Контамин Ф.* Указ. соч. С. 147; *Michael N.* Armies of Medieval Burgundy. 1364—1477. London, 1988. P. 11.

²⁴ Малый хауберт (*haubergeon*) — кольчужная рубашка, закрывавшая тело и руки. Бригантина (*brigandine*) — доспех, состоявший из двух частей (нагрудника и наспинника) и составленный из железных пластинок, нашитых наподобие черепицы на кожу или прочное полотно; сверху бригантина обтягивалась бархатом или шелком. Этот род доспеха пользовался большой популярностью.

²⁵ Жак (*jaque*) — род доспеха, изготовленный из толстого провощенного холста с подкладкой; жак для лучников в XV в. мог весить до 10 кг.

²⁶ Доспех (*corselet*) состоял из нагрудника и наспинника.

²⁷ Глефа (*vouge*, «*langue de boeuf*») — наконечник в форме ножа, который крепится к длинному древку с помощью втулки и прожилки. У нижнего конца клинка находились острые отростки. На обухе располагался крюк — или прямой, выдающийся вперед, также для отвода удара, или направленный вверх. Внешне напоминал выпрямленную косу.

²⁸ Кранекинье (*crenequiniere*) — арбалетчик, вооруженный арбалетом с воротом (*arbalète à crenequin*), поскольку арбалеты различали по способу натяжения. Существовали еще арбалеты с ручным воротом (*arbalète à main*), с блоком (*arbalète à tour* или *arbalète à moufle*).

²⁹ *Guillaume H.G.* Op. cit. P. 133; Штандарт — знак, объединяющий состав воинского формирования в регулярной кавалерии; корнет — рангом ниже штандарта.

³⁰ *Contamine Ph.* Op. cit. P. 368; *Bartier J.* Charles le Téméraire. Bruxelles, 1970. P. 172.

³¹ *Michael N.* Op. cit. P. 8; *Разин Е.А.* Указ. соч. С. 432; *Винклер П. фон.* Оружие. М., 1992. С. 101.

М.К. ЧИНЯКОВ

В статье использованы иллюстрации: *Куркин А.В.* Рыцари: последние битвы. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2005; Детская военная энциклопедия: Удар и защита. СПб.: Полигон М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Моя служба в 4-м ПОНТОННОМ БАТАЛЬОНЕ. 1906—1908 гг.

В.М. ДОГАДИН

КОМАНДИРОМ нашего батальона был полковник Г.М. Сафонов, пожилой человек очень спокойного характера. Никто никогда не слышал его ругани, он не позволял себе даже повышать голоса. Передавался как анекдот случай, когда Сафонов, будучи недовольным занятием солдат в классе, бурчал себе под нос: «Научится писать на заборе неприличное слово и воображает, что он уже грамотный».

Встречаясь с офицерами, он каждого называл по имени и отчеству, неизменно приветствуя словами «доброе здоровья». Все офицеры без различия чинов обращались между собою также по имени-отчеству, а командира части всегда, даже в домашней обстановке называли по чину: «господин полковник», а генералов во всех случаях — «ваше превосходительство». По этому поводу вспоминаю случай, когда мы — трое подпоручиков — пошли в баню на Печерске. И только успели сбросить с себя всю одежду, как в раздевалку вошел полковник Сафонов и, хотя ничто не указывало на нашу принадлежность к армии, все же мы моментально вытянулись перед ним как по команде «Смирно!». Он, улыбнувшись нашему виду, приложил руку к козырьку и, проговорив свое «доброе здоровья», прошел мимо, а мы долго еще не могли удержаться от смеха, глядя друг на друга.

Полковник Сафонов относился ко всем офицерам весьма благожелательно не только по делам службы, но и по вопросам личного порядка, и никто не мог упрекнуть его в несправедливости.

Иногда нам приходилось бывать у него на квартире, где нас гостеприимно встречала его приветливая добродушная супруга, его сын Николай — офицер 5-го понтонного батальона и мой бывший товарищ по Инженерному училищу, и другой сын — кадет Александр. Полковник Сафонов пробыл в батальоне до конца своей военной службы. Вскоре, уже участь в академии, я был у него в Ораниенбауме. Он тогда был отставным генерал-майором и работал по хозяйственной части на каких-то женских курсах.

Командиром 5-го понтонного батальона был полковник Лофицкий, старик с белой окладистой бородой, за которую его прозвали «баштаный дед», участник Русско-турецкой войны и большой любитель и мастер председательствовать в товарищеских беседах. Командиром первой роты, в которую я был зачислен, являлся капитан Г.А. Мейер, окончивший Николаевскую инженерную академию без дополнительного курса. Его высокий рост и сутуловатая худая фигура, а особенно его длинное красное лицо с рыжеватой растительностью выдавало в нем ост-зейского немца. При умении быть предупредительным с подчиненными и держаться с достоинством, без заискивания с начальством, он отличался выдающимся красноречием, а также остроумием, и впоследствии его реплики и словечки являлись причиной непрекращающегося смеха за столом в офицерском собрании.

Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2007. № 7.

Подпоручик
4-го понтонного
батальона
В.М. Догадин
Киев,
16 августа
1908 г.

Мы с Анатолием нередко по воскресеньям обедали у него, причем его веселая и радушная супруга именвала нас не иначе, как «галчатами».

Вскоре после моего отъезда в академию мой ротный командир скончался от аппендицита, и потому моя поздравительная с Новым годом визитная карточка возвратилась ко мне с соответствующей отметкой, поразив меня своей неожиданностью.

Командиром второй роты был капитан А.П. Павлов, вышедший из Павловского пехотного военного училища, что отражалось на манере его поведения. Если в офицерской среде батальона непечатные выражения не были в ходу, то капитан Павлов позволил себе однажды обрутать свою роту за нечеткое исполнение команды нецензурными словами, причем забыл добавить: «За исключением господ офицеров», как это делал командир роты в купринском «Поединке». Находившиеся в строю мои товарищи, отнеся ругань и в свой адрес, немедленно подали рапорт полковнику Сафонову, и забывшийся капитан получил соответствующее наказание.

Тем более в мое время не допускалось рукоприкладство, которое так выразительно изображает Куприн в своем произведении. Был случай, когда в 5-м понтонном батальоне рыжий капитан Шнейвас ударил солдата хлыстом, так за этот позорный поступок он был переведен из Киева в отдаленный Туркестанский батальон. Больше о подобных случаях мне даже слышать не приходилось.

Командиром третьей роты был капитан Нагорский, отличавшийся исключительной нервозностью и подозрительностью. Всякую произнесенную кем-либо фразу он считал направленной лично против него, моментально раздражался и наговаривал кучу разных неприятностей. Он был одиноким и при мне же женился. На его свадьбе были шаферами подпоручик Роматовский и я. После торжественного венчания в церкви и обильного обеда мы с Роматовским поспешили на пристань, чтобы ехать в лагерь, а так как времени у нас было мало, то мы наняли извозчика. В пути нас захватил сильнейший ливень, а сиденье у пролетки, обитое ярко красным плюшем, намокнув под дождем, образовало сзади на нижней части наших белых кителей соответствующего цвета отпечатки. Вид у нас получился непривлекательным, и мы, вбежав по сходням на пароход, плюхнулись на первую попавшуюся скамейку и сидели на ней, не

• ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ •

вставая, до самого прибытия парохода в лагерь. Вот как рискованно было ездить на киевских извозчиках!

После первого дня знакомства с Марией Васильевной 14 июня мне нередко приходилось видеть ее вместе с сестрой Ольгой на берегу у пристани в момент прибытия парохода, а также провожать их до дома вместе с моим товарищем подпоручиком Усачевым, который не только бывал в ее обществе чаще меня, но и посвятил ей немало своих стихов. Впрочем, вскоре между ними произошла размолвка из-за какого-то пустяка и поле деятельности оказалось для меня расчищено. Однако по указанной выше причине я не считал себя вправе нарушить свое слово, чтобы воспользоваться благоприятным положением, и старался держаться в стороне, хотя это и стоило мне очень трудной внутренней борьбы с самим собой. Тем временем выяснилось, что Мария Васильевна была дочерью воспитателя Киевской военно-фельдшерской школы, который со своей семьей в предшествовавшие годы проводил лето в лагере, занятом ныне нашими батальонами.

Из-за привязанности к Китаеву они теперь поселились на даче вблизи лагеря. Мария Васильевна только что окончила Киевскую фундуклеевскую гимназию, ей тогда было 18 лет. У нее было пять сестер и один брат.

Так как наш лагерь находился в окружении достаточного количества очень интересных девушек, то большинство офицеров нашли для себя красивца по своему вкусу и проводили в их обществе свободное время на прогулках и на танцевальных вечерах.

Мой приятель Введенский выбрал своей дамой Юлию Юрьевну Исаевич, на которой затем и женился. Также и Усачев в Китаеве нашел себе невесту, которая впоследствии по его вызову выехала в Иркутск, куда он был переведен на службу. [...]

Из всех упражнений по инженерному делу мне больше всего нравились понтонные занятия. Работа на воде всегда вызывает какую-то приподнятость и склонность к молодечеству. Стоишь, бывало, бесстрашно на носу быстро плывущего понтона, опираясь одной ногой на борт, а другой на брусок, и сам собой любишься. После упражнений с понтонами на проливе у Жукова острова оба батальона сообща наводили мост через весь Днепр. Особенно интересно производилась наводка моста ночью.

Помню, во время такой наводки я командовал парадом (частью моста), собранном из понтонов. Надо было паромом выйти на середину Днепра, сделать поворот на 180 град., забросить якоря и подойти к уже наведенной части моста. И вот когда при неверном свете луны паром по моей команде: «Правое гребни, левое табань!» сделал назначенный поворот, я оглянулся и к ужасу своему увидел, что быстрое течение Днепра так далеко отнесло паром от наведенной части моста, что в темной дали виден был лишь один фонарь, и не было никакой возможности подвести тяжелый паром на одних веслах. Скоро подошла посланная якорная лодка, которая и подтянула нас к мосту. Стоявший на нем полковник Лофицкий, который командовал наводкой моста, только воскликнул в мой адрес: «Что же это Вы, подпоручик?!» Больше он ничего не прибавил, но я и сейчас чувствую себя неловко, вспоминая об этом.

Поздно ночью по возвращении в лагерь в офицерском собрании по традиции была приготовлена «жженка». Для этого на трех шашках, состав-

ленных в виде треножника, на столе был подвешен большой кусок сахара, который облили коньяком и зажгли. При горении с сахара капала в подставленный таз «жженка», а офицеры, сидевшие вокруг стола, при голубом пламени спирта пели песни [...]

Запевалой был всегда красивый кавказец, адъютант 5-го понтонного батальона поручик Ахматов, обладавший прекрасным тенором и большой музыкальностью.

Разошлись под утро, достаточно «нагруженными». У меня тоже голова кружилась, так как опыта я еще не имел, а «жженка» получилась не только вкусной и сладкой, но довольно коварной.

В конце августа были проведены двусторонние маневры, в ходе которых наши понтонные батальоны должны были переправить через Днепр сначала десант пехоты на понтонах, а потом остальные части с обозом. Переправа осуществлялась под прикрытием ночи, так как противоположный берег занят «противником». Военная игра увлекла собою и невольно, соблюдая полную тайну и тишину, мы на понтонах, нагруженных пехотой, подплывали к «неприятельскому» берегу и с замиранием сердца ждали, что «противник» обнаружит нас и откроет огонь, что и случилось в действительности. Затем стали на парамах перевозить артиллерию и обозы. Закончив переправу поздно ночью, я с товарищами зашел погреться в один из домов, который одиноко стоял на окраине деревни у самого берега.

Изба состояла из одной комнаты с русской печью. Мы застали обитателей спящими на земляном полу, укрытыми чем попало.

Было еще темно и поднявшийся хозяин зажег маленькую керосиновую лампу. За ним встала хозяйка, заправила нерасчесанные волосы под очиток* и занялась горшками у печки.

Одновременно проснулись ребята, которых было не менее пяти, и вся семья молча принялась за плетение корзин из ивовых прутьев. Отец делал большую корзину, дети — поменьше и попроще, даже самая маленькая девочка лет пяти работала, очищая прутья от коры. И все это делалось молча в полутьме до восхода солнца.

С тяжелым чувством вышел я из избушки, увидев эту безрадостную жизнь и безысходную нужду, до сих пор эта мрачная картина жива в моей памяти.

Вскоре после маневров я получил отпуск на 28 дней, который нам полагался при окончании училища и не был предоставлен весной вследствие требования отправиться сразу на лагерный сбор.

Сначала, закупив подарков — знаменитого киевского сухого варенья на Крещатике в магазине Балабухи, я поехал в Петербург, чтобы навестить свою девушку. Однако, должен признаться, что по упомянутому выше причинам я ехал туда без особого энтузиазма, и через неделю отправился отсюда к себе на родину в Астрахань, где жили моя мать с четырьмя сестрами. Меня встретили очень радушно, по-родственному, а замужняя сестра Катя устроила для меня такой вкусный и сытный обед, закончившийся астраханским арбузом, что мы повалились на кровать отдыхать, хотя на весь обед сестра израсходовала всего 50 копеек. Однако мне показалось в родной Астрахани не очень весело, а мыслями я больше витал в Киеве.

Затем я отвез свою старшую сестру Таню на хутор при Копановской станице на Волге, где она после двухлетнего ожидания получила место учительницы во вновь открываемой школе. И даже те-

* Очиток — головной убор замужней украинки.

перь мне с грустью вспоминается картина, как она под осенним дождиком сидит в одиночестве на плоту, ожидая подводу. Ей тогда было всего 20 лет. С того времени она прожила большую подвижническую жизнь, вырастив и воспитав самостоятельную троих достойных граждан Советского Союза.

После того, даже не дождавшись окончания своего отпуска, я поспешил возвратиться в Киев, где в первое же воскресенье отправился с визитом в семью Смирновых, надев, как полагается в этом случае, полную парадную форму.

Смирновы занимали казенную квартиру при Военно-фельдшерской школе, расположенной около госпиталя. В гостиной я застал одну Марию Васильевну, которая в этот момент звала свою маленькую сестру Лелю, чтобы проводить с ней занятия по предметам.[...]

После первого визита я стал бывать у Смирновых, однако не часто (не более одного раза в неделю), так как я все еще продолжал переписку с Петербургом, однако вскоре моя корреспондентка заметила и указала мне, что письма мои стали сухие и попросила объяснить причину. Я откровенно признался в своей вине и в ответ получил от нее освобождение от данного мною слова, но она просила лишь позволения не возвращать моих писем к ней (ее письма я выслал ей по ее просьбе).

Получив свободу, я первым делом поспешил сообщить об этом Марии Васильевне, явившись к ней со словами: «Я свободен!» Она не сразу поняла в чем дело, и в последующей жизни много раз вспоминала этот памятный момент. С этого дня я стал бывать у Смирновых чаще.

Перед переездом из лагеря в Киев мы наняли на коммунальных началах четырёхкомнатную квартиру, расположенную в 3-м этаже дома по Московской улице на Печерске недалеко от арсенала и Никольских ворот. Там квартировали оба наших понтонных батальона и там же продолжали стоять понтонеры и в советское время. Штаб нашего 4-го понтонного батальона был расположен в частном доме на Резницкой улице, следовательно наша квартира была близко от него. Напротив нас находилось офицерское собрание нашей саперной бригады вместе с Миргородским пехотным полком. В собрании была неплохая столовая с буфетом, а по субботам там устраивались танцевальные вечера и ставились любительские спектакли.

В квартире мы жили вчетвером: Анатолий Кремков, Александр Введенский, я и мой однокашник по Ненмоевскому корпусу, поручик Сорокин, служивший в 14-м саперном батальоне.

Из 4-х комнат одну мы выделили в качестве общей столовой, а остальные были нашими спальнями. Из 35 рублей оплаты за всю квартиру на долю каждого приходилось около 9 рублей. Обед из трех блюд мне приносил денщик из частного дома за 10 рублей в месяц. Расходы на завтрак и вечерний чай мы делили поровну и это составляло около 5 — 8 рублей в месяц.

Вдобавок к своей ограниченной обстановке мы взяли на прокат пианино (с оплатой 5 рублей в месяц), которое поставили в столовой.

Наши обязанности по службе заключались в присутствии на занятиях по обучению понтонеров строю, ружейным приемам, гарнизонной службе и изучению уставов. Здесь учения проводили унтер-офицеры, а мы обычно скучали, не зная чем заняться. Некоторым из нас было поручено заведовать понтонными и унтер-офицерскими классами. В этот последний заведующим был назначен я и получал за это 5 рублей в месяц.

Однако занятия в нем происходили редко, так как унтер-офицеры большей частью не могли присутствовать по обстоятельствам службы.

Вскоре меня привлекли на работу в штаб батальона для пересоставления мобилизационного плана. Этим моя строевая служба закончилась навсегда.

В начале 1907 года нам пришлось переживать очень неприятные моменты в связи с требованием из Петербурга выделить пять офицеров для отправки на службу на Дальний Восток. Назначение в те края означало резкую перемену судьбы, во-первых, потому что надо было выезжать из такого прекрасного города, как Киев, в отдаленную окраину, а во-вторых, оттуда неохотно отпускали офицеров в академию, которую я считал своей первой целью.

Отбор офицеров должен был производиться по жребию. Для этого нас, 12 младших офицеров, собрали в штабе батальона и путем вытягивания билетов определили сначала порядок жеребьевки. Мне достался номер 12, то есть последний, и я несколько успокоился, полагая, что до меня, вероятно, все билеты, отмеченные словами «Дальний Восток», то есть пять из двенадцати, будут разобраны. Однако по ходу жеребьевки моя тревога стала возрастать, так как номер первый вынул пустой билет, второй тоже и так шло до седьмого, когда среди оставшихся билетов пять было с назначением и только один — пустой. Тут я почувствовал, что нервы мои напряглись, а сердце быстро застучало. И вот седьмой по очереди вынимает билет с назначением, восьмой тоже и так до одиннадцатого, который вынул последний билет жребия, посылающий его в новые края, а мне осталась пустой! Я долго не мог успокоиться после избавления от висевшей надо мной угрозы и даже сейчас живо переживаю эти жуткие моменты. Среди отправившихся на Дальний Восток был и подпоручик Усачев.

По вечерам жители нашей квартиры обычно расходились каждый в свое приятное семейство: Анатолий к Чеботаревым, Введенский к Исаевич, Сорокин к хозяйке нашего дома играть в карты, а я к Смирновым, где меня принимали приветливо. Однажды вечером Мария Васильевна в присутствии подруг спела под собственный аккомпанемент на рояле две арии из оперы «Иван Сусанин»: «Как мать убили у малого птенца» и «Бедный конь в поле пал». У нее оказался прекрасный голос. Недаром она солировала в церковном хоре в своей гимназии. Ее приглашали участвовать в нем на Пасху даже после того, как она окончила курс, также она училась играть на рояле в музыкальном училище Худяковой, и ее игра доставляла всем большое удовольствие. В дальнейшем она пела немало романсов по нотам, которые я ей доставлял в большом количестве. Нередко мы ходили в кино, которое тогда только открылось в Киеве и в театры, предпочитая посещать оперу. Но чаще всего, а именно каждую субботу, мы бывали в офицерском собрании, где Маруся танцевала без перерыва со мной и с другими офицерами, так как до часу ночи играли попеременно духовой оркестр и тапер на рояле, затем до трех часов играл один тапер, а потом еще до четырех часов остывали, прогуливаясь по залу, и доставали извозчиков, словом, домой добирались в четвертом часу ночи.

И постоянно и дома, и в собрании, и в театре в нашей компании обязательно присутствовала ее старшая сестра Наташа, того требовал долг приличия.

Публикация З.Д. ЯСМАН

(Продолжение следует)

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬКА В НЕБО

О порядке зачисления и деятельности общеобразовательных школ-интернатов с первоначальной летной подготовкой

В первом номере нашего журнала за 2006 год в разделе «Молодежный Военно-исторический журнал» была опубликована статья полковника в отставке Е. П. Толмачева «Организовать... авиационные спецшколы... по типу артиллерийских», в которой автор — выпускник Киевской спецшколы ВВС 1953 года, рассказывает о деятельности этих школ в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время, посетовал, что созданным ныне аналогичным спецшколам без государственной поддержки не выжить. На публикацию Е. П. Толмачева редакция получила немало откликов, при этом выяснилось, что многие наши читатели даже не подозревали о существовании подобных учебных заведений. За разъяснением данного вопроса редакция обратилась к командованию Военно-воздушных сил. Полученный ответ мы и предлагаем сегодня вниманию наших читателей.

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ школа-интернат с первоначальной летной подготовкой (ОШИ с ПЛП) — это образовательное учреждение, работающее в системе Министерства образования и науки Российской Федерации. В ОШИ с ПЛП принимаются юноши не моложе 15 лет, успешно окончившие 9 классов общей средней школы, по состоянию здоровья годные к обучению в высшем военном учебном заведении Министерства обороны Российской Федерации по подготовке летчиков, штурманов, специалистов по управлению воздушным движением, авиационных инженеров и техников. Срок обучения в ОШИ с ПЛП 2 года (10—11 классы). Работа ОШИ с ПЛП является одной из основных систем довузовской подготовки в системе военного образования ВВС.

В настоящее время* в Российской Федерации работает девять Общеобразовательных школ-интернатов с первоначальной летной подготовкой, такие как Ахтубинская, Бар-

наульская, Ейская, Московская, Неклиновская, Оренбургская, Тамбовская, Челябинская, Уфимская. Сообщаем нашим юным читателям адреса:

Ахтубинская ОШИ с ПЛП имени П. О. Сухого. 416514, г. Ахтубинск-4, Астраханской области. Микрорайон «Степной». Директор — полковник Крапивин Петр Михайлович, его заместитель по военно-специальной (летной) подготовке — подполковник Чередник Василий Николаевич.

Барнаульская ОШИ с ПЛП имени Героя Советского Союза Константина Павлюкова. 656902, г. Барнаул, пос. Лесной, ул. Санаторная, 9. Директор — полковник Акоюн Сергей Дживанширович, его заместитель по военно-специальной (летной) подготовке — подполковник Байбак Сергей Владимирович.

Ейская ОШИ с ПЛП. 353680, Краснодарский край, г. Ейск, ул. Плеханова, 15. Директор — подполковник Томарович Александр Владимирович, его заместитель по военно-специальной (летной) подготовке — подполковник Целуйко Александр Николаевич.

Московская областная ОШИ с ПЛП имени трижды Героя Советского Союза А. И. Покрышкина. 141170, Московская область, пгт Монино. Директор — полковник Клименко Владимир Александрович, его заместитель

Встреча представителя ВВС с воспитанниками Московской школы-интерната в пгт Монино

* Данные приводятся по состоянию на 1 июня 2007 г.

по военно-специальной (летной) подготовке — подполковник Стадниченко Андрей Валентинович.

Неклиновская ОШИ с ПАП имени 4 Краснознаменной воздушной армии. 347917, Ростовская область, г. Таганрог-17, ст. Марцево. Директор — подполковник Гольдберг Леонид Исаакович, его заместитель по военно-специальной (летной) подготовке — подполковник Рябов Виктор Васильевич.

Оренбургская ОШИ с ПАП имени И.И.Неплюева. 460000, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 17. Директор — полковник Тагиров Рашид Бариевич.

Тамбовская ОШИ с ПАП имени М.М. Расковой, 392004, г. Тамбов-4, здание 20/7. Директор — полковник Сарычев Георгий Дмитриевич, его заместитель по военно-специальной (летной) подготовке — подполковник Гурин Сергей Викторович.

Челябинская ОШИ с ПАП, 454015, г. Челябинск-15. Директор — полковник Чернов Валентин Александрович, его заместитель по военно-специальной (летной) подготовке — подполковник Пьянков Андрей Владимирович.

Уфимская ОШИ с ПАП. 450010, г. Уфа, ул. Летчиков, 1. Директор — полковник Якупов Салават Гиниятович, его заместитель по военно-специальной (летной) подготовке — подполковник Жуков Эдуард Викторович.

Основной задачей подобных общеобразовательных школ-интернатов является получение их воспитанниками первоначальной летной и инженерно-технической практики с целью подготовки к поступлению в военно-учебные заведения ВВС.

Деятельность ОШИ с ПАП регулируется Федеральным законом «Об образовании», Типовым положением об ОШИ с ПАП, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 5.09.1998 года

№ 1046, приказом министра обороны Российской Федерации № 588 от 1998 года. Типовой штат общеобразовательных школ-интернатов разработан Министерством образования и науки Российской Федерации. Каждая школа рассчитана на 240—300 человек. Ежегодный планируемый выпуск 900—1200 воспитанников.

Конкурс обычно составляет 3—4 человека на место, после прохождения врачебно-летной комиссии остается 1—2 человека на место.

Юноши, изъявившие желание учиться в ОШИ с ПАП, присылают или предъявляют в приемную комиссию до 30 июня года поступления следующие документы: заявление на имя директора ОШИ с ПАП с согласием одного из родителей или лица, его заменяющего; копия свидетельства о рождении; подлинное свидетельство об основном общем образовании (предъявляется лично по прибытии на экзамены); медицинское заключение о состоянии здоровья, которое дает врачебная комиссия при военном комиссариате по месту жительства; медицинские справки: ф-63 (из школы, с прививками), справка от фтизиатра, форма Ю-35 из военкомата или подросткового кабинета; четыре фотокарточки 3х4 см без головного убора; характеристика из школы; рекомендация из аэроклуба (если выполнял полеты или парашютные прыжки); справка о составе семьи; справка о месте работы родителей или лиц, их заменяющих.

В общеобразовательных школах-интернатах с первоначальной летной подготовкой приказом вышестоящего органа образования соответствующего субъекта РФ создается приемная комиссия во главе с директором. В ее работе участвуют представители военного комиссариата, оборонной спортивно-технической организации РОСТО (ДОСААФ), офицеры и председатель врачебно-летной комиссии авиацион-

Занятия по парашютной подготовке

Первый полет с инструктором

Строевая подготовка

ной части учреждения.

Кандидаты из числа детей-сирот и детей, лишенных попечения родителей, годные по состоянию здоровья к летному обучению и успешно сдавшие конкурсные экзамены, зачисляются в ОШИ с ПАП в первую очередь.

Начальная военная подготовка в общеобразовательных школах-интернатах проводится в соответствии с законом Российской Федерации «Об образовании».

В штате ОШИ с ПАП от Министерства обороны Российской Федерации находятся пять военнослужащих: заместитель директора ОШИ с ПАП по военно-специальной (летной) подготовке, а также двое старших воспитателей — командиров рот и старшин рот (итого 3 офицера и 2 прапорщика).

Воспитанники ОШИ с ПАП обязаны выполнять при проведении занятий по начальной военной подготовке, специальных занятий по летной и инженерно-технической подготовке, а также в быту все требования Уставов ВС РФ, они обеспечиваются установленной формой одежды (как воспитанники суворовских военных училищ) и погонами, на которых размещаются буквы «ЛШ». Цвет погон, околыша фуражки, канта на шапке и лампасов на брюках — голубой. Каждый воспитанник обязан строго выполнять установленные правила ношения военной формы одежды.

В соответствии с организационной структурой все учащиеся параллельных классов сводятся в роту численностью до 150 человек. Рота состоит из взводов по 20—25 человек. Взвод состоит из двух отделений, командирами которых назначаются лучшие по успеваемости и поведению юноши с присвоением им установленных званий.

В 2006/07 учебном году количество учащихся в ОШИ с ПАП составило 2431 человек, что на 80 человек больше, чем обучалось в 2005/06 учебном году. В 2006 году в школы поступило 1386 человек, что на 100 человек больше, чем в 2005 году. Окончившие ОШИ с ПАП, как правило, хотят про-

должить обучение в военно-учебных заведениях Военно-воздушных сил. Так, в 2006 году из Ейской, Челябинской и Ахтубинской ОШИ с ПАП в летные вузы поступило 194 выпускника, что составило: около 52 проц. прибывших для поступления, около 30 проц. от выпустившихся из ОШИ с ПАП, 59 проц. от выполнявших полеты.

В настоящее время в военно-учебных заведениях Военно-воздушных сил обучается 1417 выпускников ОШИ, что на 241 больше, чем в 2005 году. Уменьшилось количество отчисляемых по летному и медицинскому несоответствию.

Летную и инженерно-техническую подготовку учащиеся ОШИ проходят в авиационных организациях РОСТО (ДОСААФ). Перед началом полетов они выполняют парашютные прыжки (не менее двух), а также изучают следующие дисциплины: практическая аэродинамика; конструкция самолета (вертолета) и двигателя; авиационное и радиоэлектронное оборудование; штурманская подготовка; авиационная метеорология; авиационная медицина; поисково-спасательная подготовка; руководящие документы по летной работе; парашютная подготовка. На это отводится 222 учебных часа (1-й год — 192 часа, 2-й год — 30 часов).

Летная подготовка рассчитана на выполнение полетов: по кругу, в зону и по маршруту, с налетом 14 часов, из них самостоятельно — 1 час; инженерно-техническая — рассчитана на 150 часов.

Общеобразовательная подготовка в ОШИ с ПАП финансируется из бюджета учреждений; летная и инженерно-техническая подготовка — за счет средств, выделяемых из федерального бюджета; содержание группы военнослужащих — за счет бюджета Министерства обороны Российской Федерации.

Средний налет выпускника ОШИ с ПАП обычно составляет более 6 часов, однако в Московской, Челябинской и Неклиновской школах эта цифра составляет 9—12 часов.

Воспитанники общеобразовательных школ-интернатов летают на самолетах Як-52, Вильга 35А, вертолетах Ми-2, планерах, выполняя по 2—3 парашютных прыжка в год.

Опыт деятельности ОШИ с ПАП показал, что подобные учебные заведения молодежи нужны. Они не только помогают в решении ее социальных проблем, но и в военно-профессиональной ориентации, что очень важно для будущих защитников Родины.

Сегодня решается вопрос об открытии подобных школ-интернатов в Хабаровске, Сызрани, Красногвардейске (Калининградская область).

Полковник Я.А. ДОЛИНЧУК

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЛОТСКОЙ РАЗВЕДКИ В ГОДЫ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 ГГ.

НЕСМОТРЯ на более чем шестидесятилетний период, отделяющий нас от событий Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., исследование ее исторического опыта до сих пор не потеряло своей актуальности. Особенности разведывательного обеспечения боевых действий сил Краснознаменного Балтийского и Северного флотов в ходе этой войны были бы привлечь пристальное внимание отечественных историков. Однако история флотской разведки крайне редко становилась объектом исследования отечественных ученых. Монография* ответственного секретаря редакции «Военно-исторического журнала» кандидата военных наук В.Г. Кикнадзе — одно из исключений. То, что обращение к опыту разведывательного обеспечения действий сил флота в Советско-финляндской войне отвечает важнейшим запросам современности, автор обосновал недостаточной разработанностью темы, а также методологической и практической значимостью результатов исследования, возможностью их использования в качестве практических рекомендаций и предложений для уточнения основных направлений развития сил и средств разведки в современных условиях.

В центре внимания В.Г. Кикнадзе — определение на основе анализа архивных документов состояния и возможности сил разведки накануне военных действий, выявление положительных и отрицательных факторов в ее организации и деятельности, уточнение оценки разведывательной деятельности посредством определения ее влияния на решение боевых задач сил флота. Автор знакомит читателя со сложной спецификой организации и деятельности агентурной, специальной, воздушной разведки, радиоразведки, тактической разведки корабельным составом ВМФ СССР в Советско-финляндской войне.

И это, заметим, правиль-

но, поскольку прежние исследования этих событий проводились с акцентом на изложение содержания боевых действий активного (наступательного) характера.

При этом отдельные просчеты в организации операций и систематических боевых действий боевых кораблей, подводных лодок и морской авиации, как правило, объяснялись невысоким качеством, а зачастую и вовсе отсутствием разведывательных данных о противнике. Характерным примером является большинство докладов, сделанных на совещании 13 марта 1940 года по анализу и обобщению боевого опыта ВМФ в Советско-финляндской войне. Критиковал деятельность разведки, в первую очередь разведывательного отдела КБФ, начальник штаба флота капитан 1 ранга Ю.А. Пантелеев. В своем докладе он отметил, что средств для организации морской разведки штаб флота имел более чем достаточно, но разведотдел так и не смог занять во всей системе управления силами флота ведущего места. Сбор и обработка данных шли чрезвычайно медленно, выводы из обстановки задерживались, сведения, полученные разведкой устаревали. После войны в докладе наркома обороны Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова также говорилось о плохо поставленном деле военной разведки, в том числе о том, что к началу войны Наркомат обороны и Генеральный штаб не располагали точной информацией о силах и средствах противника, качестве войск, их вооружении и т.д. В результате причины неудачных действий сил флота в отечественной историографии увязывались с неготовностью разведки. При этом глубокий анализ факторов, обусловивших подобное положение дел, не проводился.

Действительно ли так плохо была организована и функционировала разведка флота, насколько обоснована непрекращающаяся и по сей день критика подобного рода в ее адрес? Детальный

Обложка монографии

анализ задач разведки, их увязки с боевыми задачами флота, состояния и деятельности флотской разведки позволили автору найти ответы на эти острые дискуссионные вопросы.

В монографии доказано, что недостатки разведывательного обеспечения боевых действий Балтийского и Северного флотов были заложены еще в предвоенный период. Недооценка командованием флотов роли информационного (разведывательного) обеспечения обусловили недостаточное внимание с их стороны к вопросам подготовки сил, средств и органов управления разведки. Зачастую нужды и запросы последней попросту игнорировались, что отрицательным образом отразилось на ее готовности к решению задач военного времени.

В исследовании показано, каким образом подобное отношение к вопросам разведывательного обеспечения нашло отражение в процессе организации боевых действий. В частности, установлено, что содержание задач по разведывательному обеспечению часто не согласовывалось с боевыми задачами флотов. Реальные возможности сил разведки по обнаружению и выявлению сил противника не учитывались. В то же время к полученным разведанным до конца военных действий у командования флотом сохранялось недоверчивое отношение.

Тем не менее разведка ВМФ в ходе войны внесла свой посильный вклад в достижение целей отдельных операций и боевых действий сил флота. Этот аспект благодаря использованию архивных материалов достаточно подробно и убедительно раскрыт в содержании второй и третьей глав монографии. Исследуя результаты деятельности разведки, В.Г. Кикнадзе наибольшее внимание уделил двум моментам: решению разведкой поставленных перед ней задач и влиянию наличия и отсутствия разведывательных данных на решение боевых задач флота.

Автор пришел к заключению, что плодотворность решения задач разведывательного обеспечения флотов бы-

ла различной. Однако это не всегда определяло степень решения задач сил флота. При этом именно результативность последних независимо от фактического обеспечения флота разведывательными данными предопределила меру критики в адрес разведки. Чаще всего критика была необоснованна и по большей части являлась следствием наиболее простого способа переложить ответственность за собственную некомпетентность на руководство разведки. Например, разведка КБФ установила отсутствие военных сооружений и воинских частей на островах Лавенсаари и Сейскаари, однако ее данным не поверили, и высадка десантов на острова предшествовали налет бомбардировочной авиации, обстрел железнодорожными батареями и корабельной артиллерией. После высадки сведения разведки об отсутствии противника подтвердились, а бомбы и снаряды, так необходимые на других участках ведения военных действий, уже были израсходованы впустую. Безрезультатными оказались также действия сил флота по уничтожению броненосцев береговой обороны Финляндии. Несмотря на неоднократное обнаружение этих кораблей разведкой КБФ и заблаговременное информирование командования, проведенные воздушные удары (не менее восьми) так и не достигли цели. Пренебрегали доставкими разведки и при уничтожении батарей береговой обороны Финляндии на островах Бьеркского архипелага.

Причинами недостаточной реализации разведывательных данных и невыполнения боевых задач силами флотов, по мнению В.Г. Кикнадзе, являются низкая компетентность боевого управления силами флота, отсутствие авторитета руководящего состава разведки, а также недостаточная готовность самих сил к решению подобных задач даже в мирное время, тем более в условиях противодействия сил противника, сложности гидрометеословий и эффективной маскировки.

Автор справедливо отметил, что недостаточно полные и достоверные данные разведки не позволили успешно решать задачи флота по борьбе с неприятельской авиацией, уничтожению вражеских подводных лодок, нанесению ударов по военно-морским базам противника и борьбе с минной опасностью. Кроме того, отрицательно влиял на решение задач флота срыв целого ряда операций из-за отсутствия информации о гидрометеословиях в районах их проведения.

* Кикнадзе В.Г. Разведка Военно-морского флота СССР в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг.: Монография. Калининград: Балтийский военно-морской институт, 2007. 76 с., ил.

Детальный анализ всего цикла деятельности разведки — от постановки задач до результатов использования (неиспользования) добытых ею сведений — позволил автору прийти к выводу, что большая часть критики командования советского ВМФ, флотов и соединений в адрес разведки, в первую очередь разведывательного отдела КБФ, недостаточно справедлива. В большинстве случаев она являлась следствием желания и возможности наиболее простого способа переложить ответственность за собственные просчеты на командование разведки — молодых офицеров, действительно не сумевших еще заработать должного авторитета и не способных на тот момент отстаивать свою точку зрения.

Недостатки деятельности флотской разведки в войне В.Г. Кикнадзе объяснил в большей степени просчетами в ее строительстве в мирное время: непониманием роли и значения разведки в современной войне, ошибками в постановке задач флотам и органам разведки накануне войны, а также устранением отдельных должностных лиц от организации разведывательной деятельности и разведывательной подготовки.

Монография написана на обширной документальной базе, демонстрирует хорошее знание самого предмета и научной литературы по широкому кругу вопросов отечественной военной истории.

К достоинствам труда следует причислить помещенные в приложение выявленные и проанализированные автором архивные источники, позволяющие реконструировать организацию деятельности флотской разведки в предвоенные годы, углубить наши знания и представления о военной разведке. Наиболее интересными с этой точки зрения являются отчеты о состоянии и деятельности в ходе войны разведки Краснознаменного Балтийского флота и Северо-Западного фронта.

В целом, без претензий автора на исчерпанность и абсолютную объективность выдвигаемых им научных положений, оценок, выводов и уроков, исследование может стать практически значимым для военных специалистов и является познавательным для широкого круга читателей, интересующихся военной историей.

**Капитан 1 ранга
С.Л. ТАШЛЫКОВ**

И.В. СТАЛИН И У. ЧЕРЧИЛЛЬ — СОЮЗНИКИ-АНТАГОНИСТЫ

В 2004 году была издана книга О.А. Ржезевско-го* на английском и русском языках, а позднее и на китайском. В ней затронута тема, интерес к которой в мире не ослабевает до сих пор. Еще в марте 2002 года Восточный департамент Министрства иностранных дел Великобритании провел в зале Локарно совместно с дипломатами и историками России семинар на тему «Черчилль и Сталин». На семинар были приглашены около 60 британских историков и дипломатов.

К открытию семинара англичане издали сборник документов на тему «Черчилль и Сталин». В семинаре приняли участие Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Великобритании Г.Б. Карасин, дочь У. Черчилля М. Соумс, его переводчик Х. Ланги, ряд руководителей отделов и других чиновников Министерства иностранных дел Великобритании. Итоги семинара подвел бывший посол Великобритании в РФ сэр Р. Брейтвейт. Работа семинара освещалась в печати Великобритании и России. Это один из примеров глубокого интереса, который сохраняется в мире к личностям И.В. Сталина и У. Черчилля, их жизни в непримиримой борьбе за противоположные идеалы, прерванной недолговечным, но великим союзом, объединившим усилия стран и наро-

дов во имя разгрома фашистского нашествия.

И.В. Сталин и У. Черчилль — союзники-антагонисты, руководители государств с противоположными социально-политическими системами, антиподы по происхождению, мировоззрению, жизненному пути в целом. Волею обстоятельств сын сапожника, профессиональный революционер, глава социалистического государства и выходец из высшей касты буржуазного общества, лидер крупнейшей в мире империи должны были найти путь к сотрудничеству, от которого зависели судьбы их стран и народов. Они искали и находили подходы друг к другу, принимая решения в интересах объединения усилий во имя борьбы против нашествия агрессоров. Тем более ценен не имеющий прецедента в истории опыт сотрудничества руководителей СССР, США и Великобритании, его возможностей и пределов, поучительных поисков И.В. Сталиным и У. Черчиллем взаимных компромиссов в том числе в личных отношениях, также необходимых для достижения общей цели. Важно, по мнению автора книги, прояснить на этом фоне условия и причины, которые привели к созданию англо-советского союза, а затем вызвали его, казалось, предотвратимый распад — историю, в которой многие решения зависели от И.В. Сталина и У. Черчилля.

В основе книги — документы архивов России, Великобритании, США, раскрывающие историю становления англо-советских отношений в годы войны, доступные и наиболее полные записи личных встреч, бесед,

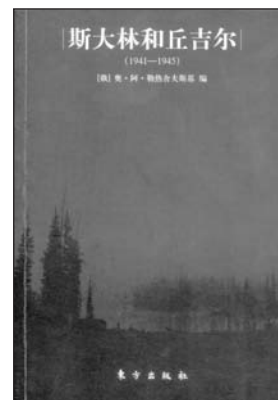
* *Ржезевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941—1945. М.: Наука, 2004. 564 с.

СОВЕТСКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ В ВАЖНЕЙШИХ БИТВАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В 2006 году вышла в свет книга О.Е. Ащеулова «Артиллерия Красной армии в битвах Великой Отечественной войны (1941—1943)*», посвященная описанию и анализу действий артиллерии РККА в 1941—1943 гг. На основе имеющихся научных публикаций, трудов отечественных и зарубежных историков, воспоминаний участников войны (в том числе крупных военачальников)

* *Ащеулов О.Е.* Артиллерия Красной армии в битвах Великой Отечественной войны (1941—1943). М.: Компания Спутник+, 2006. 175 с.

и архивных источников автор провел комплексное исследование боевого применения и роли артиллерии Красной армии в крупнейших битвах Великой Отечественной. В работе рассматриваются действия артиллерии в оборонительный и наступательный периоды Битвы под Москвой и Сталинградской битвы, а также на оборонительном этапе Курской битвы. Автор отмечает важные шаги в развитии новых методов применения артиллерии, количественный рост и качественное совершенствование этого рода войск в ходе войны.

Обложка книги

дискуссий И.В. Сталина и У. Черчилля, некоторые сопутствующие материалы. Это документы Архива Президента Российской Федерации (фонд 45), Архива внешней политики Российской Федерации (фонды 6, 59), Российского государственного архива социально-политической истории (фонд 55), а также Государственного архива Великобритании, Архива У. Черчилля при Кембриджском университете и Национального архива США. Значительная часть документов 1942—1945 гг. содержит малоизвестные факты, устраняет некоторые белые пятна в истории антигитлеровской коалиции, дает представления о механизме принятия решений союзными державами и их лидерами, объясняет успехи и просчеты советской и британской дипломатии.

Документы публикуются в соответствии с оригиналами, с расшифровкой отдельных слов и сокращений, сопровождаются комментариями, картами и иллюстрациями.

Е.С. ДАНИЛИНА

Обложка книги

В приложении приводятся постановления Государственного Комитета Оборон СССР 1941—1943 гг., которые были рассекречены в 2005 году и большей частью вводятся в научный оборот впервые.

О.Р. ДМИТРИЕВА

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

Редакцией выявлены случаи предоставления нашими авторами рукописей одних и тех же статей, в том числе ранее опубликованных, одновременно в несколько научных журналов.

Редакция «Военно-исторического журнала» ПРЕДУПРЕЖДАЕТ, что в дальнейшем, при выявлении подобных фактов, сотрудничество с авторами этих рукописей будет ПРЕКРАЩЕНО, а сведения о них направлены в Высшую аттестационную комиссию (ВАК) Министерства образования и науки РФ.

Сведения об авторах номера

БОРЗУНОВ Семен Михайлович — писатель, заслуженный работник культуры Российской Федерации, участник Великой Отечественной войны, полковник в отставке (Москва)

БУДКО Анатолий Андреевич — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

ГЕРАСИМОВ Василий Леонидович — заместитель начальника управления Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Москва)

ДАНИЛИНА Евгения Сергеевна — литературный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ДМИТРИЕВА Ольга Руслановна — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ДОБЫЧИНА Елена Викторовна — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ДОЛИНЧУК Ярослав Анатольевич — начальник группы, старший инспектор-летчик направления военного образования Военно-воздушных сил, полковник (Москва)

ЖУРАВЛЕВ Дмитрий Алексеевич — старший научный сотрудник Военно-медицинского музея МО РФ, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

ЗДАНОВИЧ Александр Александрович — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)

ИЛЬИН Евгений Васильевич — директор центра по изучению военной истории исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

КОЗЛОВ Денис Юрьевич — начальник отдела Института военной истории МО РФ, капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

КОНДАКОВА Нина Ивановна — профессор-консультант кафедры истории российской государственности Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доктор исторических наук, профессор (Москва)

ЛОБАНОВ Андрей Владимирович — начальник Военного представительства МО РФ, подполковник (Москва)

ЛЮТОВ Сергей Николаевич — профессор кафедры Новосибирского высшего военного командного училища (военного института), полковник запаса, доктор исторических наук, профессор (г. Новосибирск)

МАЧИКИН Евгений Геннадьевич — начальник научно-исследовательской исторической группы ВМФ, капитан 1 ранга (Москва)

МОНАСТЫРЕВА Галли Германовна — советник начальника управления Департамента градостроительной политики развития и реконструкции г. Москвы (Москва)

ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ПАВЛОВ Александр Петрович — полковник в отставке (пгт Колпна Орловской обл.)

ТАШЛЫКОВ Сергей Леонидович — профессор кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

ХВОРОСТЯНОВ Юрий Александрович — генерал-лейтенант в отставке (Москва)

ЦАРИК Владимир Станиславович — старший офицер отдела Главного управления кадров МО РФ, подполковник (Москва)

ЦУКАНОВ Игорь Павлович — директор Курской областной патриотической общественной организации Центр «Поиск» (г. Курск)

ЧЕЛЫЦОВ Борис Федорович — генерал-полковник запаса, доктор военных наук (Москва)

ЧИНЯКОВ Максим Константинович — старший преподаватель Московского педагогического государственного университета, кандидат исторических наук (Москва)

ЮРКЕВИЧ Евгений Иванович — старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

ЯСМАН Зинаида Даниловна — ведущий научный сотрудник Государственного исторического музея, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

ЯЦЕНКО Константин Владимирович — заведующий кафедрой истории России Курского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (г. Курск)

Материалы номера рецензировали: кандидат исторических наук, старший научный сотрудник полковник И.И. Басик (Институт военной истории МО РФ); заслуженный работник культуры РФ И.О. Гаркуша (Российский государственный военно-исторический архив); кандидат исторических наук полковник С.Н. Ковалев (Институт военной истории МО РФ); доктор исторических наук В.М. Крылов (Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи); кандидат политических наук, доцент полковник В.В. Ларченков (Военный университет МО РФ); кандидат исторических наук А.Н. Манжосов (Курское областное научное общество); кандидат педагогических наук адмирал флота В.В. Масорин (Главное командование ВМФ); кандидат исторических наук, доцент Ю.А. Никифоров (Институт всеобщей истории РАН); кандидат военных наук генерал-полковник А.С. Рукшин (Главное оперативное управление Генерального штаба ВС РФ); кандидат политических наук, доцент генерал-полковник А.С. Скворцов (Генеральный штаб ВС РФ); генерал-лейтенант в отставке Ю.А. Хворостьянов; доктор исторических наук, профессор А.А. Чернобаев (Российская академия государственной службы при Президенте РФ).

Редакция принимает к рассмотрению рукописи (распечатанный экземпляр и на электронном носителе) объемом не более одного авторского листа, набранного в Word 95,97,2000 через два интервала с постраничными сносками и концевыми ссылками на использованные источники. Ответственность за достоверность информации, точность цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За качество полиграфического исполнения журнала и его своевременное распространение несут ответственность Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ, тел.: 8(499) 157-80-47.

В соответствии с действующим законодательством редакция имеет право не вступать с авторами в переписку, о результатах рецензирования не сообщать, рукописи не возвращать, публиковать присланные материалы помимо печатной версии в интернет-приложении «Военно-исторический журнал. Интернет-приложение» (www.mil.ru). Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов. При перепечатке материалов ссылка на «Военно-исторический журнал» обязательна.

В соответствии с требованиями налоговой инспекции и финансовых органов «Военно-исторический журнал» может публиковать и оплачивать лишь те материалы и документы, в которых имеется почтовый адрес автора, ученая степень, ученое звание, номера телефонов, указаны полностью его должность, фамилия, имя, отчество, серия и номер паспорта (для военнослужащих — воинское звание, данные паспорта и удостоверения личности), число, месяц и год рождения, а также в обязательном порядке должен быть указан ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования.

За справками о присланных в редакцию материалах обращаться по тел.: (495) 693-54-10; 8-906-751-06-97.

Компьютерная верстка —
Р.И. ПАРФЕНОВ, Р.А. АЛИЕВ, О.В. ТАРАСОВ

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и «Военно-исторический журнал. Интернет-приложение» — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Адрес редакции для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (495) 693-57-45; 8-906-751-06-97 E-mail: Mil_Hist_magazin@mail.ru

Сдано в набор 18.08.2007
Подписано к печати 21.09.2007
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Усл.печ.л. 9,3+0,93 обл. и вкл.
Уч.-изд.л. 14+1 обл. и вкл.
Усл.-кр.-отт. 9,3+3,72 обл. и вкл.

Тираж 5500 экз. Зак. 1918
Регистрац. № 01978 от 30.12.1992.

Допечатная подготовка выполнена в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ

Отпечатано в ООО
«Красногорская типография».

© «Военно-исторический журнал», 2007.

ПОБЕДА ПРИ НАВАРИНЕ СПОСОБСТВОВАЛА ОБРЕТЕНИЮ ГРЕЦИЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

8(20) октября — 180-летие Наваринского сражения (1827)

Наваринский бой
Художник И.К. АЙВАЗОВСКИЙ, 1848 г.

Линейный корабль «Азов» в Наваринском сражении

Л.П. Гейден

М.П. Лазарев

Э. Кодрингтон

де Реньи

Марки, выпущенные в Греции к столетию Наваринского сражения, 1927 г.

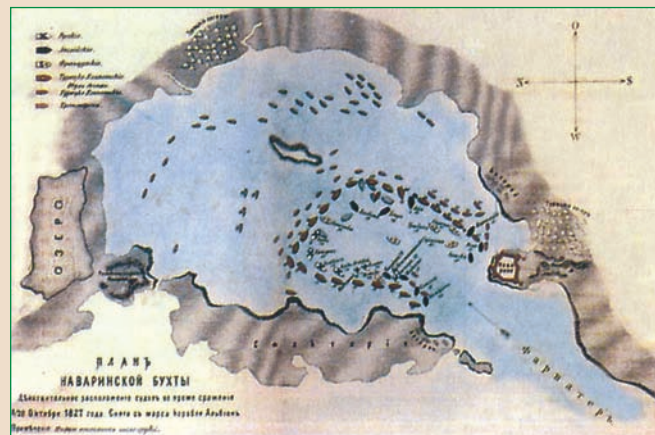

Л.П. Гейден

План Наваринского сражения 1827 г.

Командующий турецко-египетским флотом Ибрагим-паша
Марка, выпущенная в Египте, 1948 г.

да рядом с французами показались турецкие брандеры, на шлюпке был послан парламентар с требованием отвести турецкие суда. Однако он был убит, а турки открыли огонь по союзникам.

Главный удар в сражении приняла на себя русская эскадра, которая вела бой с центром и правым флангом противника. В центре боя оказался корабль «Азов», которым командовал капитан 1 ранга М.П. Лазарев. К исходу боя союзники не потеряли ни одного корабля, а от эскадры противника уцелел лишь один корабль и 15 мелких судов. Турки потеряли боевое ядро своего флота.

Публикацию подготовила
М.Е. НОВИКОВА,
студентка Московского
гуманитарно-экономического
института
(Москва)

Сражение при Наварине
Хромолитография
Л. СЕБАТЬЕ,
А. БАЙО
по оригиналу
А. МЕЙЕРА

Морское сражение при Наварине
Художник Л. БЛИНОВ

В БОЯХ... В ГРЕНАДЕ КРЕСТЬЯНАМ ОТДАТЬ...»

«Гражданская война в Испании 1936—1939 гг.»

Танк советского производства, захваченный франкистами у республиканцев

Фалангисты

Знамя интернациональной батареи имени В. Коларова
1937—1939 гг.

«Остановить фашизм!»

Листовка (на голландском языке)

«Победить или умереть!»
Агитационный плакат (на испанском языке)

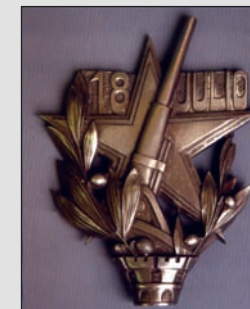
«Еще один удар, и фашизм падет!»
Плакат (на испанском языке). Автор ОСЕНСИ,
6 февраля 1937 г.

Почтовая карточка республиканской Испании
1937 г.

Знамя подразделения фалангистов, воевавших в составе войск генерала Франко

Навершие древка знамени интербригад

Знамя XIII интербригады им. Домбровского

ХРАНИТЕЛИ

В НАСТОЯЩЕЕ время в мире существует множество медицинских музеев. Однако не все они равнозначны по составу своих фондов и выполняемым задачам. Медицинских музеев, обладающих богатыми коллекциями, занимающихся наряду с широкой экспозиционной деятельностью еще и научной работой, весьма мало. В число лучших входят Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации в Санкт-Петербурге и Национальный музей здравоохранения и медицины в Вашингтоне. Оба они являются крупнейшими медицинскими музеями и позиционируют себя как национальные музеи в своих странах. Это определяется многообразием их фондов, а также широтой проводимой экспозиционной и научно-исследовательской работы.

Свои истоки музеи берут в XIX веке – в период бурного развития медицинской науки, а также формирования современных научных школ и первых медицинских музеев в Европе и США.

Об истории и деятельности этих музеев читайте в номере статьи А.А. Будко и Д.А. Журавлева «Хранители традиций военной медицины».

Публикацию подготовила
А.С. ФИЛИПОВА

▲ Общий вид зала «Медицина вооруженных конфликтов» в экспозиции Военно-медицинского музея

▲ Научные труды сотрудников Военно-медицинского музея

Экспонаты зала «Советская медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

▲ Рукопись Н.И. Пирогова «Дневник старого врача. Вопросы жизни» 1881 г.

▲ Экспонаты зала «Движение сестер милосердия»

ТРАДИЦИЙ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

▲ Здание Военно-медицинского музея

▲ Фрагмент экспозиции Военно-медицинского музея

К 65-летию Военно-медицинского музея
Министерства обороны Российской Федерации в Санкт-Петербурге

▲ Командование, члены ученого совета и научные сотрудники Военно-медицинского музея МО РФ

Начальник Военно-медицинского музея МО РФ доктор медицинских наук, профессор, полковник медицинской службы А.А. Будко

Читайте в номере

▲ Обложки книг библиотеки Военно-медицинского музея

▲ Микроскоп «Олимпус» Япония, 1920-е гг.

▲ Микроскоп стационарный СССР, 1941 г.

▲ Микроскоп Польша, 1935 г.

▲ Микроскоп лабораторный «Карл Цейс» Германия, 1920-е гг.

▲ Микроскоп из фондов Национального музея здравоохранения и медицины США

▲ Экспозиция музея «Врачи - иностранцы на службе в России»

